

2022

Volume 16

No 3(61)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2022

Том 16

№ 3(61)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 78782. Формат 240×170. Объем 180 с. Тираж 32 экз. Заказ № 22112. Цена свободная. Дата выхода в свет 30.09.2022. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Dementyeva V. V.

Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense:
Teaching Classical Philology and Ancient History370

Krylova N. L., Michael N. K. W.

"Russian Roots" of Tekle Hawariat Tekle Mariam394

Moysinovich A. M.

Satyricon magazine in Paris: nostalgia or «laughter through tears»406

Frolov D. L.

Byzantine Society as Described by the Chroniclers
of the Fourth Crusade: A Statistical Analysis426

LAW

Koneva E. V., Simonova S. V.

Legal and psychological grounds for determining information
as harmful to the health and development of children436

Solovyev O. G.

Technical-legal aspects of the normative consolidation of the signs
of the objective side of the crime provided for in Article 238.1
of the Criminal Code of the Russian Federation446

Ivanov A. B.

Termination of an employment contract at the initiative
of an employee in Russian practice: historical and legal view454

Makarov I. I.

Topical issues of differentiation of self-defense of civil rights
and arbitrariness.....468

Lekanova E. E.

Law-enforcement problems of implementing the provisions
of the Decree of 8 July 1944 on the recovery of maintenance
for minor children.....480

Kabanov V. M.

Functions of criminal law axioms in law-making activities.....304

PSYCHOLOGY

Karpov A. V.

Metasystem organization of subject determinants
of professional activity494

Trifonova S. A., Sakovskaya O. N., Efimova O. A.

The structure of a person's self-attitude in relation to social
standards broadcast by the media.....506

Smirnov A. A., Solovyeva E. V.

Empathy as a method of comprehension of the psychic
(the empirical aspect).....516

Zhuravlev A. L.

Memories on Professor V. S. Filatov and my distribution
to Yaroslavl State University.....524

ИСТОРИЯ

Дементьева В. В.

Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense:
преподавание классической филологии и древней истории370

Крылова Н. Л., Микаэль Н. К. В.

«Русские корни» Текле Хаварията Текле Марияма394

Мойсинович А. М.

Журнал «Сатирикон» в Париже: тоска по родине,
или «смех сквозь слезы»406

Фролов Д. Л.

Характеристика ромейского общества франкскими хронистами
IV крестового похода: статистический анализ терминологии426

ПРАВО

Конева Е. В., Симонова С. В.

Правовые и психологические основания определения информации,
причиняющей вред здоровью и развитию детей436

Соловьев О. Г.

Технико-юридические аспекты нормативного закрепления
признаков объективной стороны преступления,
предусмотренного ст. 238.1 УК РФ446

Иванов А. Б.

Расторжение трудового договора по инициативе работника
в российской практике: историко-правовой ракурс454

Макаров И. И.

Актуальные вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства468

Леканова Е. Е.

Правоприменительные проблемы реализации положений Указа от 8 июля 1944 года о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей480

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В.

Метасистемная организация субъектных детерминант профессиональной деятельности.....494

Трифонова С. А., Саковская О. Н., Ефимова О. А.

Структура самоотношения личности во взаимосвязи с социальными эталонами, транслируемыми СМИ.....506

Смирнов А. А., Соловьева Е. В.

Эмпатия как метод познания психического (эмпирический аспект).....516

Журавлев А. Л.

Воспоминания о профессоре В. С. Филатове и моем распределении в Ярославский госуниверситет524

Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense: Teaching Classical Philology and Ancient History

V. V. Dementyeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-370-393

Research article
Full text in Russian

The article discusses the teaching of a number of subjects of classical studies – Latin and ancient Greek, ancient history and literature – by professors of the Demidov Higher Sciences School. The attention of P. G. Demidov to humanitarian subjects in the Athenaeum founded by him is noted (the official Latin name of the school was *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense*), as well as his personal invitations of classical philologists for teaching. The author connects the formation of P. G. Demidov's interest to classical languages and to the sciences in general with his studies in Revel with Professor A. F. Sigismundi, about whom the article provides biographical information. The activity in Yaroslavl of classical philologists I. E. Sreznevsky, F. Schmidt and M. O. Khanenko, as well as A. F. Klimenko and S. A. Vilinsky is characterized. The content of speeches by S. A. Vilinsky about the history and «successes of enlightenment» of the three ancient peoples – the Egyptians, Greeks and Romans is analyzed. It is concluded that classical studies at the Demidov School were originally an essential and very significant part of the formation of higher education in Yaroslavl.

Keywords: Athenaeum of P. G. Demidov; classical philology; ancient history; professors; teaching

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dementyeva, Vera V. | E-mail: kvv_dementieva@mail.ru
Doc. Sc. (History), Professor, Head of The Scientific
& Educational Centre for Classical Studies

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense: преподавание классической филологии и древней истории

В. В. Дементьева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-370-393
УДК 378 (80) (94)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается преподавание ряда антиковедческих дисциплин – латинского и древнегреческого языков, древней истории и литературы – профессорами Демидовского высших наук училища. Отмечается внимание П. Г. Демидова к гуманитарным предметам в основанном им Атенее (официальное латинское название училища – Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense), личное его приглашение филологов-классиков для преподавательской деятельности. Автор связывает формирование интереса П. Г. Демидова к классическим языкам и наукам в целом с учебой его в Ревеле у профессора А. Ф. Сигизмунди, о котором в статье представлены биографические сведения. Характеризуется деятельность в Ярославле филологов-классиков И. Е. Срезневского, Ф. Шмидта и М. О. Ханенко, а также преподававших древнюю историю А. Ф. Клименко и С. А. Вилинского. Проанализировано содержание речей С. А. Вилинского об истории и «успехах просвещения» трех древних народов – египтян, греков и римлян. Сделан вывод о том, что антиковедение в Демидовском училище изначально явилось существенной и весьма значимой составной частью становления высшего образования в Ярославле.

Ключевые слова: Демидовский Атеней; классическая филология; античная история; профессора; преподавание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева, Вера Викторовна		E-mail: vv_dementieva@mail.ru
		Доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного Центра антиковедения ЯрГУ

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-018.

Истоки преподавания в Ярославле ряда отраслей научного знания естественным образом связаны с Демидовским высших наук училищем и обнаруживаются, соответственно, в первой трети XIX в., что в полной мере относится и к антиковедению как комплексу дисциплин, сопряженных с изучением греко-римской цивилизации (классическая филология, античная история, римское право и др.). Но если начало юридической романистики в Ярославле в той или иной степени исследовалось современными правоведами [см., напр.: 1, с. 15–35], то деятельность филологов-классиков, живших и преподававших в Ярославле в названное время, привлекла меньше внимания в литературе [в тезисах конференций: 2–4], а анализа первых сохранившихся работ и речей, относящихся к древней истории и созданных/произнесенных в стенах Демидовского училища, не предпринималось совсем. Заполнение некоторых из числа означенных пробелов и является исследовательской задачей данной статьи.

Официальное название основанного по инициативе и на средства П. Г. Демидова в Ярославле учебного заведения имело – в традициях рубежа XVIII–XIX вв. – латинский вариант *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense*. Сразу отметим, что кочующее из публикации в публикацию название *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviensi* (с *i* на конце последнего слова) [см., напр.: 5, с. 23; 6, с. 8], присутствующее и в историческом очерке ЯрГУ им. П. Г. Демидова на сайте университета [7], было предложено исправить (писать с *e* на конце последнего слова) одним из лучших специалистов по «живой» латыни, выпускником аспирантуры ЯрГУ Алексеем Георгиевичем Следниковым [4, с. 170], который признал расхожий вариант названия в публикациях (*Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviensi*) ошибочным. Его аргументация логична. Прилагательное «ярославский» – *Jaroslaviensis* (от латинизированного названия Ярославля – *Jaroslavia*) относится к прилагательным двух окончаний, следовательно, в номинативе среднего рода имеет окончание *e*. Такое прилагательное появилось не в начале XIX в., а ранее. Оно засвидетельствовано у Матвея Меховского (рубеж XV–XVI вв.) в «Трактате о двух Сарматиях» (*Tract. II. Lib. II. Cap. I*) и используется в современной «живой» латыни [8, с. 446]. А. Г. Следников обоснованно считает невозможным, чтобы название высшего учебного заведения изначально было дано с ошибкой – *Athenaeum Jaroslaviensi*, справедливо полагая, что эта ошибка более поздняя.

Написание с ошибкой появилось, видимо, следующим образом. В названиях публикаций начала XIX в., в которых латинское наименование ярославского Атенея приводилось не в именительном падеже, а в косвенном – аблативе, прилагательное имело окончание *i* по правилам грамматики. Например, можно привести название издания 1806 г.: *Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo litterarum Demidowiano Jaroslaviensi a d. XVII Augusti anni MDCCCVI ad d. XXVIII Iunii a. MDCCCVII habendarum* [9].

Но это написание в аблативе было перенесено ошибочным образом авторами книг и статей на название Демидовского училища в именительном падеже и затем стало автоматически восприниматься как исходно правильное.

Смысловые отсылки латинского названия училища являлись прозрачными: римский *Athenaeum* был создан в период принципата Адриана (117–138 гг.) как государственное научно-образовательное учреждение и в античную эпоху зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Римляне, в свою очередь, выбирая название его, опирались на греческое слово Ἀθήναιον – храм Афины, богини мудрости, покровительницы наук и искусств, эпонима города Афин – центра интеллектуальной и культурной жизни. Античная ретроспектива, таким образом, исходно создавала фон существования Ярославского высших наук училища. Там, где требовалось сокращенное название учебного заведения (как, например, на гурте медали отличившимся не только в учебе, но и в написании исследований студентам), стояло *Athenaeum Demidovianum* – Демидовский Атенея.

Выделяя средства на создание высшего учебного заведения и обращаясь с предложением о его создании в Ярославле в 1803 г., Павел Григорьевич Демидов стремился к тому, чтобы оно давало разностороннее образование, чтобы в нем был представлен комплекс дисциплин по университетскому типу («... такое училище, которое имело бы одинаковую степень с Университетом, и все преимущество онаго, заведя в нем класс наук Университетских» [10, с. 28]). Казалось бы, человек, четко ориентированный на естественные науки, постигавший их четыре года самым глубоким образом в Гёттингене (1751– май 1755 гг.), затем долго (в течение шести лет, до сентября 1761 г.) стажировавшийся в их практическом приложении в Европе (подробно об этом см. диссертацию В. В. Смекалиной [11, с. 66–67, 73]), должен был стремиться к внедрению в родной стране именно естественно-технического образования, но он видел значимость и гуманитарного знания, прежде всего классических языков, древней истории и права. Конечно, можно заподозрить, что длительное пребывание в Гёттингене, который всегда был и остается одним из самых крупных научных центров изучения Античности в Германии, могло способствовать интересу к греко-римской древности, заставить впоследствии П. Г. Демидова самому отбирать профессоров-классиков для ярославского Атенея, останавливаясь на лучших кандидатурах. Представляется, что изначально немалую роль сыграло то, что он в раннем возрасте (с 10 до 13 лет), вместе с братьями в 1748–1750 гг. [12, с. 4; 13, с. 4], изучал латинский, немецкий, другие языки и гуманитарные предметы в Ревеле у профессора Адольфа Флориана Сигизмунди. В. В. Смекалина ошибочно считает [11, с. 67], что братья Демидовы только в 1750 г. покинули родительский дом и приехали в Ревель к Сигизмунди. В немногочисленных исследованиях, где упоминается фамилия Сигизмунди в связи с братьями Демидовыми [см., напр.: 14, с. 1],

в т. ч. и в диссертации В. В. Смекалиной, не указываются даже инициалы профессора, как не указывались они в речах и работах XIX в. [13, с. 4].

Между тем, как выясняется, это была личность неординарная. А. Ф. Сигизмунди жил в Ревеле – местом его преподавательской деятельности была ревельская гимназия. Старейшая гимназия Российской империи, она была основана еще при власти шведского короля Густава-Адольфа (торжественное открытие состоялось в 1631 г.), позднее получила имя императора Николая I. Исторический очерк гимназии опубликовал в 1910 г. Генрих Фридрихович Бауэр, надворный советник Министерства просвещения [15], однако профессора Сигизмунди он в нем не упомянул. В работе Г. Ф. Бауэра была указана книга на немецком языке Готтхарда фон Ханзена «Geschichtsblätter des revalschen Gouvernements Gymnasiums» [16], где обнаруживаются сведения об А. Ф. Сигизмунди [16, S. 194, 247–249, 252]. В 1689–1709 гг. ректором гимназии был отец Адольфа Флориана – Михаэль Сигизмунди [16, S. 247.], сам же он не менее пяти раз руководил ректоратом гимназии (1730, 1739, 1750, вероятно, в 1735 и в 1744 гг., но в работе Г. фон Ханзена эти годы указаны под вопросом) [16, S. 194, 247].

Из сведений, приведенных в книге Г. фон Ханзена, следует, что А. Ф. Сигизмунди (Adolph Florian Sigismundi, 1687–1750) являлся профессором греческого языка и философии с 1718 г, а затем, с 1725 г., – риторики и истории; он был широко образованным гуманистом (преподавал и право). А. Ф. Сигизмунди умер в 17-го декабря 1750 г.¹, и после этого братья Демидовы перебрались в Германию. Назовем еще примечательный факт из биографии А. Ф. Сигизмунди: он был воспитателем двух старших сыновей Витуса Беринга, их оставили в Ревеле учиться и поселили в семье Сигизмунди в 1739–1740 гг., когда Беринг, его жена и младший сын отправились в экспедицию на Камчатку [17, с. 15]. В сохранившихся письмах Витуса Беринга профессору А. Ф. Сигизмунди и Анны Беринг жене Сигизмунди речь идет об образовании Йонаса и Томаса Берингов [18, с. 177–220]. Автор исследований об экспедициях Витуса Беринга на Камчатку Наталья Охотина-Линд обратила внимание также на то, что профессор Сигизмунди «был не чужд и литературному творчеству» [17, с. 456–457]. В периодике нашлось упоминание о нем в новостной публикации 1731 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 17 июня [19, с. 4]². Обнаружилось и издание сочинения самого А. Ф. Сигизмунди, хранящееся в Российской национальной библиотеке, его речь на латинском языке по поводу подписания Ништадтского мира

¹ Все даты в статье по Юлианскому календарю.

² «В Ревеле торжествовала, по силе полученного оттуда известия, тамошняя Гимназия 14 сего месяца первый свой столетний Юбилейский праздник, при котором торжестве из шляхетства и других знатных особ великое множество присутствовало. Господин Профессор Сигизмунди велел за день до того через изрядно сочиненное объявительное письмо всех рачителей наук на оное торжество призывать». При цитировании текстов XVIII–XIX вв. по оригиналам в статье сохраняется орфография, кроме исключенных из алфавита букв, и пунктуация источников.

1721 г., охарактеризованного Сигизмунди как *rex gloriosissima*, «преславный мир, который был счастливо заключен между светлейшим и могущественнейшим императором и государем, господином Петром Великим, всея Руси самодержцем, отцом Отечества, и светлейшим и могущественнейшим королем Швеции, готов и вендов Фредриком I ...» [20].

По Ништадтскому миру Ревель отошел к Российскому государству. Для А. Ф. Сигизмунди, постоянно жившего в городе, данный факт был важнейшим и жизненно актуальным. Сам ли он вызвался произнести торжественную речь *in Gymnasio Reveliensi in frequenti auditorio* (в ревельской гимназии в многолюдной аудитории), посвященную этому событию, возвышенные эпитеты которой восхваляют договор России и Швеции, или ему поручило руководство это сделать – в любом случае это было выражение позиции лояльности по отношению к российским властям.

У заслуженного профессора с такой интересной биографией в самом конце его жизненного пути и учился латыни, постигая также смежные отрасли гуманитарного знания, юный П. Г. Демидов. Полагаю, что в университете, носящем его имя, нельзя забывать, что почтительное уважение к наукам в целом (а именно этот побудительный мотив очевидным образом явился решающим при пожертвовании им средств на открытие ярославского Атеней) было заложено у него еще в подростковом возрасте ревельским профессором А. Ф. Сигизмунди.

Athenaeum litterarum Demidowianum по воле его основателя был подчинен Московскому университету и, соответственно, попечителю Московского учебного округа³. Роль попечителя округа Михаила Никитича Му-

³ Лишь в период немногим более пяти лет (1824–1829 гг.) ярославский Атеней не находился под крылом Московского университета, попечительство было передано ярославскому губернатору А. М. Безобразову. К. Д. Головщиков писал [12, с. 75], что 26 февраля 1824 г. губернатор уведомил училище о том, что император определил его, Безобразова, в звании почетного попечителя, но указ об этом, если судить по датам официальных документов, появился позднее. Если К. Д. Головщиков не ошибся, то возможно следующее. При посещении Ярославля Александром I в августе 1823 г., как известно, им было высказано недовольство состоянием училища, и к февралю 1824 г., не исключено, уже существовала договоренность с Безобразовым (инициированная им самим и А. С. Шишковым, метившим на пост министра народного просвещения и занявшим его 15 мая 1824 г.) о том, что он станет попечителем Демидовского учебного заведения. Перед тем Безобразов писал записку о мерах по улучшению состояния училища, но предложенную им передачу его из ведения Московского университета (что поддерживал А. С. Шишков) тогдашний министр просвещения А. Н. Голицын отвергал, однако вскоре он был отправлен в отставку. А. М. Безобразов сообщил о своем назначении попечителем раньше, чем был издан соответствующий указ, поскольку, видимо, знал о том, что он готовится. Указов последовало два: таковым от 15 марта 1824 г. Безобразову предоставлялось право личного надзора над училищем [5, с. 93; 13, с. 28]; а указом от 24 ноября 1824 г. училище было изъято из ведомства Московского университета [13, с. 28] и передано Безобразову. А. М. Безобразов находился в должности ярославского губернатора с 16 февраля 1820 по 23 ноября 1826 г.; перестав быть губернатором, он, тем не менее, оставался еще попечителем училища. Высочайшее повеление об увольнении Безобразова от должности попечителя последовало 21 мая 1829 г., как писал К. Д. Головщиков [12, с. 75], а Н. А. Гладков назвал просто 1829 г. [13, с. 33].

равьева в организации Демидовского училища была весьма значительна [21, с. 40–41]. Московский университет во второй половине XVIII в. проделал огромную работу по изданию грамматик древних языков и учебников по ним, сочинений античных авторов, разработке методик преподавания классических дисциплин, написании исследований по древней истории [22]. С «дочерним» учебным заведением Московский университет делился накопленным научно-образовательным багажом в его различных видах, а также направлял в Ярославль профессоров⁴.

Классическая филология и античная история в Российском государстве традиционно служили не только интеллектуальному становлению молодого поколения высшего сословия (изучение древнегреческого и латыни приравнивалось в их роли для развития логического мышления к математике), но и формированию социально значимых ценностей. «Изучение древних языков, чтение древних авторов в подлинниках, заучивание латинских сентенций, чтение переводной литературы, знакомство с античной историей и мифологией – все это было призвано воспитывать российского гражданина как носителя возвышенных общественных идеалов» [24, с. 223)].

Латинской словесности обучал студентов ярославского Атенeya в 1804–1812 гг. профессор Иван Евсеевич Срезневский (1770–1819). Событийные вехи его биографии (как и биографий отличившихся в науке его потомков, а также брата) неоднократно фиксировались в докладах и справочных изданиях [25, с. 17–19; 6, с. 187–188] и довольно подробно описывались у дореволюционных авторов. Я сконцентрирую внимание на его преподавательской и научной деятельности ярославского ее периода.

И. Е. Срезневский до начала работы в Ярославле был известен переводом «Скорбных элегий» (“Trisia”) Овидия, изданных билингвой в 1795 г. при содействии М. М. Хераскова (художественное творчество самого Михаила Матвеевича было проникнуто сюжетно и философски античными мотивами и идеями, что, видимо, дополнительно обусловило его поддержку молодого филолога) под названием «Плач Публия Овидия Назона» с именным и предметным указателями («Ключом к Плачу»). Перевод «Скорбных элегий» активно использовался в учебных целях, естественно, что и самим переводчиком. И. Е. Срезневский, будучи сыном священника Рязанской губернии, получив образование сначала в Рязанской духовной семинарии (которая «обрела славу одной из лучших в России по уровню подготовки ее выпускников» [2, с. 14]), затем в университетской разночинной гимназии в Москве, был зачислен в 1792 г. студентом в Московский университет, и, как написано в «Русском биографическом словаре», изданным А. А. Половцовым, «по поступлении в университет, невзирая на жестокую нужду,

⁴ Указ императора Александра I Сенату о создании Училища высших наук был дан 06 июня 1803 г. [10, с. 27]; в марте 1804 г. Московский университет, под крылом которого училище создавалось, «отрядил» в Ярославль 5 профессоров и 7 учителей, и в том же марте профессора начали читать публичные лекции [23, с. 13].

Срезневский предался серьезному изучению классиков» [26]. Он всего добивался собственным трудом, развивая свои способности, постоянно пополняя багаж знаний. Окончив университет в 1796 г. с серебряной медалью, зарабатывал на жизнь службой домашним секретарем, в 1797 г. стал бакалавром учительского института при Московском университете. 9 марта 1798 г. «после представления и произнесения перед профессорами рассуждения «De praecipuis characteribus et officiis optimi praeseptoris» он получил место учителя географии и истории в университетской гимназии, где и оставался до 1804 г.» [26]. 12 февраля 1804 г. И. Е. Срезневский стал обладателем степени магистра философии и свободных наук и по личному приглашению П. Г. Демидова с 1-го мая 1804 г. приступил к профессиональным обязанностям в Ярославле.

Набор дисциплин, которые И. Е. Срезневский преподавал в Демидовском высших наук училище, включал в себя, кроме латинского языка, историю еврейской и греческой литературы, поэтику и риторику, эстетику, а затем и логику, а также российскую историю. Представление о расписании его занятий дает объявление о дисциплинах изучения в ярославском Атенеум в начале первого учебного года (август 1804 г.) (воспроизвожу документ по публикации [27, с. 250]): «Иван Срезневский, философии и свободных наук магистр, по понедельникам, средам и пятницам от 8 до 10 поутру, покажет слушателям своим, во-первых, общие правила о суждении авторов, потом будет преподавать историю изящных наук, с самого начала оных до времен Августовых, представляя по возможности во всяком роде примеры, как в прозе, так и в стихах, более же времени употребит на изъяснение писателей златого века, последую славным критикам из древних – Квинтилиану, из новейших – Лагарпу, Блеру, Батте и прочим. Также по вторникам и пятницам после полудни от 4 до 6 часов будет проходить Российскую историю и постарается внушить, с помощью оной, слушателям своим любовь к отечеству и наукам».

Более подробно виды аудиторных занятий И. Е. Срезневского в их расширившемся диапазоне представлены в «Catalogus lectionum et exercitationum...», в котором давался анонс дисциплин и их содержания в Демидовском училище с 17 августа 1806 по 28 июня 1807 г. В нем по поводу преподавания латинского языка и литературы Срезневским говорится следующее: «... а для большего усовершенствования оных (своих слушателей. – В. Д.) в Латинском языке, в правилах изящных творений и в Мифологии, будет читать Превращения Овидиевы, кн. I., третью книгу о Поэзии Иеронима Виды, и особенно постарается занять своих слушателей обработыванием различных тем. Естьлиж сколько нибудь останется времени, преподаст Историю Еврейской и Греческой Литературы, с приведением отборных примеров, как из того, так из другаго народа, соответственно Хронологическому порядку, также и других лучших Латинских Писателей не оставит без внимания. – Он же по понедельникам, средам и пятницам,

в те же часы, в нижнем классе с успевающими более других воспитанниками будет читать Аннея Флора, или Корнелия Непота; преподаст им правила о сочинении периодов, изъяснит Российскую и Латинскую Просодию и не оставит их без упражнения в переводах с Российского на Латинский язык. Остальных будет занимать Этимологию, Синтаксисом и разными переводами» [9, с. 3–5]. В этом же документе говорится о преподавании Срезневским эстетики (три раза в неделю по два часа), «правил о порядке и расположении прозаических сочинений, а также и о родах их», т. е. литературоведения. В целом из текста данного источника следует, что преподавание строилось с учетом возможностей разных групп обучавшихся, степени усвоения ими материала – если «Метаморфозы» Овидия и сочинения итальянского гуманиста Марка Иеронима Види изучались со всеми слушателями, то тексты Аннея Флора и Корнелия Непота – только с хорошо успевавшими; если «продвинутым» студентам давались сложные разделы фонетики и языкознания, а также изыски переводческой практики, то для остальных – синтаксис как самое основное, без чего невозможно научиться переводу.

Мы можем оценить учебную нагрузку Срезневского в Демидовском училище – в пересчете на привычные в настоящее время академические часы – в неделю не менее 13 часов в аудитории в первый учебный год и не менее 16 часов в третий. К тому же, кроме занятий в Демидовском училище, Срезневский преподавал в Ярославском главном народном училище латинскую и российскую словесность и российскую историю, а по средам читал публичные лекции по русской истории [5, с. 26, 60]. В совокупности у него получалось порядка 20–24 часов лекционных и практических занятий в неделю.

И. Е. Срезневский в Ярославле занимался (в интересующем нас антиковедческом ракурсе – у него были и иные учебно-научные сферы приложения сил: переводы с новых языков, благотворительность как объект изучения и др.) всемирной историей литературы, в которой он обращал специальное внимание и на античную эпоху. Его «Торжественное слово о странствовании муз...» [28], по обоснованному мнению Ю. В. Шеиной, представляло собой «взгляд автора на содержание курса изящной словесности, которую он преподавал в 1806–1807 гг.». Современный филолог, анализируя речь, подчеркивает: «Русскую словесность И. Е. Срезневский рассматривает как продолжение древней, поэтому он соединяет ее преподавание с критикой писателей греческих и римских» [3, с. 16].

Основной вклад И. В. Срезневского в классическую филологию и историю античной литературы – это, конечно, переводы римских авторов: Овидия, Горация, Вергилия и Авсония. Срезневский переводил и новолатинские тексты на русский язык. Сохранились сведения и о его переводах с древнегреческого: Феокрита («Эрот и пчелы»), начала «Одиссеи». Переводил Срезневский и библейские тексты: «Песнь песней» («Брак Соломо-

нов») и псалмы. Поэтические произведения он всегда перелажал на русский язык рифмованными строками.

И. Е. Срезневский был прекрасным оратором, его преподавание риторики подкреплялось ярким примером самого лектора. Содержательно его публичные выступления несли патриотический заряд. Речь на торжественном акте открытия Демидовского училища называлась «О любви к Отечеству» (издана в двух редакциях – см. [3, с. 16]), в которой он задавался вопросами «что есть Отечество» и «что такое любовь к Отечеству», отвергая, как писал профессор уже 40-х гг. XIX в. А. З. Зиновьев, «мнение эгоистов *ubi bene, ibi patria* и мечту космополитов, что целый свет отечество» [29, с. 64].

О Срезневском есть весьма любопытное упоминание в книге Владимира Георгиевича Щеглова, когда он писал о проведенной по распоряжению министра просвещения Петра Васильевича Завадовского в 1809 г. ревизии Демидовского училища [23, с. 39–40], эти сведения повторяются и в книге С. П. Покровского [5, с. 62]. Ревизию проводил попечитель Московского учебного округа профессор Московского университета Антон Антонович Прокопович-Антонский (будущий ректор Московского университета). В. Г. Щеглов отмечал: Прокопович-Антонский хотя и увидел постоянную и полезную для училища деятельность его первых профессоров, но одновременно также написал, что «профессора не оказывают надлежащего уважения и послушания проректору, как своему начальнику». К тому же В. Г. Щеглов привел такую цитату из заключения А. А. Прокоповича-Антонского: «В городе, – говорит он, – не все профессора и учителя Демидовского училища любимы и уважаемы. Г. Срезневский слывет вольнодумцем». В чем именно состояло вольнодумство, не пояснялось; далее ревизор сообщал, что по городу распространяются бранные стихи о профессорах училища «и думают, что сочинил их кто-нибудь из своих же товарищей». Возможно, что «вольнодумство» Срезневского заключалось в содержании этих бранных стихов, может, А. А. Прокопович-Антонский выяснил что-то более серьезное в мировоззрении Срезневского, оцененное им негативно, но не счел нужным написать об этом в сколько-нибудь фактической конкретике.

В 1812 г. И. Е. Срезневский переехал в Харьков (К. Д. Головщиков ошибочно считал, что в 1814 г., [12, с. 57–58]), где в университете требовалась достойная замена Ивану Степановичу Рижскому (первому ректору Харьковского университета), умершему в 1811 г., автору работ по римской политической и религиозной истории, до сих пор сохранивших историографическую ценность, хотя после их публикации прошло уже два с половиной века. То, что пригласили И. Е. Срезневского на вакантное место профессора, освободившееся после смерти весьма известного специалиста И. С. Рижского, свидетельствует о его высокой профессиональной репутации. В Харькове он трудился до конца своих дней.

Возвращаясь к результатам ревизии А. А. Прокоповича-Антонского 1809 г., воспользуемся еще одной цитатой из книги В. Г. Щеглова: «Не доверяя городским слухам, сам визитатор выводит заключения из своих наблюдений над свойствами и талантами профессоров училища. “Только некоторые из них не у своего дела и не очень рачительны. Прилежнейший – Шмидт”» [23, с. 40]. Профессор с эпитетом «прилежнейший» – Фридрих Иоганн (видимо, исходно писали имя Иоганн перед Фридрихом как первое имя) Шмидт (1766–1845), сам Шмидт в своих речах на латыни оставлял только *Fredericus*; в России его звали либо Федор Иванович, либо Федор Андреевич или даже Фридрих Андреевич (во всяком случае, последним именем-отчеством называл его К. Д. Головщиков [12, с. 59–60], лично знавший его в своем детстве, в 40-х гг. XIX в.). Ф. Шмидт был еще одним филологом-классиком в стенах Демидовского Атеней, прибывшим в его «первом профессорском наборе». Он преподавал древнегреческий язык, а кроме того логику, философию, историю философии, этику (все лекционные курсы он читал на латинском языке).

Ф. Шмидт был родом из Саксонии, происходил из семьи пастора, в 1789 г. закончил университет в Лейпциге, получил степень магистра свободных наук и степень доктора философии [6, с. 224–226]. В переводе аттестата, выданного 13 апреля 1775 г. Шмидту в Лейпциге ректором училища Св. Фомы, где тот учился до поступления в университет, было сказано, что Иоганн Фридрих Шмидт «столько успел в греческом и латинском языках, что мог преподавать сам начало оных своим товарищам» [12, с. 58–59]. Наряду с указанием на успехи Шмидта в науках в этом документе отмечалось и бедное его состояние. Видимо, последнее обстоятельство и заставило Шмидта отправиться в Россию, куда он приехал в 1792 г., 26-летним молодым человеком, решив ассимилироваться и найти новую родину, поэтому постарался заслужить расположение как власть имущих, так и интеллектуальных кругов, чего в итоге и добился.

Должность профессора философии и греческого языка в Ярославле Ф. Шмидт получил в мае 1804 г., тогда же, когда и И. Е. Срезневский, и тоже по личному обращению П. Г. Демидова, который его уважал, поддерживал с ним впоследствии дружеские отношения, нередко приглашал в свое имение Леоново в Московской губернии. Если учесть, что «в знакомстве Павел Григорьевич был очень разборчив и уважал людей не по чинам, не по богатству, а по уму, по их честным правилам в жизни, которые он сам соблюдал всегда строго» [12, с. 30], то такая дружба весьма благоприятно характеризует Ф. Шмидта. Когда в 1811 г. П. Г. Демидов передал в училище свою золотую медаль, которой он был награжден как «залог общей признательности» по повелению Александра I, то серебряную копию ее он лично вручил Ф. Шмидту, бывшему тогда проректором учебного заведения «за отличное исправление должности» [13, с. 21].

Для Акта торжественного открытия Демидовского высших наук училища, который состоялся 05 апреля 1804 г., Шмидт разработал т. н. «Программу» [30]. Он считался возрастным из первого набора профессоров, на момент открытия училища ему было 37 лет (хотя и другие были младше его совсем немного), возможно, поэтому ему поручили возвышенную, наполненную литературными красотами и политически выверенную речь. Доклад Ф. Шмидта на торжественном заседании назывался «О благодетелях, оказавших особенныя заслуги при заведении общественных училищ в России», в котором он отмечал факты благотворительности монарха, П. Г. Демидова, чиновников и пр. Через два года, 29 апреля 1806 г., на торжествах по случаю второй годовщины со дня открытия Демидовского училища Шмидт произнес речь с античным сюжетом: *Oratio de educatione pristina Graecorum* / «Слово о древнем воспитании греков» [31–32]. Речи по случаю знаменательных событий Шмидт всегда произносил на латыни; идея читать лекции на немецком оказалась нереализуемой: слушатели не понимали лектора [5, с. 26]. Поэтому языком его преподавания в Ярославле стал латинский язык.

В начале преподавания в ярославском Атене (1804/1805 учебный год), когда приступили к регулярным занятиям студенты первого набора, древнегреческим языком с ними Ф. Шмидт не занимался, он вел другие дисциплины, как следует из программы лекционных курсов на август 1804 г.: «Иоган Фридерих Шмид, философии и свободных наук магистр, по вторникам и четвергам, от 8 до 10 часов поутру, по предварительном введении в философию и историю философии своего сочинения, будет изъяснять логику по руководству Кизеветтера. А по субботам от 8 до 10 часов поутру по руководству Мейнерса. Учение нравов, придерживаясь к нравственной философии Фергюссона, начав историюю краткою, как древней, так и новейшей этики, им сочиненной. Лекции читать будет на латинском языке» [27, с. 249]. Учебный план, по всей видимости, относил древнегреческий язык не на первый, а на последующие годы обучения, да и к тому же послан был Шмидт Московским университетом для преподавания философии [33, с. 336, 341]. Не позднее августа 1806 г. к курсам по философии и этике у Шмидта добавились лекционные и практические занятия по древнегреческому языку, «*Catalogus lectionum et exercitationum...*» дает о них представление: «Фридрих Шмидт, Доктор и Профессор Философии и Греческаго языка, по понедельникам от 4 до 6 часов после обеда, преподавать будет своим слушателям Метафизику по Федорову руководству; а по средам в те же часы Этику по Мейнерсову руководству; по субботам в те же часы на лекциях Греческаго языка толковать будет Разговор Есхинов, и древности греческия; по вторникам в те же часы будет продолжать переводы с Греческаго на Русской язык и грамматически разбирать нравоучительные места Новаго Завета» [9, р. 4–5]. Из содержания занятий Шмидта следует, что преподавание древнегреческого языка не ограничивалось грамматиче-

скими упражнениями и учебными текстами, но со студентами разбирались речи Эсхина, на примере которых, а также на греческих библейских фрагментах велось обучение переводу оригинальных древних произведений, что показывает (вместе с информацией о содержании занятий по латыни) уровень подготовки выпускников в сфере классической филологии. На старшем курсе Шмидт читал также «греческие древности» – дисциплину, в которую в XIX в. включали государственно-правовые, военные, религиозные аспекты греческой истории, исторические зарисовки повседневной жизни и быта.

Ф. Шмидт провел в Демидовском училище четверть века и ушел в отставку в 1830 г. из-за состояния здоровья. На торжествах 29 апреля того года он в последний раз выступил с публичной латинской речью [13, с. 12], в которой «по окончании 25-летнего служения прощался с Ярославской публикой и Училищем» [29, с. 62]. Российское подданство ему дали через 15 лет «прилежнейшего» профессорского труда – в 1819 г. Характеризуя речи Ф. Шмидта, А. З. Зиновьев подчеркивал, что все они «проникнуты теплою любви к России, честнейшею благонамеренностью и благородною привязанностью к Демидовскому Училищу» [29, с. 62]. Ф. Шмидт настолько сроднился с Демидовским учебным заведением, что при жизни за свой счет покупал книги в библиотеку училища и предметы для учебного процесса, а затем и завещал ему все свое имущество (2 тыс. рублей) [12, с. 60; 23, с. 48; 5, с. 61]. С процентов от этих денег студенты должны были получать золотые медали за лучшие сочинения. По всей видимости, не в последнюю очередь тесные и неформальные контакты с П. Г. Демидовым способствовали длительной самоотверженной работе Ф. Шмидта в ярославском Атенее и тратам им на него своих накоплений – пример основателя училища был вдохновляющим. С. П. Покровский дал такую характеристику Ф. Шмидту, единственному из трех иностранных профессоров первого призыва, осевшему в Ярославле и ставшему первым заслуженным профессором Демидовского училища: «Ф. А. Шмидт, вместе с глубоким образованием соединял и громадную преданность своему делу» [5, с. 61]. Во время мемориального мероприятия 10 ноября 1821 г. (П. Г. Демидов умер 01 июля 1821 г.) Ф. Шмидт произнес «*Oratio, quam in memoriam pie defuncti Pauli Gregoridis Demidow*» [5, с. 83], отметив такие черты основателя Атенее, как *beneficentia* (благодетельность/доброта), *modestia* (скромность/непритязательность), *iustitia* (справедливость/благочестие), *probitas* (честность/порядочность). В конце своего выступления Ф. Шмидт, в частности, сказал: «*Virtus non moritur – facta bona sunt immortalia, eorumque praemia sunt aeterna*» («Добродетель не умирает – благие деяния бессмертны, и награды за них вечны»). Это было «выражением надежды, что память о знаменитом благодетеле в его Атенее перенесется от поколения к поколению» [5, с. 83]. П. Г. Демидов закончил свой земной путь 200 лет назад, но каждый раз, ког-

да мы пишем его имя в названии ЯрГУ, мы воздаем ему почесть памяти – самую ценную награду поколений.

Третьим по времени преподавателем древних языков в Демидовском училище стал Михаил Осипович (Иосифович) Ханенко (1779–1839), которого в 1812 г. для замены И. Е. Срезневского направил в Ярославль Московский университет. М. О. Ханенко был родом из Черниговской губернии, в 1796–1805 гг. он обучался в Киево-Могиланской академии, а затем до 1809 г. в Московском университете. Филолог по призванию, математик по университетскому образованию М. О. Ханенко в 1811 г. стал магистром философии и свободных наук, поступил на службу в благородный пансион при Московском университете учителем логики, риторики, поэзии и латинского языка, а также комнатным надзирателем [34]. В Ярославле он занял должность профессора древних языков и российской словесности и проработал 27 лет, вплоть до своей кончины в 1839 г. При этом в «Биографическом сборнике Демидовского университета» его фамилия отсутствует, как и отсутствует она в разделе «Персоны» на сайте ЯрГУ.

М. О. Ханенко, в то время, когда попечителем Демидовского учебного заведения был А. М. Безобразов, исполнял должность инспектора училища, включая пансион при нем. Это был период усиления надзора за студентами, стала строго контролироваться их дисциплина [5, с. 99]. Поскольку М. О. Ханенко имел уже, трудясь ранее в Московском благородном пансионе, опыт комнатного надзирателя, то такой опыт, видимо, и сформировал в нем привычку жестко пресекать нарушения распорядка и любое неповиновение. Поэтому, когда 1-го марта 1827 г. ярославские студенты «произвели беспорядок», Ханенко «распорядился наказать студентов розгами», чего не одобрил даже А. М. Безобразов, и инспектору «был объявлен строжайший выговор». Однако выговор не остановил Ханенко перед тем, чтобы через какое-то время еще раз прибегнуть к телесному наказанию проживавшего в пансионе обучающегося (в пансионе жили подростки, готовившиеся стать студентами; принятые затем в качестве студентов могли продолжать жить в пансионе – [12, с. 67; 13, с. 20]), после чего Безобразов объявил, что если инспектор опять позволит себе подобное, то будет отстранен от должности [5, с. 100]. И хотя Ханенко более не был замечен в назначении таких наказаний, он часто налагал на студентов другие и к тому же «доносил попечителю на профессоров», «злоупотреблял предоставленными ему полномочиями» [5, с. 100], поэтому долго в должности инспектора не задержался. Конечно, «темная сторона» натуры М. О. Ханенко не лучшим образом характеризует его личностные качества, но не думаю, что полностью перечеркивает (вплоть до забвения) его столь долгую преподавательскую деятельность, тем более что, по характеристике С. П. Покровского, он был «не менее талантливый», чем И. Е. Срезневский.

М. О. Ханенко был свойственен определенный социальный пессимизм и повышенные эмоциональные реакции на происходящее. Будучи литера-

туроведом по роду занятий, к тому же сам склонный к литературному творчеству, он способствовал распространению в училище таких направлений, как сентиментализм и романтизм [5, с. 78]. М. О. Ханенко почтил память П. Г. Демидова скорбно-возвышенным стихотворением на его смерть, в котором подчеркнул, обращаясь к ушедшему: «И здесь, и в небесах твой памятник – дела» (цит. по: [5, с. с. 85]). Написал он и стихи по случаю открытия бронзового памятника П. Г. Демидову в марте 1829 г.

Об отношении М. О. Ханенко к преподавательскому делу свидетельствует весьма примечательный и сугубо положительный отзыв о нем, данный М. А. Безобразовым (который при всех своих неоднозначных качествах и действиях считался «человеком глубоко образованным» и был избран почетным членом Московского университета) в донесении министру просвещения А. С. Шишкову. «Из всех профессоров только Шмидт и Ханенко вели преподавание по надлежащей системе и имели основательные собственные познания» [5, с. 96]. Следовательно, преподавание классической филологии в Демидовском училище во второй половине 20-х гг. XIX в. выгодно отличалось от такового других дисциплин (Безобразов раскритиковал занятия по праву, политической экономии, истории, географии и др.).

В Ярославле М. О. Ханенко в исследовательском отношении занимался искусствоведческой и литературоведческой тематикой. Были опубликованы четыре его речи [29, с. 71], из них две – «об изящных искусствах, их сущности и назначении» и о «духе первобытной поэзии и влиянии ее на нравы и на благосостояние народов» [35–36] – по данной тематике.

Словесность древних языков в преподавании первой половины XIX в. сочеталась – как сопряженные друг с другом дисциплины у одного профессора – с российским красноречием. Это было оправдано, поскольку не без основания считалось еще со времен М. В. Ломоносова, что русский язык дополнительно черпает благородство и силу у эллинской и латинской речи, обогащая построение фраз и способствуя красоте выражений.

В Демидовском училище высших наук преподавалась политическая история как дисциплина, состоявшая из разделов всеобщей и российской истории. Как обстояло дело в части истории древней?

В числе первых пяти профессоров Демидовского Атеней историков не было, но цитата отчета по ревизии А. А. Прокоповича-Антонского, приведенная в работе В. Г. Щеглова [23, с. 40], приоткрывает завесу над «неформальным» преподаванием истории античного Рима профессором Иоганном Георгием Августом Вильке (в России, где он находился с 1793 г., его могли звать Иван Давыдович), кандидатом правоведения Лейпцигского университета, профессором права естественного, народного и политического в Демидовском училище в 1804–1809 гг., который должен был читать юридические дисциплины: «Вильке за болезнью редко посещает классы и вместо права естественного и народного учит римской истории. К стыду училища он читает лекции на русском языке, не умея по русски». Однако

первый учебный год училища А. Вильке читал лекции на латинском языке, как следует из объявления о них [27, с. 250], а в 1806/1807 академическом году читал вполне официально на французском языке «Историю, Статистику и Политику главнейших Государств Европейских», что подавалось как части правоведения [9, р. 4–5]. Если сопоставить сведения расписания занятий и критики ревизором, то можно сделать наблюдение, что среди «государств европейских» А. Вильке, вероятно, непропорционально много внимания уделял римскому, поскольку в других своих курсах часто касался древнего права, и Рим ему в связи с этим был особенно знаком и интересен, – это и вызвало недовольство А. А. Прокоповича-Антонского.

Преподавать в Демидовском училище всеобщую историю стал не позднее 1806 г. Алексей Фомич Клименко, уроженец Полтавской губернии, выпускник Московского университета, будущий первый директор Демидовского учебного заведения в течение 10 лет (1828–1838), который, кстати, при преобразовании училища в лицей в 1833 г. предложил включить в число изучаемых предметов римское право [5, с. 120]. В «Catalogus...» [9, р. 4–5] говорится: «Алексей Клименко, Философии Магистр, по понедельникам и четвергам от 2 до 4 часов по полудни Всеобщей Истории по руководству обучать будет Иог. Мат. Шрёкка и Всеобщей Географии». Имелось в виду переводное пособие Иоганна Матиаса Шрёкка (1733–1808) [37]. И. Шрёкк был серьезным специалистом, его пособие отражало уровень науки рубежа XVIII–XIX вв., по нему учились и студенты Московского университета. А. Ф. Клименко, направленный попечителем Московского учебного округа М. Н. Муравьевым в Ярославскую гимназию на должность старшего учителя (преподававший там, кроме истории и других предметов, латинский язык), получил в качестве «поручения» от него и преподавание истории в Демидовском училище [5, с. 65]. Официально в штат училища высших наук А. Ф. Клименко был принят на ставшую вакантной профессорскую должность после того, как в марте 1809 г. умер профессор Эммануил Турнейзен [12, с. 61], направленный в 1807 г. Московским университетом читать курс политэкономии и финансовые науки. Поскольку А. Ф. Клименко должен был теперь читать лекции по экономическим наукам, исторические дисциплины перешли к Степану Алексеевичу Вилинскому.

Еще до ревизии А. А. Прокоповича-Антонского было решено привлекать в качестве профессоров не только приезжих иностранцев, но и представителей ярославской интеллигенции (ревизия только подкрепила это решение). Именно таким преподавателем и стал Степан Алексеевич Вилинский (1757 или 1759 – после 1824), профессор истории и географии, трудившийся в Демидовском высших наук училище в 1809–1824 гг. Он происходил из семьи ярославского священника, закончил Ярославскую духовную семинарию, поступив в нее в 1768 г., в ней учился, как цитировал К. Д. Головщиков его документы, «латинскому языку и на оном – пиитике, риторике, философии и богословию, а сверх того истории, географии, богословию и еврей-

скому языку» [2, с. 61; 6, с. 65]. В той же семинарии с 1775 г. он преподавал и занимал должность префекта (т. е. проректора), получил титул надворного советника. Назначение профессором в Демидовское училище произошло по решению Московского университета, когда С. А. Вилинскому было уже порядка 50 лет. Необычность такого назначения состояла в том, что Вилинский не имел степени магистра, не оканчивал университета, не приобрел иных академических регалий.

Сохранились три речи С. А. Вилинского [38–40], анализ которых позволяет оценить уровень его представлений о древней истории и, соответственно, содержание преподавания ее.

В «Слове о принадлежности истории вообще» он обращал внимание на достоверность при описании истории [38, с. 6], отмечал роль истории как «наставницы благоразумия» и «училища добродетели» [38, с. 10], подчеркивал пользу истории (38, с. 10) и ее «приятность» [38, с. 12]. Вилинский так характеризовал науку историю: «ближайшая поспешница прочих наук, сообщающая нам обширнейшее сведение о вещах, служащих к усовершенствованию физического, нравственного и гражданского состояния человеков» [38, с. 4].

В «Речи о началах или источниках благоденствия народного...» С. А. Вилинский классифицировал эти источники так: естественные, гражданские и нравственные. К первым он отнес воздух, изобилие вод, «обилие земных произведений» (имелись в виду поля, дарующие урожай), выделив Сицилию и Египет: «Римляне, покорившие их своей власти, обыкновенно именовали оныя житницами своими» [39, с. 4–5]. Особый интерес представляет трактовка Вилинским гражданских начал народного благоденствия. Он употреблял понятие «гражданское общество» [39, с. 7], что само по себе заслуживает внимания. Приводил примеры народов, «кои дотоле были славным воззрелищем и удивлением света, доколе законы, сии священныя узы гражданского соединения, ими свято были хранимы и соблюдаемы; коль же скоро сии стали быть ими пренебрегаемы и нарушаемы, то с высоты величия своего низвергались долу, учинившись позором вселенныя. События сея истинны явственно созерцаем на древних Римлянах, Греках, Персах и прочих народах» [39, с. 8]. Тем самым Вилинский подчеркивал социальную значимость законодательства, от которого зависит, по его мнению, будет ли общество благоденствующим, поскольку законы обеспечивают «внутреннее устройство онаго» [39, с. 9]. А для внешней безопасности общества, на его взгляд, необходим такой «гражданский источник народного благоденствия, а именно – военное ополчение». В числе других источников «благосостояния народного» Вилинский называл «гражданския учреждения» (т. е. политические институты), а также торговлю и «фабрики» (т. е. несельскохозяйственное производство) [39, с. 9].

Переходя к третьей, выделенной им категории источников народного благоденствия, С. А. Вилинский отмечал: «Из числа нравственных на-

чал благосостояния народного первое есть воспитание» [39, с. 10], при этом он подчеркивал, что воспитание – «не только образование ума, но и образование сердца» [39, с. 13]. Нравственным источником благодетельной жизни служит, по его мнению, также «взаимная любовь и согласие всех граждан» [39, с. 14]. В связи с этим Виленский утверждал, что примеры римлян, а также греков («с малою, так сказать, горстию людей поражавших тьмотысячные Персидския воинства»), иудеев («в тесных пределах и при малочисленных силах противостоявших сильным народам») – все их такие деяния осуществлялись «при содействии сопрягающей всех их крепко взаимной любви, но потом, по изгнании сея из их пределов, уничтоженных и чужой власти поработенных» [39, с. 16]. Отношения в общинах древности, которые мы сейчас называем гражданской солидарностью, Вилинский определял «взаимной любовью» сограждан, но, по сути дела, верно характеризовал эту черту идеологии античных социумов.

В «Речи о начале, ходе и успехах нравственного и гражданского образования некоторых древних народов...» Вилинский «колыбелью просвещения» называл Египет [40, с. 4], при этом излагал устройство государства, деление его на области, распорядок жизни правителей. Он рассматривал египетские законы, предваряя их замечаниями о зрелости их содержания, включая «понятия о выгодах гражданских общежитий» [40, с. 5]. Отмечал наследственность занятий населения, писал о том, что «нравы египтян имели на себе печать образованного народа» [40, с. 5]. Перечислял науки, получившие развитие в Египте, а первое место после египтян в ряду образованных народов отводил грекам [40, с. 7]. Появление развитых обществ Греции и Рима у Вилинского трактуется в одинаковой логике: изначально дикость и грубость первобытного состояния (под которыми «таились отличныя способности»), затем появление умов, которые совершают «первое основание гражданского общежития», а на этом основании возникают города, новый образ богослужения, суды, и в итоге «образуются благоустроенныя гражданския общества». Все перечисленное базируется на законах, которые есть «душа внутреннего благоустройства и твердое забрало народного спокойствия» [40, с. 7], – Вилинский в общем виде передает суть законов Ликурга в Спарте и Солона в Афинах, который своими законами «Афинскую Республику преобразует в новый вид, дает оной лучший и прочнейший образ правления» [40, с. 8], тем самым Вилинский отдавал должное афинской демократии, указывая, что другие народы, в том числе и римляне, заимствовали многое из греческих законов. Далее следует рассказ о выдающихся греках (названы Мильтиад, Фемистокл, Леонид, Павсаний, Кимон), автор воодушевленно отмечал крупные битвы (Марафонскую, при Платеях, Саламине, Фермопилах). Подчеркивал, что греки превзошли своих учителей – египтян. Восторженными словами характеризовал поэтов (Гомера, Пиндара) и красноречие ораторов (Исократ, Демосфена) [40, с. 8]. Отмечал значение творчества историков (Геродота, Фукидида,

Ксенофонта, Полибия), философов (Фалеса, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля), «творцов в изящных искусствах» (Фидия, Проклителя, Лисиппа). Не забыл упомянуть и архитектурные ордера, «имеющие доселе свою цену, красоту и употребление» [40, с. 9–10].

Начало римской истории характеризуется у Вилинского даже в более мрачных красках, чем греческой, поскольку поначалу римляне – «низкий и презренный народ», «скопище беглецов, преступников и прочих подобного звания людей». Но этот народ «при содействии мудраго управления и благоразумных учреждений» «возрос в величественный колосс, учинившись столицею вселенных» [40, с. 10]. Вилинский акцентировал роль Ромула, Нумы, упоминал борьбу с Карфагенской республикой, заострял внимание на «доблестных вождах» (Камилл, Фабий, Сципион, Цезарь и др.). Особенно подчеркивалось Вилинским «законоведение римлян», заимствованное, по мнению автора, у греков, начертанное на «двенадцати скрижалях», затем оно было «тщанием и трудами опытных и умных законоведов столько усовершенствовано, что соделалось основаю правоведения весьма многих Европейских народов». С пиететом отзывался Вилинский о нравственном поведении римлян «средних времен», употреблял понятие «нравственные и гражданские добродетели», подчеркивал «ревностное исполнение законов», «строжайшее соблюдение правосудия», отмечал, что римляне злату предпочитали «честное убожество» и поэтому нередко восходили от земледельческого плуга на «пышные седалища Консулов и Диктаторов», а затем возвращались к нему [40, с. 11–12].

Просвещение римлян, на взгляд автора речи, шло медленно, пока завоеванная ими Греция не способствовала тому, что «древо просвещения» было пересажено «под чистое небо Италии» [40, с. 12]. В числе тех, кто обеспечил достижения римлян в художественном творчестве, Вилинский отмечал Ливия Андроника, Энния, Плавта, Терренция; называл век Августа самым плодоносным для литературных произведений и золотым для наук, упомянуты им «знаменитейшие стихотворцы» Вергилий, Гораций, Овидий. Среди «дееписателей» (так Вилинский называл тех, кто описывал деяния людей и народов) он выделял Юлия Цезаря, Тита Ливия, Саллюстия, Корнелия Непота, Тацита, Светония. Первое место «среди римских витий» он закономерно отдавал Цицерону с его «всеувлекающей силой красноречия», давал высокую оценку его свидетельствам «о должностях, о законах и прочих нравственных предметах» [40, с. 13].

С. А. Вилинский выражал суждение, что философия римлян уступала греческой («древо любомудрия не столько было плодоносно под небом Италии, сколько под небом Греции»). Тем не менее Лукреций, Сенека и Плиний Старший, на его взгляд, «заслуживают особого внимания». Вполне естественно, что Вилинский считал важнейшим моментом общественного развития «озарение нравственного и гражданского образования» светом христианского учения [40, с. 15].

Таким образом, С. А. Вилинский в своей речи представил обобщенный взгляд, говоря его словами, «успехов просвещения» трех древних народов – египтян, греков и римлян (очевидным образом, отдавая дань веку своему), протянув цепочку исторического развития, придав тексту риторическую форму, наполнив красотами формулировок. Каких-то грубых исторических ошибок он не сделал. Велеречивый характер изложения, который воспринимается сейчас как не вполне соответствующий научному стилю, обусловлен был не только традицией XVIII в., но и жанром публичной речи. Но, видимо, уже в середине 40-х гг. XIX в. стиль его речей воспринимался как высокопарный, хотя и вызывал, скорее, одобрение, во всяком случае, профессор А. З. Зиновьев в 1845 г. воздержался от комментариев к его речам, перечислив их издания (хотя в данной публикации давал краткую оценку другим), а только привел объемную цитату из речи «О начале, ходе и успехах...», заметив лишь: «выпишем несколько строк как образчик стиля» [28, с. 68].

Сохранившиеся тексты выступлений С. А. Вилинского свидетельствуют, что он преподавал древнюю историю на уровне науки своего времени, и отсутствие университетского курса вполне компенсировал самообразованием на протяжении десятилетий, придя в Демидовское училище уже умудренным человеком и очень опытным преподавателем. Видимо, именно с уходом С. А. Вилинского в 1824 г. в 67-летнем возрасте из Демидовского Атенея и ухудшилось преподавание истории, что и зафиксировал А. М. Безобразов в своем донесении А. С. Шишкову.

Еще при нахождении С. А. Вилинского в училище, в 1820/21 и в 1821/22 академических годах, «греческие и римские древности», курс, по существу исторический, читал юрист Герасим Федорович Покровский, (преемник А. Вильке в стенах ярославского учебного заведения), которому были отнюдь не чужды сюжеты римской истории, в частности причинам гибели Империи он уделил специальное сочинение [41], он же читал и «не предусмотренное Уставом римское право» [1, с. 23]. Однако исторические взгляды правоведа Г. Ф. Покровского требуют отдельного изучения.

В последние три года существования Демидовского Атенея (до преобразования его в лицей по Указу 1833 г.) всеобщую историю (включая древнюю ее часть) преподавали Николай Александрович Руднев (годы работы в Ярославле – 1829–1836) и Алексей Зиновьевич Зиновьев (в училище и лицее – в 1830–1846 гг.). Последний не только излагал «историю древних царств», но и вел занятия по «словесности древних языков» [12, с. с. 87–88]. Но они свое профессорское служение осуществляли уже в других условиях, в контексте которых оно и должно рассматриваться, а филологические и исторические труды А. З. Зиновьева представляют самостоятельный исследовательский интерес.

Таким образом, то внимание, которое отчетливо прослеживается по отношению к преподаванию классических языков и древней истории –

как в подборе профессоров, так и в содержании учебных курсов – в период существования ярославского высшего учебного заведения в статусе *Athenaeum litterarum Demidowianum*, было в немалой степени обусловлено интересом к латинскому и древнегреческому языкам и в целом к историко-филологическим дисциплинам, который был сформирован у основателя училища П. Г. Демидова его ревельским наставником профессором А. Ф. Сигизмунди. Как показывает анализ обнаруженных о нем сведений, это был глубоко погруженный в процесс передачи молодому поколению гуманитарного знания человек, относившийся к своим занятиям – в гимназии и вне ее – как к делу жизни. Благодаря непосредственному участию П. Г. Демидова в выборе профессоров для ярославского Атенея деятельность в его стенах таких преданных науке и занятиям со студентами филологов-классиков, как И. Е. Срезневский и Ф. Шмидт, безусловно, делала честь училищу и формировала его репутацию, поскольку качество преподавания, по большей части, является производным от уровня подготовки и профессионального багажа профессорских кадров. Да и М. О. Ханенко (напрасно, на мой взгляд, не включенный в современные справочники о персонах, заложивших основы высшего образования в Ярославле) как хороший специалист и честный сеятель на ниве «разумного, доброго и вечного», при всех издержках своих действий сурового воспитателя, не испортил вспаханного поля, а, как минимум, расширил его.

Процесс нахождения профессора для чтения курса всеобщей истории в Демидовском высших наук училище немного затянулся, и только через год-два он стал систематически преподаваться (первоначально А. Ф. Клименко в качестве «совместителя»), но в итоге выбор на эту должность С. А. Вилинского оказался весьма удачным. Достигнутый им, как свидетельствует обращение к его опубликованным речам, очень приличный для своего времени уровень осмысления и изложения античной истории был во многом результатом самообразования и накопленного до поступления на службу в училище высших наук преподавательского опыта.

В целом проведенный анализ показывает, что антиковедческий научно-образовательный блок дисциплин в *Athenaeum litterarum Demidowianum* вошел существенной и весьма значимой составной частью в фундамент высшего образования в Ярославле, заложенный Училищем высших наук.

Ссылки

1. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее /под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 835 с.
2. Богатова Г. А. И. Е. Срезневский – один из основателей-строителей Ярославского высших наук училища // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 1994. Вып. 1. С. 13–15.

3. Шеина Ю. В. Деятельность И. Е. Срезневского как ритора и поэта в Ярославском высших наук училище // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 1994. Вып. 1. С. 15–16.
4. Следников А. Г. Эпизоды, взятые из классического образования в Ярославле // Двойной портрет III (филологи-античники о европеизации и деевропеизации в России) / сост. М. Н. Славягинская. М., 2013. С. 168–175.
5. Покровский С. П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. VIII, 264, XV, 4 с.
6. Гущина Е. В., Морозов Д. К., Салова Ю. Г. Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль: Рыбинск, 2008. 253 с.
7. Высших наук училище (18 июня 1803 – 13 января 1834). URL: https://www.uniyar.ac.ru/yargu/story/?ELEMENT_ID=57976 (дата обращения: 16.01.2022).
8. Подосинов А. В. LINGUA LATINA. Введение в латинский язык и античную культуру. Ч. IV, кн. 2: Хрестоматия латинских текстов. М.: Прогресс, 1995. С. 305–560.
9. Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo litterarum Demidowiano Jaroslaviensi a d. XVII Augusti anni MDCCCVI ad d. XXVIII Iunii a. MDCCCVII habendarum. М.: Университетская типография, 1806. 7 с.
10. Именной Указ Императора Александра I Правительствующему Сенату от 6 июня 1803 г. «О преимуществах, предоставляемых Ярославской Гимназии» // Очерки истории высшей школы Ярославского края / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 2003. С. 27–29.
11. Смекалина В. В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2014. 300 с.
12. Головщиков К. Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1887. 225 с.
13. Гладков Н. А. Обзорение пятидесятилетнего существования Демидовского лицея, читанное в Торжественном собрании сего заведения, в день юбилея, 1853 года июня 6-го дня исправляющим должность профессора энциклопедии законоведения, государственных законов, законов казенного управления и финансов, Гладковым. Ярославль: Тип. Губерн. правл., 1853. 297 с.
14. Кербигов М. Д. Немецкое влияние на Демидовский лицей в первой половине XIX века. 8 с. URL: <https://www.academia.edu/33302286> (дата обращения: 18.01.2022).
15. Бауэр Г. Ф. Старейшая гимназия в России. Очерки из прошлого ревальской гимназии Николая I. Ревель, 1910. 60 с.
16. Hansen von. G. Geschichtsblätter des revalschen Gouvernements Gymnasiums. Reval, 1881. 277 S.
17. Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1739–1740. Морские отряды / сост.: Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер; отв. ред. В. Хинтше. СПб.: Нестор-История, 2015. 968 с.

18. Охотина-Линд Н. «Я и мой Беринг...» (Частные письма Витуса Беринга и его семьи из Охотска в феврале 1740 г.) // Россия в XVIII столетии. М., 2004. Вып. 2. С. 177–220.

19. Санкт-Петербургские ведомости. 1731. 17 июня. С. 4. URL: https://vedomosti1728.ru/pdf.cgi?r=99&key_pdf=0hZyuISZ7UZuhKD8

20. Pax gloriosissima, quae inter serenissimum et potentissimum imperatorem ac dominum, dominum Petrum Magnum, totius Russiae autocratorem, Patriae patrem, et serenissimum ac potentissimum Suecorum Goth. et Vand. regem Friedericum I-mum, Neostadii, III. Calend. Sept. an praet. feliciter-convenit, uti fructus moderationis imperatoriae, in Gymnasio Reveliensi in frequenti auditorio IV. Calend. Febr. publice exposita ab A.F. Sigismundi, Gymn. Reval. prof. jur. et philos. Revaliae Tallinn: Typis Joh. Köhleri, 1722. 20 с.

21. Козляков В. Н. Новые документы о начальной истории Демидовского «училища высших наук» // Ярославская старина. 1994. № 1. С. 39–44.

22. Поздеева И. В. Изучение древней истории и древних языков в Московском университете в 50–70-е гг. XVIII в. // Вестник древней истории. 1962. № 3 (81). С. 3–23.

23. Щеглов В. Г. Высшее учебное заведение в г. Ярославле имени Демидова в первый век его образования и деятельности (6 июня 1803–1903 г.). Ярославль, 1903. IV, 278, V с.

24. Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 240 с.

25. Комушкина Н. В. Семья Срезневских // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: тез. докл. / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 1994. Вып. 1. С. 17–19.

26. Срезневский Иван Евсеевич // Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 19. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-19/151> (дата обращения: 29.10.2021).

27. Программа курса лекций в Ярославском высших наук училище, основанном П. Г. Демидовым. (Август 1804 г.) // Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 г. / сост.: И. В. Ваганова [и др.]; под ред. А. М. Пономарева. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 430 с.

28. Срезневский И. Е. Торжественное слово о странствовании муз или О некоторых промежутках времен, в которые художества и науки изящные у разных народов процветали, и о причинах, служащих для оных поощрением, 29 апреля 1807 года древней и новейшей литературы профессором и секретарем Совета, Иваном Срезневским на латинском языке говоренное, и им же на российский язык переведенное. М.: Унив. тип., 1807. 15 с.

29. Зиновьев А. З. Акты Ярославского Демидовского училища высших наук, с основания онаго до преобразования в лицей (1805–1834) // Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Т. XLVII. С. 59–76.

30. Программа на торжественное открытие Демидовского Благородного высших наук училища в Ярославле. Сочинена Фридрихом Шмидом, Доктором и Профессором Философии и Греческого языка при Ярославском училище высших наук. 1804 года. Перевел Коллежский Регистратор Григорий Осиповский // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1806. № 14. С. 216–236.

31. Schmidt F. Oratio de educatione pristina Graecorum. М.: Унив. тип., 1806. 10 р.

32. Шмидт Ф. Слово о древнем воспитании Греков, сказанное в торжественный день основания Ярославского Демидовского высших наук училища, 29 апреля 1806 года Доктором и Профессором Философии и Греческого языка Фридрихом Шмидом, говоренное на латинском языке // Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. 1806. № 16. С. 437–446.

33. Шевырев С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым, 1755–1855. М.: Унив. тип., 1855. XII, 584 с.

34. Ханенко Михаил Осипович // Половцов А. А. Русский биографический словарь Т. 21. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-21/328> (дата обращения: 29.10.2021).

35. Ханенко М. О. Рассуждение о сущности, цели и употреблении изящных искусств, произнесенное в торжественном собрании Ярославского Демидовского высших наук училища, 29-го апреля 1828 года, профессором древней и новейшей словесности Михаилом Ханенко (1812 г. авг. 28 дня). М.: Унив. тип., 1828. 40 с.

36. Ханенко М. О. Рассуждение о духе первобытной поэзии и о влиянии ее на нравы и на благосостояние народов, читанное в торжественном собрании Ярославского Демидовского высших наук училища 29 апреля 1813 года профессором древней и новейшей словесности, магистром философии и свободных наук и библиотекарем Михаилом Ханенко. М.: Унив. тип., 1813. 30 с.

37. Шрекк И. М. Древняя и новая всеобщая история, или Руководство к преподаванию оной при публичном и приватном обучении юношества в округе Императорского Московского Университета: перевод с немецкого: в 3 ч. Новое издание, исправленное и доведенное до нынешних времен, с приложением Синхронических таблиц к каждому периоду. М.: Унив. тип., 1814. Ч. 1. 230 с.

38. Вилинский С. А. Слово о принадлежностях истории вообще. М.: Унив. тип., 1809. 14 с.

39. Вилинский С. А. Речь о началах или источниках благоденствия народного. М.: Унив. тип., 1816. 34 с.

40. Вилинский С. А. Речь о начале, ходе и успехах нравственного и гражданского образования некоторых древних народов. М.: Унив. тип., 1824. 32 с.

41. Покровский Г. Ф. Рассуждение о главных и существенных причинах упадка и разрушения Римского государства, произнесенное во время торжественного собрания в Благородном пансионе, учрежденном при Ярославском Демидовском высших наук училище, 21 декабря 1822 года, профессором естественного и народного прав, казенных студентов и одного Пансиона инспектором, надворным советником и кавалером Герасимом Покровским [и другие речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании]. М.: Университет. тип., 1823. 35 с.

"Russian Roots" of Tekle Hawariat Tekle Mariam

N. L. Krylova¹, N. K. W. Michael²

¹Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka, Moscow, 123001, Russian Federation

²RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-394-405

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the Russian period of the life of one of the most famous political figures and intellectuals of Ethiopia in the first half of the twentieth century. The Russian foster family, in which he spent 17 years of his life, left a big mark in the subsequent social, political and creative activities of Tekle Hawariat, Tekle Mariyam. He carried love and loyalty to his foster family through his entire eventful, ups and downs life of a politician, public figure, creative personality.

Keywords: Russia; Ethiopia (Abyssinia); Menelik II; autobiography; Russian family; humanitarian ties; cadet corps; theater; Constitution of Ethiopia; league of Nations

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krylova, Natalia L. | E-mail: krylovanl@yandex.ru
Doc. Sc. (History), Principal Researcher

Michael, Nigusie Kassaye W. | E-mail: kkmikhail2003@mail.ru
Doc. Sc. (History), Professor

«Русские корни» Текле Хаварията Текле Марияма

Н. Л. Крылова¹, Н. К. В. Микаэль²

¹Институт Африки РАН, Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-394-405
УДК 316.3/4; 316.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена русскому периоду жизни одного из самых известных политических деятелей и интеллектуалов Эфиопии первой половины XX столетия. Русская приемная семья, в которой он провел 11 лет своей жизни, оставила большой след в последующей общественной, политической и творческой деятельности Текле Хаварията Текле Марияма. Любовь и верность своей приемной семье он пронес через всю свою богатую событиями, взлетами и падениями жизнь политика, общественного деятеля, творческой личности.

Ключевые слова: Россия; Эфиопия (Абиссиния); Менелик II; автобиография; русская семья; гуманитарные связи; кадетский корпус; театр; конституция Эфиопии; Лига Наций

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крылова, Наталия Леонидовна | E-mail: krylovanl@yandex.ru
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Микаэль, Ныгусие Кассае В. | E-mail: kmikhail2003@mail.ru
Доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук

Текле Хаварият Текле Мариям – одна из самых известных политических фигур Эфиопии первой половины XX в. За последние годы наши знания об этом политическом деятеле значительно расширились, во многом благодаря знакомству с архивными документами [1–3], научными статьями, освещающими его жизнь [4–6], наконец, автобиографии самого Текле Хаварията [7]¹. Менее известен русский культурный контекст, в котором

¹ Особенностью автобиографии Текле Хаварията явилось полное отсутствие в ней дат его передвижений, знаковых событий. Хроника его жизни в конкретных датах восстанавливалась исследователями по архивным материалам, документам и другим источникам.

© Крылова Н. Л., Микаэль Н. К. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

он формировался в годы своей учебы, и то, как более чем десятилетний период отразился на его дальнейшей общественно-политической деятельности. Данная статья предоставит возможность немного расширить рамки знакомства с ним в период его формирования как личности в дореволюционной России.

В истории русско-африканских отношений были эпизоды, когда русские семьи принимали живое участие в воспитании юных африканцев, как это произошло, к примеру, с Теффэра Дегефэ, известным эфиопским банкиром, управляющим Национального банка Эфиопии, проводившим во время итальянской оккупации Эфиопии несколько лет в доме генерала Льва Дроздовского на правах сверстника и товарища по играм его внука [8]. Подобные «путевки в жизнь» африканская молодежь получала из рук русских и в самой России. Примером тому служит судьба Абрама (Ибрагим) Петровича Ганнибала, сына абиссинского князя, крестника и воспитанника Петра Первого, известного российского военного инженера, генерал-аншефа, прадеда А. С. Пушкина.

Замечательным образцом такой «обратной связи» «через семью», которым вправе гордиться Эфиопия и Россия, в культурных и гуманитарных отношениях между ними, стала история жизни видного государственного деятеля Эфиопии, политика и интеллектуала, одного из авторов Конституции Эфиопии Текле Хаварията Текле Марияма [4].

Наиболее точной датой его рождения принято считать июнь 1884 г. [9, р. 57–64]. Она была основана на собственных расчетах Текле Хаварията из его автобиографии². В то время крайне редки были случаи, когда обучение маленьких эфиопов выходило за рамки традиционного церковного образования (до открытия первой светской школы в Аддис-Абебе оставалось более двух десятков лет). Юный Текле Хаварият свое первое образование получил в церковной школе в Аддис-Абебе, столице провинции Шоа. За три года Текле Хаварият, завершив начальную стадию церковного образования, получил право стать помощником в церковных службах. Перебравшись вместе со старшим братом в Харар, Текле Хаварият через родственников познакомился с двором раса Мэконнын Вольде Микаэля, губернатора провинции Харера, одного из просвещенных правителей своего времени, кузена и ближайшего сподвижника императора (негуса) Эфиопии Менелика II, отца будущего императора Хайле Селассие I. Именно рас Мэконнын стал покровителем Текле Хаварията.

Детство мальчика трудно назвать спокойным. В возрасте 11 лет он сопровождал раса Мэконнина и его брата в военном походе, где они присоединились к силам императора Менелика II, чтобы противостоять агрессии Италии. Когда группа специалистов российского Красного Креста прибыла в Эфиопию для оказания помощи раненым, рас Мэконнын позаботился

² Дата смерти Текле Хаварията (апрель 1977 г.) указана его сыном Гермахью Текле Хавариятом.

о том, чтобы опекаемый им Текле Хаварият, которому в 1896 г. исполнилось 12 лет, был отправлен с возвращавшимися русскими врачами в Россию для получения военного образования. Молодой Текле Хаварият по просьбе раса Мэконнына путешествовал под покровительством полковника Н. С. Леонтьева, русского офицера, одного из военных советников эфиопского руководства во время войны 1896 г. [9, с. 59].

Такое решение эфиопского опекуна Текле Хаварията было объяснимо. В конце XIX – начале XX в., кроме дружественных отношений между Эфиопией и Россией, существовала еще и стратегическая роль, которую последняя, как сильная держава, могла бы сыграть в борьбе Эфиопии с агрессивной колониальной итальянской армией, намеревавшейся вести войну. Военные реформы требовали от негуса Менелика II не только перестройки армии по европейскому образцу, приобретения современной военной техники, но и подготовки кадров, способных стать у руля реформ. При дворе императора велось много разговоров об отправке молодых членов двора для получения образования в Санкт-Петербурге. В итоге на учебу в Россию в самом конце XIX в. было направлено пять эфиопских подростков. Одним из них, Текле Хаварията, ждала необычная юность, которую он провел в семье своего русского приемного отца и наставника, полковника Сергея Молчанова и его матери, Елены Сергеевны – «Нелли» – Рахмановой, женщины незаурядной.

Жена мелкого дворянина из Сибири Дмитрия Молчанова, Елена Сергеевна, урожденная княгиня Волконская, дочь известного революционера-декабриста князя Сергея Григорьевича Волконского, уехала из Иркутска, едва похоронив мужа. Вдова в 22 года с пятилетним сыном Сергеем и родителями, Елена, тогда еще носившая фамилию Молчанова, в 1857 г. не без проблем перебралась в европейскую часть России и вскоре стала супругой надворного советника Николая Аркадьевича Кочубея, переехав в его имение в Малороссии. Через два года юного Сергея, как и всех дворянских сыновей, отправили в Санкт-Петербург учиться в Военную академию. Свою жизнь он посвятил карьере офицера. Служба привела его в Абиссинию, где он вместе с другими старшими офицерами встречался с негусом Менеликом II, вместе с ним трудился над разработкой планов против итальянских войск. Ему, полковнику лейб-гвардии Гусарского Его Величества Полка, в своих абиссинских дневниках выражал «глубокую и почтительную благодарность» знаменитый А. К. Булатович, русский офицер, учёный и религиозный деятель, исследователь Эфиопии, первое путешествие которого в составе Санитарного Отряда Российского Красного Креста на театр итало-абиссинских военных действий было совершено в 1896 г. [10, с. XV]. Здесь Сергей Молчанов познакомился и подружился с рас Мэконныном; по одной из версий он, не будучи обременен семьей, стал опекуном маленького Текле и увез его в Россию (хотя существуют и другие

версии, в том числе, что Текле познакомился с Сергеем Молчановым уже в Петербурге) [11].

В начале 1897 г. молодой абиссинец Текле Хаварият Текле Мариям прибыл в свое русское пристанище – живописное поместье Вейсбаховку, где жила семья Елены Сергеевны, матери Сергея Молчанова, к тому времени в третий раз вышедшей замуж за богатого помещика А. А. Рахманова.

Елена Сергеевна и ее новый муж Александр Рахманов завершили строительство Вейсбаховки к 1886 г. Это был большой архитектурный ансамбль, выстроенный в неорусско-украинском стиле, спроектированный известным архитектором Ягном и дизайнером интерьера Соколовым, включавший главный – помещичий – дом и два крыла-флигеля к нему. Ансамбль дополнялся различными хозяйственными постройками, большим фруктовым садом, несколькими парками. Усадьба в Воронках, где жила семья Елены Сергеевны, которая находилась в 30 км от Вейсбаховки, выглядела более скромно и была местом, где семья отдавала дань увлечениям, искусству, театральным и музыкальным традициям, подобным тем, что существовали в имении Волконских – Кочубей еще в конце 1850-х годов [9].

Текле Хаварият был тепло встречен всеми членами своей новой русской семьи. Сергей Михайлович серьезно отнесся к отцовским обязанностям по отношению к 13-летнему Текле, но прежде, чем найти для него подходящее военное училище, мальчика нужно было соответствующим образом подготовить к вступительным экзаменам. Текле Хаварият с его церковным образованием, полученным на родном языке, не мог сразу поступить в кадетский корпус: экзамены проводились на русском. Его подготовка целиком ложилась на опекуна Текле Хаварията, который, в свою очередь, доверил подготовку в кадетский корпус своей семье в Воронках. Здесь эфиопский мальчик жил и получал традиционное для дворянских детей того времени воспитание и необходимое образование вместе с новоприобретенными кузенами – братьями и сестрой Кочубей. Кроме того, у него было две тетки и любящая Нелли – «бабушка», как ее впоследствии называл Текле Хаварият.

К тому времени, когда Текле Хаварият познакомился с Еленой Сергеевной, она была уже не молода. У нее были большие проблемы со зрением. К тому же Елена Сергеевна была парализована и сидела в кресле-каталке, что не мешало ей быть выдающейся фигурой в семье Молчановых/Кочубеев/Волконских и оставаться ее лидером. Волконские наняли юному эфиопу трех учителей: учителя русского языка, в обязанности которого входило обучение грамматике, письму, а также мировой истории и географии; учителя арифметики и учителя рисования. Тетя (сестра Сергея Молчанова) учила Текле Хаварията музыке [7, с. 94].

Надо заметить, что, помимо своего основного – жилого – назначения, усадьбы были добротными организованными центрами сельскохозяйственных предприятий. Маленький Текле Хаварият имел возможность наблю-

дать за жизнью хорошо устроенных хозяйств, расположенных на Украине, тогда житницы России, а благодаря угольной и железодобывающей промышленности Донбасса – и экономическим ее сердцем.

Как положено представителю высшего российского сословия, Текле Хаварият занимался охотой и верховой ездой. Его также знакомили со скотоводством и пчеловодством – видами сельскохозяйственной деятельности, особенно развитыми в регионе. Кроме того, он обучался ремесленному – плотничьему и кузнечному – делу [1].

В большом помещичьем доме было много детей и молодежи, которая увлекалась молодым в ту пору искусством фотографии, русской литературой, музыкой, постановками собственных пьес в усадебном театре. Как и Михаил Кочубей, его названный дядя, Текле Хаварият в скором времени стал хорошим фотографом и часто своей камерой снимал дом в Воронках и бабушкин дом в Вейсбаховке.

Юный Текле Хаварият, оторванный от своей абиссинской родины, чувствовал себя уютно и безопасно в новом для него русском мире приемной семьи. Дом стал ему родным. Текле Хаварият всегда будет называть Сергея своим отцом, а «Нелли» – бабушкой. В кругу семьи и у друзей сам он звался Петром или Петей абиссинцем. В российских архивах и документах русское имя Текле Хаварият упоминается по-разному: Piotr Sergeievitch Molchanov / Петр Сергеевич Молчанов, Петя абиссинец (Petia Abissinetz), Piotr Tekle-Hawariate, son of Abai. Последнее, зафиксированное в официальных переписках с администрацией российской военной академии, имя подчеркивало его эфиопское «наследие» (упоминание же о нем как о сыне Абая, возможно, ассоциировалось с именем полковника Николая Леонтьева, его эфиопским титулом – граф Абай, в сопровождении которого Текле Хаварият /Петр прибыл из Эфиопии в Россию) [10].

О годах обучения Текле Хаварията, административных сложностях и перипетиях (напоминавших «византийские приключения в русском лабиринте бюрократии») его зачисления в военные учебные заведения Российской империи известно довольно много. Этот период его жизни изучен почти досконально, благодаря упомянутым архивным документам и исследованиям историков-африканистов [4–6, 9].

Его приемный отец, полковник, посвятивший военному делу свою карьеру и личную жизнь, чрезвычайно ответственно отнесся к будущему Текле Хаварията, считая, что тот должен получить самое лучшее военное образование. Выбор пал на 1-й кадетский корпус в Санкт-Петербурге, по окончании которого он был зачислен в Михайловское артиллерийское училище.

Школьную жизнь темнокожего мальчика Текле Хаварията в элитном кадетском корпусе трудно назвать типичной для юношей той эпохи, хотя память о героическом генерале Ганнибале «мирила» русских кадетов с абиссинцем. Кстати, в официальных документах Текле Хаварият, как и его зна-

менитый соотечественник, был записан как православный. Закон Божий в кадетских корпусах России был обязателен для всех. Воспитанникам и новерцам предоставлялась возможность изучать молитвы, церковные песнопения и текст основных догматов на родном языке. Объяснение молитв, песнопений и догматов, изучение священной и церковной истории и опрос учащихся на уроках и экзаменах производились на русском языке [4, с. 67].

В кадетском корпусе Текле Хаварият выказал хорошие способности к обучению и был не только принят, но и любим своими товарищами-кадетами. По окончании кадетского корпуса Текле Хаварият, успешный его ученик, без труда прошел в Санкт-Петербургское Михайловское артиллерийское училище – первое высшее артиллерийское учебное заведение России, став юнкером [7, с. 128]. Социальный состав юнкеров был исключительно дворянским, и Текле Хаварият поступил туда благодаря тому, что его официальным опекуном был состоявший в распоряжении ее императорского высочества генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича полковник С. Д. Молчанов³.

Сведений о его учебе в Михайловском артиллерийском училище практически нет [4], но есть любопытная характеристика, которую ему дал полковник Э. Э. Шляхтин в статье, опубликованной в журнале «Военная быль»: «... Он был небольшого роста, курчавый, шоколадного цвета кожи, с правильными чертами лица и толстыми губами. Он был скромный, застенчивый, добрый, немножко тугодум. Все мы его очень любили. Привезла его какая-то миссия, ездившая в Абиссинию, принадлежал он к аристократическим кругам, близким по родству к самому Царю Царей. В нем приняла большое участие богатая помещичья семья Кочубей, куда он из училища, и очевидно, и из кадетского корпуса ездил в отпуск. Его подготовили и он окончил в Петербурге Первый кадетский корпус. Перед ним, наверно на год раньше, в тот же корпус поступил и другой абиссинец Терье, который вышел в эскадрон Николаевского кавалерийского училища. Нам рассказывали, что наш Текле, встретив в первый раз в корпусе Терье, один только раз прошел с ним по классному коридору и больше никогда с ним не разговаривал, и на вопросы кадет, правда ли, что Терье принадлежит к знатному роду, потому что у него на теле имеется татуировка, с презрением ответил, что у них в Абиссинии клеймят только рабов. У нас в училище в распоряжение каждого отделения придавался служитель, который, помимо других своих обязанностей, следил за порядком в нашей спальне и хранил в особом помещении собственные юнкерские вещи, главным образом самое дорогое наше достояние – лакированные или шагреновые сапоги, художественное произведение лучших мастеров сапожного искусства, Мещанинова, Шевелева и др., а также и отпускное парадное обмундирование. Юнкера платили им особое вознаграждение, служившее подспорьем

³ Упомянутая А. П. Пискуновой полковая принадлежность С. Молчанова [4, с. 67] не согласуется с другими источниками [11].

к получаемому ими жалованью. Эти служителя первое время очень интеллигентно себя вели, остается ли полотенце таким же белым после того, как Текле, умывшись, вытирал свое лицо. Солдаты, которые подавали нам для езды верховых и орудийных лошадей, называли его «воронным» баринином» [13].

Во время учебы Текле Хаварият использовал любую возможность, чтобы навестить свою русскую семью. Переломным моментом русского периода жизни 21-летнего Текле Хаварията стал 1905 г.: в Италии⁴ умер от сердечного приступа его приемный отец. Весть буквально опустошила Текле Хаварията. Он уехал из Петербурга, как только стало известно, что тело его отца возвращается на родину и будет похоронено в Воронках. Здесь он вместе со своей приемной семьей оплакивал смерть дорогого ему человека, полковника С. Д. Молчанова. Вот как описывается это печальное событие в хрониках на Kotchoubty.com: «Гроб Сергея Молчанова прибывает на железнодорожный вокзал Воронки в мае 1905 года. Текле Хаварият, страстный летописец своей жизни в России и, скорее всего, с фотоаппаратом в руке, нашел время, чтобы запечатлеть похороны на свой фотоаппарат <...> Согласно протоколу, семья собралась на железнодорожный вокзал, чтобы принять похоронный поезд. В отдельной повозке <...> выложенной в виде креста обожаемыми Сергеем Молчановым красными гвоздиками, лежало тело Сергея, в свинцовом подбитом, флагом задрапированном гробу. На перроне станции молодые мальчишки-Кочубеи в летних льняных матросских костюмах с тревогой смотрели на своих отца, мать, бабушку и теток, которые вместе с членами местного духовенства, дворянством и помещиками молились о вечном упокоении Сергея и хоронили его у только что построенной часовни, где покоились его Волконские дедушка и бабушка, Александр Поджио, его жена и отчим Николай Кочубей. После церковной службы вся семья вместе с несколькими близкими родственниками из поместья отправилась вверх по склону холма к месту последнего упокоения Сергея. Каждый раз Текле терпеливо устанавливал свою камеру и снимал похороны. Это было похоже на то, как если бы он отчаянно пытался захватить каждую минуту, чтобы в будущем он мог носить память о похоронах своего отца с собой, куда бы он ни пошел...» [7].

Слова «бабушки Нелли» оказались пророческими: спустя некоторое время в 30-е годы XX в. начинается вторая цивилизационная миссия фашистской Италии христианской Эфиопии.

Вскоре после печального события адвокаты семьи Волконской/Рахманова оповестили Текле, что он является единственным наследником имущества своего отца, который, будучи холостяком, все свое состояние оставил приемному сыну. Теперь, когда до окончания академии оставалось два года, пришло время задуматься о будущем, что стало возможным бла-

⁴ Текле Хаварият в своей автобиографии пишет, что его отец полковник Молчанов отправился и умер в Голландии, и правительство этой страны доставило гроб в Петербург, откуда отправили на Украину...» [7, с. 136].

годаря полученным в наследство средствам, которые он теперь мог потратить, руководствуясь советами «бабушки Нелли». Однако новость едва ли могла возместить Текле утрату потери отца. Кроме того, 1905 г. стал тревожным не только в столице, но и в малороссийской провинции.

По окончании училища Текле Хаварият, стремясь изучить службу русской полевой артиллерии и приобрести навыки, необходимые для дальнейшего служения на родине, подал ходатайство о производстве его по окончании 2-летнего курса училища в офицеры без обязательства перехода в русское подданство, но с принятием присяги на верность службы русскому царю. Ему надлежало предоставить официальное согласие своего правительства на поступление на русскую военную службу, в чем ему, как иностранному гражданину, было отказано [12, с. 236–237]. Сам Текле Хаварият отмечал, что Менелик II не ответил на его просьбу, хотя ранее содействовал получению им российского военного образования [7, с. 138]. Для Текле отказ стал сигналом к тому, что его будущее связано с Эфиопией [14, с. 9].

Сначала он принимает решение совершить путешествие по Европе. Его намерение горячо разделяла Нелли, стремившаяся приобщить эфиопского внука к европейской «цивилизации». Одновременно она поддерживала любовь молодого эфиопа к его собственной родине «...Теперь после окончания учебы тебе необходимо посещать западную Европу. Даже будучи хорошо образованным, если не увидишь западную Европу, не поймешь ее цивилизацию. Твое знание о Европе будет неполным. Запад считает нас русских лицемерными, нерасторопными. Да, для этого у них, может быть, имеются причины. Очевидно, что они приобщились к цивилизации раньше нас. Да, они цивилизовали свои мозги, языки, руки и образ жизни. Но душа у них зверская и жестокая. Они уже забыли свою веру (христианскую. – прим. авт.) <...> они уже изменники бога и стали рабами материи <...> готовы поменять все на деньги <...> их знание приведет к разрухе <...> запад бежит впереди всех, чтобы стать убийцей себе и другим народам. Но мы русские не торопимся <...> вера, любовь и правда для нас выше всех...» [7, с. 139–140]. И далее: «Для своей родины ты будешь закваской. Поэтому старайся получить знание настоящее. Ты должен трудиться безустанно. А то Европа сотрет вас с лица земли. Они уже уничтожили многие народы мира и вас не оставят в покое. В Африке кроме вас нет христианского народа. Ваша история старше, чем история Европы, но, чтобы не исчезнуть, кроме как образовываться у вас нет другого выбора» [7, с. 130].

Путешествия по Европе позволили Текле Хаварияту выбрать новое направление в жизни. В Воронках же к 1907 г. жизнь постепенно вернулась в нормальное русло, хотя после двухлетних крестьянских волнений семье пришлось расстаться с одним из имений. Нелли была глубоко опечалена многочисленными проблемами в семье и в собственном здоровье (она перенесла инсульт). Она практически потеряла способность пользоваться ру-

ками. Внучатый племянник Елены Сергеевны, князь Сергей Михайлович Волконский, в своей книге «Мои воспоминания» писал о тете Нелли, как она провела последние годы своей жизни, путешествуя по Неаполю и Флоренции, а с 1909 г. оставаясь в Риме. Упоминает он о свите, сопровождавшей ее в поездках, «о двух крестьянках, которые постоянно были рядом с ней, об облаченных в национальные костюмы украинских слугах, находившихся при ней во время путешествий по улицам Рима» [15, с. 118, 243).

Последний раз Текле видел бабушку в 1908 г. Именно тогда он решил покинуть Россию. После завершения поездки по странам Европы Текле Хаварият вернулся в Эфиопию, но спустя еще некоторое время отправился во Францию и Англию для изучения языков [1].

В России Текле Хаварият прожил в общей сложности 11 лет [7, с. 144], покинув ее выпускником Михайловского училища. Трудно представить, что, проведя столь важные для своего профессионального, гражданского и культурного становления годы в России, он не испытал на себе влияния многочисленных и разнообразных элементов русской реальности, той жизни, с которой столкнулся в столице и родовом поместье приемного отца и его родных. Последующие годы его карьеры на родине и за ее пределами указывают на это влияние. Оно во всем – от общественно-политической деятельности, военных практик, способов управления сельскими поместьями до творческого самовыражения. Отзвуки русской юности звучат во многих действиях и решениях Текле Хаварията, начиная с работы над конституцией и заканчивая организацией собственных усадебных хозяйств.

Оторванный от родины, Текле Хаварият научился приспособливаться к переменам. Его карьера в Эфиопии шла через взлеты и падения, что было связано с независимым характером и прогрессивными взглядами, не всегда совпадавшими с традиционалистскими позициями ее руководителей: слишком глубокой была пропасть в социально-экономическом и политическом отношениях между феодальной Эфиопией и европейским миром, в котором сформировалось сознание Текле Хаварията. Почти сразу по возвращении он становится видным правительственным чиновником. Текле Хаварият был известен как губернатор провинции, его деятельность на этом посту обеспечила ему репутацию просвещенного администратора. Существуют разные точки зрения на влияние «русского элемента» на формирование карьеры политического и общественного деятеля Текле. Например, Бару Зевде, известный эфиопский историк, считает, что связь Текле Хаварията с Россией, которую тот, несомненно, любил, не только не помогла, но и помешала становлению его карьеры, когда из-за большевистской паники, охватившей столицу, в 1928 г. из страны была выдворена группа русских эмигрантов [9, с. 57–64]. Сам Текле Хаварият был арестован и заключен в тюрьму, хотя через полгода был признан невиновным и восстановлен в должности.

Сильный и опытный государственный политик, разработчик первой Конституции Эфиопии 1931 г. (при правлении Хайле Селассие I), один из создателей парламента (в большей или меньшей степени скопированного с русской Думы 1906–1917 гг.), министр финансов страны, в течение ряда лет представитель Эфиопии в Лиге наций, где он слыл активным защитником эфиопского народа, Текле Хаварият тем не менее мечтал использовать на родине высокопрофессиональную военную подготовку для организации обороны страны против надвигавшегося итало-эфиопского конфликта.

Очевидное влияние «русских корней» было ощутимо и на хозяйственной стезе жизни Текле Хаварията – организации ферм и сельскохозяйственных предприятий, которые в течение жизни он будет создавать, совершенствовать, реконструировать и контролировать. Несомненно, проектируя и управляя своим хозяйством, он много заимствовал из того, что видел и изучал в Вейсбаховке и Воронках. Некоторые из его хозяйственных опытов были успешными, другие, как, например, ферма на Мадагаскаре, менее удачными. В его фотоальбоме, который поистине чудесным образом сохранился и, в конце концов, попал в начале XXI в. в руки его потомков, есть тщательные заметки о различных зданиях и их роли, а также эстетические фотографии парка и интерьера усадьбы неороссийского возрождения его бабушки [11].

Текле Хаварият преданно любил родину. Но, будучи сторонником радикальных взглядов относительно переустройства страны, Текле попал в опалу, несколько лет скитался по разным странам, пока в 1955 г., после примирения с императором Хайле Селассие I, не вернулся в Эфиопию, чтобы «удалиться в безвестность жизни джентльмена-фермера в Хирне» на той самой ферме, которую Текле Хаварият и его молодая семья покинули после итальянского вторжения в Эфиопию в 1935 г.

Как всякий одаренный человек, Текле Хаварият обладал разносторонними знаниями и увлечениями, приобретенными в России. Родовые усадьбы отца и бабушки были не только средоточием местной хозяйственной жизни, но и центрами театрального искусства. Имея юношеский опыт домашних театральных постановок в Воронках и Вейсбаховке, знакомства с петербургской театральной и музыкальной жизнью, он и сам, вернувшись в Эфиопию, написал на амхарском языке злободневную сатирическую пьесу под названием «Комедия животных» (по мотивам басен Лафонтена), познакомив соотечественников с западным театром и, по существу, положив начало эфиопской драматургии. Кстати, эту творческую линию продолжил его сын, Гермачев Текле-Хаварият, дипломат, писатель и драматург.

Через всю свою жизнь Текле Хаварият пронес искреннюю любовь к России и своей русской семье. И хотя последний раз Текле видел свою бабушку в 1908 году, он продолжал поддерживать контакт с родными и после Русской революции. Всю свою жизнь Текле Хаварият считал Елену Сергеевну

своей «бабушкой Нелли». Одна из его теток, Елена «Алена» Александровна Рахманова, немногим старше самого Текле, была его любимой «тетей Элен». После октябрьской революции она оказалась в Болгарии, где Текле Хаварият нашел ее и вывез во Францию, а затем в Эфиопию. Там она жила с его семьей в Хирне, где Текле был губернатором области Черчера.

Ссылки

1. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. Турецкий стол (новый) г. 1897–1902 г. Оп. 502/2. Д. 4895. Л. 11.
2. АВП РФ. Ф. Турецкий стол. Оп. № 502/2 1904 г. Д. 4898. Л. 6.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Миссия в Аддис-Абебе. Оп. № 422. Д. 15. Л. 3.
4. Пискунова А. П. Абиссинец на учебе в России. Из жизни видного государственного деятеля Эфиопии Текле Хауариата // Восточный архив. ИВ РАН . № 17. 2008. С. 66–69.
5. Ныгусие Кассе В. М., Дегтерев Д. А. Подготовка национальных кадров для стран Африки в Российской империи: первые эфиопские студенты // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 69–80.
6. Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки. М.: РОССПЭН, 2019. 607 с.
7. Фитаурари Текле Хаварият Текле Мариям. Автобиография (Моя история). Аддис Абеба: Изд-во ун-та Аддис Абебы, 2005. 422 с. (на амхарском яз.).
8. Riding the Century: A Memoir / O. Dabbert, R. Hutchinson, M. Lang. San Diego. 2006. 302 p.
9. Zewde, Bahru Pioneers of change in Ethiopia : the reformist intellectuals of the early twentieth century. Oxford, Athens, Addis Abeba: Oxford University Press, Ohio University Press, Addis Ababa University Press, 2002. 243 p.
10. Булатовичъ А. К. Съ войсками Менелика II. Дневникъ похода изъ Эфиопіи къ озеру Рудольфа. С-Петербургъ: Тип. «Г-ва Худож. Печати», 1900. 323 с.
11. The Raven Baron, the photo Album and a Lost World recovered^ our Brother Fitawrari Tekle Hawariat of Ethiopia. URL: <http://Kotchoubey.com/select-biographies/petia-the-abyssinian-our-brother-Tekle-Hawariat-of-Ethiopia/> (accessed: 24.10.2021).
12. РОССИЯ И АФРИКА: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ. ХУІІІ В. – 1960 Г. Т. 1: ХУІІІ В. – 1917 Г. М.: ИВИ РАН, 1999. 286 С.
13. Шляхтин Э. Э. Михайловское Артиллерийское Училище // Военная быль. Париж. 1969. Март, № 96. URL: <http://lepassemilitaire.ru/mixajlovskoe-artillerijskoe-uchilishhe-polkovnik-shlyaxtin/> (дата обращения: 03.11.2020 г.).
14. Африка. История и историки. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 448 с.
15. Волконский С. М. Мои воспоминания: в 2 т. М.: Искусство, 1992. Т. 2. 283 с.

Satyricon magazine in Paris: nostalgia or "laughter through tears"

A. M. Moysinovich¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-406-425

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the satirical weekly *Satyricon*, published in 1931 in Paris. Much attention is paid to the structure, design and contents of the publication. The magazine had not only literary but also artistic significance, with the prominent writers, poets and artists of the time taking part in its creation. Its importance for the Russian diaspora, the beneficial effect of humor on the mentality and well-being of émigrés are noted. The authors of the magazine tried not only to preserve the traditions of pre-revolutionary Russian humor, but also to raise the spirit of their fellow citizens in a foreign land, to cheer them up.

Keywords: satire; press; magazine; publishing house; Russian emigration; image

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Moysinovich, Anna M. | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
| Cand. Sc. (History), Associate Professor

Журнал «Сатирикон» в Париже: тоска по родине, или «смех сквозь слезы»

А. М. Мойсинович¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-406-425
УДК 94+03:19.41.09

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена сатирическому еженедельнику «Сатирикон», выходявшему в 1931 г. в Париже. Большое внимание уделено структуре, оформлению и содержанию издания. Журнал имел не только литературное, но и художественное значение; в его создании принимали участие видные писатели, поэты и художники своего времени. Отмечено его значение для русской диаспоры, благотворное влияние юмора на умонастроения и самочувствие эмигрантов. Авторы журнала пытались не только сохранить традиции до-революционной русской юмористики, но и поднять дух своих сограждан на чужбине.

Ключевые слова: сатира; печать; журнал; издательство; русская эмиграция; образ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мойсинович, Анна Михайловна | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг., как следствие «первой волны» эмиграции, Париж стал культурным центром притяжения творческой интеллигенции, покинувшей Россию после Октябрьской революции и Гражданской войны. Французская столица стала пристанищем для известных писателей, поэтов, художников. В их числе Ю. П. Анненков, А. Н. Бенуа, И. А. Бунин, М. В. Добужинский, А. И. Куприн, А. М. Ремизов, Тэффи, Саша Черный, К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус, Дон-Аминадо и др.

Для большинства из них эмиграция оказалась вполне терпимой, чему способствовали знание французского языка, создание литературных объединений, кружков, союзов и развитие книжного дела. После при-

© Мойсинович А. М., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

бытия во Францию эмигранты создали немало журналов: «Версты» (Париж, 1926–1928), «Дни» (Париж, 1928–1933), «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924–1939), «Новый корабль» (Париж, 1927–1928), «Современные записки» (Париж, 1920–1940), «Сатирикон» (Париж, 1931) – и газет: «Возрождение» (Париж, 1925–1940), «Новая газета» (Париж, 1931), «Общее дело» (Париж, 1918–1922, 1928–1934), «Последние новости» (Париж, 1920–1940), «Россия» (Париж, 1927–1928), «Русский инвалид» (Париж, 1930–1940) [1]. Такому многообразию периодической печати (с 1920 по 1940 гг. вышло примерно 207 наименований [2]) способствовал и тот факт, что с 1925 г. Париж считался крупным издательским центром. Наравне с серьезными предприятиями, такими как «Издательство Я. Поволоцкого и К» (1910–1933 гг.), «Франко-русская печать» (1921–1940-е гг.), «ИМКА-пресс» (1925–1940), «Родник» (1927–1934 гг.), «Издательство журнала “Современные записки”» (1929–1940), «Таир» (1927–1935 гг.), имелись и небольшие, которые, просуществовав один-два года, уходили в небытие из-за финансовых трудностей. В их числе «Русская земля» (1920–1921 гг.), «Север» (1920), «Новые писатели» (1929–1930).

Создание и деятельность издательств проходила в тяжелых экономических и финансовых условиях: высокий курс франка, дорогие бумага и типографские материалы, высокая себестоимость изданий на русском языке и др. Тем не менее издатели старались помочь соотечественникам адаптироваться в новых условиях; материальное положение эмигрантов нередко было тяжелым. Литераторы, журналисты, художники публиковали свои произведения в сборниках и альманахах и отдельными изданиями. Они могли работать в редакциях периодических изданий, получая, пусть небольшой, но стабильный заработок. К сожалению, очень немногим издательствам удавалось долго держаться на плаву, а значит, и надежды на гонорар были призрачными. Исследователь В. И. Коровин отмечал: «Писатель каждодневно рисковал вознаграждением и, следовательно, даже теми весьма скудными средствами, на которые рассчитывали он и его семья» [3, с. 12].

В таких нелегких условиях в апреле 1931 г. была предпринята попытка воссоздать популярный в дореволюционной России сатирический журнал «Сатирикон»¹. Ностальгия по прошлому, отсутствие изданий юмористического характера – «Бич» (Париж, 1920, № 1–11) и «Ухват» (Париж, 1926, № 1–6) просуществовали недолго – и наличие в парижской эмиграции значительного количества сатириков дореволюционной поры давали надежду, что новое издание продержится дольше предшественников.

Михаил Германович Корнфельд, первый издатель журнала, обосновавшись в 1920-м г. в Париже, вернулся к прежней деятельности [4, с. 210].

¹ «Сатирикон» выходил в Санкт-Петербурге с 1908 по 1914 г. Издателем журнала был М. Г. Корнфельд. Из-за конфликта издателя и ведущих сотрудников издания в 1913 г. был создан «Новый Сатирикон», просуществовавший до 1918 г.

Он выступил инициатором возобновления журнала и стал его редактором-издателем. По договоренности с ним внутриредакционные дела взял в свои руки бывший сотрудник «Нового Сатирикона» поэт-сатирик Дон-Аминадо [5, с. 701].

В журнале печатались Г. В. Адамович, А. В. Амфитеатров, В. А. Азов, И. А. Бунин, Н. Д. Городецкая, В. Горянский (псевдонимы Вальгор, Тощенко), М. Долинов, Дон-Аминадо (псевдонимы: К. Страшноватенко, Маргарин Пармский, Маркиан Малаев), Н. Н. Евреинов, М. Г. Мунштейн (псевдоним Лоло), И. В. Одоевцева, А. М. Ремизов, Саша Черный (псевдонимы: Сандро, Скрут). Многие художники приняли участие в оформлении издания. В их числе Ю. П. Анненков (псевдоним А. Шарый), А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, Б. В. Зворыкин, Ф. С. Рожанковский.

Среди авторов «Сатирикона» были представители старшего поколения, сделавшего себе имя еще в дореволюционной России, и молодежь, совершавшая первые шаги в литературе и искусстве. Они дополняли друг друга, отражая на страницах сатирического журнала свое восприятие эмигрантской жизни, к которой одни с трудом приспосабливались, а другие, наоборот, легко входили в ритм французской столицы.

Формат журнала, по задумке создателей, не отличался от дореволюционного прототипа. Оформление обложки, рисунки, карикатуры, тематические номера, популярные рубрики («Волчьи ягоды», «Перья из хвоста», «Почтовый ящик “Сатирикона”») и даже «старая» орфография с «ять» и «ер» были сохранены. Русские эмигранты психологически не принимали новой «большевистской» орфографии.

В издании нашлось место для нововведений, появились кроссворды (они назывались крестословицы), фотомонтаж и коллаж, которые дополнялись рисунками. Фотоколлажи выходили сначала под рубрикой «Базар житейской суеты». Его героями были артисты, писатели, государственные и политические деятели, чьи имена были на слуху. Вскоре рубрика сменила название на «Семь дней Сатирикона» и стала простой фотохроникой событий недели.

Материалы журнала были разнообразны; их объединял ряд очень важных черт: любовь к утраченной Родине, ностальгия по давно ушедшим временам, тоска по простым радостям и отчетливо выраженное неприятие советской России и ее руководства. На протяжении существования парижского «Сатирикона» повествование выстраивалось вокруг одной – ключевой – фигуры русского эмигранта и множества значительных, серьезных, веселых и грустных событий, которые он переживал со свойственной ему стойкостью, самоиронией или грустью.

На титуле первого номера можно увидеть на фоне масштабных построек – Эйфелевой башни, небоскребов, казино и отелей – маленького и тщедушного человечка [6, с. 1] (рис. 1). Все его богатство – несколько очень характерных вещей: небольшой саквояж, побывавший, судя по наклейкам

на нем, в разных городах и странах (Туле, Москве, Берлине, Париже); книги русских классиков (А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя); альбом Третьяковской галереи; чайник; самовар. Типичный образ человека, который, прежде чем попасть в Париж, пережил немало; все, что у него осталось, – это самовар, символ прошлой спокойной и сытой жизни, и его собственный интеллектуальный багаж. На фоне бьющей ключом жизни французской столицы – города «вечного праздника» (о чем свидетельствуют шикарный ролс-ройс, улыбающаяся танцовщица и надпись «Casino») – маленький потерянный человек пока еще не осознает свое новое скромное место на чужбине.

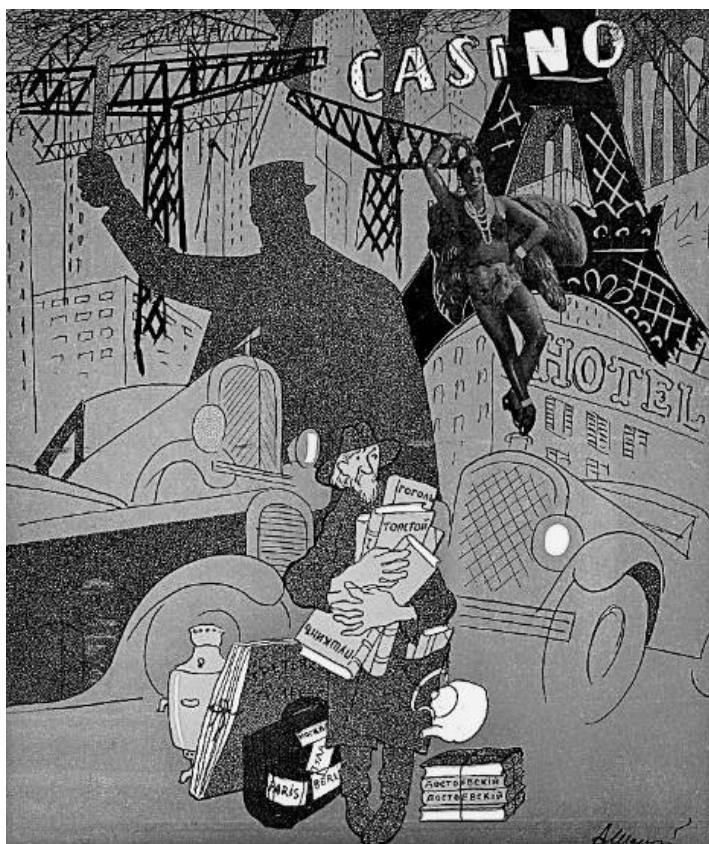

Рисунок 1. Оформление обложки журнала «Сатирикон» (4 апреля 1931, № 1).
Художник А. Шарый.

Возможно, именно так чувствовал себя А. И. Куприн, которого Париж встретил неприветливо: дешевой посредственной гостиницей и неприятным хозяином ресторанчика, с позором выставившего семью писателя из своего заведения [7, с. 119]. Жизнь в эмиграции складывалась тяжело – «неопределенный заработок, неумение предвидеть безденежную полосу

и распределить случайно полученные деньги от переводов» [7, с. 146], горькая тоска по родине.

Жена поэта и прозаика Саши Черного, М. И. Гликберг, вспоминала, что в первые месяцы парижской жизни им с мужем тоже приходилось довольно тяжело. Жили почти впроголодь; денег не было; спасали знакомые, приглашавшие к себе на обед, не подозревая, что у семьи серьезные материальные трудности [8, с. 244].

Надпись под рисунком, заимствованная из пьесы А. П. Чехова: «Мы отдохнем, дядя Ваня! Мы увидим небо в алмазах <...> Мы услышим пение ангелов над собою...» – отсылает нас к судьбам самоотверженных «маленьких» людей, с их страданиями и тяжким трудом, волей случая, оказавшихся на чужбине и пребывавших в призрачной надежде, что когда-нибудь, перенеся все несчастья, они смогут вернуться на родину и зажечь своей, пусть неприметной, но обычной жизнью.

Листая страницы журнала, можно увидеть рубрики: «К уразумению смысла русской революции», «К уразумению смысла русской эмиграции», «Города и годы». Они заполнены рисунками русских художников и четверостишьями, раскрывающими суть изображений.

Первая – «К уразумению смысла русской революции» – полностью выполнена художником А. Шарым². В ней он создал портретную галерею гротескных карикатурных образов политических деятелей советской России: А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, М. М. Литвинова, Д. Бедного, А. И. Микояна, М. И. Калинина, А. Г. Белобородова, П. Е. Дыбенко, Н. В. Крыленко, А. М. Коллонтай, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного. Художник со многими был знаком и еще в 1920-е гг., когда занимал должность профессора Академии художеств, создал свою серию выразительных (острохарактерных) портретов вождей пролетарской революции: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и других. В данной серии интересна выразительность набросков, острая и изломанная линия карандаша, создающая из разрозненных фрагментов единый образ.

В эмиграции, на страницах «Сатирикона», художник изобразил совсем иных героев, с их слабостями и недостатками. Трактовка образов изменилась, с героической и возвышенной она перешла в иную плоскость, оставив горечь разочарований и злой иронии. Изображения объемны, непропорциональны, акценты сделаны на выражении лица и глаз. Безусловно, лицо притягивает к себе внимание зрителя. Мелкие детали, разбросанные как бисер по всему полю переднего или заднего планов рисунка, становятся важным дополнением, позволяющим собрать воедино, как мозаику или пазл, образ персонажа.

² А. Шарый – псевдоним известного русского художника и графика Ю. П. Анненкова (1889–1974). До революции сотрудничал с журналом «Сатирикон». Известен своими портретами современников, деятелей культуры и политиков (А. Ахматовой, Е. И. Замятина, А. Н. Бенуа, В. В. Маяковского, Л. Д. Троцкого и А. В. Луначарского). В 1925 г. поселился в Париже, занимался иллюстрацией, живописью, дизайном.

«Вдовствующая» Н. К. Крупская, занимавшая в СССР не последнее место по борьбе с детской беспризорностью, ратовавшая за пролетарское юношеское движение и систему дошкольного образования, представлена женщиной, смотрящей на зрителя совершенно пустыми глазами, с кривой улыбкой на лице, зажавшей в своих смертельных объятиях уже почти задохнувшихся беспризорников. Ниже подпись: «Комментарии излишни» [9, с. 5] (рис. 2). Возможно, такой негативный портрет появился из-за методов, которые применялись советскими властями по ликвидации уличной беспризорности и подчас напоминали боевые операции с четко спланированными действиями и тщательной подготовкой.

Рисунок 2. Карикатура на Н. К. Крупскую в журнале «Сатирикон» (9 мая 1931, № 6). Художник А. Шарый.

Одним из «столпов советского режима», удостоившимся изображения на страницах журнала, стала Александра Коллонтай, первая в истории женщина-посол, феминистка, сторонница свободной любви. Художник изобразил полуголую разухабистую мадам в модной шляпке, едва прикрытую горностаевой шубой (рис. 3). Под рисунком эпиграмма:

«Опора флота, и посол,
И автор книг «Любовь у пчел» [10, с. 5].

Рисунок 3. Карикатура на А. М. Коллонтай в журнале «Сатирикон» (15 августа 1931, № 20). Художник А. Шарый.

С одной стороны, в четверостишие присутствует намек на брак Александры Михайловны с матросом П. Е. Дыбенко, с другой – на книгу «Любовь пчел трудовых», выпущенную в 1924 г., о раскрепощенных женщинах, не желающих связывать себя узами брака. Тандем художника и поэта (Дон-Аминадо) создают вульгарный образ представительницы дворянского рода, ставшей одной из самых узнаваемых фигур советской номенклатуры.

Портрет матроса Дыбенко, «красы и гордости» русского флота [11, с. 5], «первом любовнике коммунистической революции»³ (перевод с французского. – А. М.), также присутствует на страницах издания. Дыбенко прославился не только своими дебошами и пьянством, но и тем, что был одним из руководителей подавления Кронштадтского мятежа и крестьянского

³ Жен-Премьер (фр. jeune premiere) – драматический артист, исполняющий роль первого любовника.

восстания в Тамбовской губернии. Вместе с А. М. Коллонтай они заключили первый официальный гражданский брак в послереволюционной России. По слухам, оба отличались крайней половой распущенностью, что нашло отражение в карикатуре (рис. 4): гордый моложавый матрос изображен на фоне фотографий обнаженных девиц и вождя пролетариата – В. И. Ленина. Разнузданная вакханалия происходит на глазах главного идеолога советского государства.

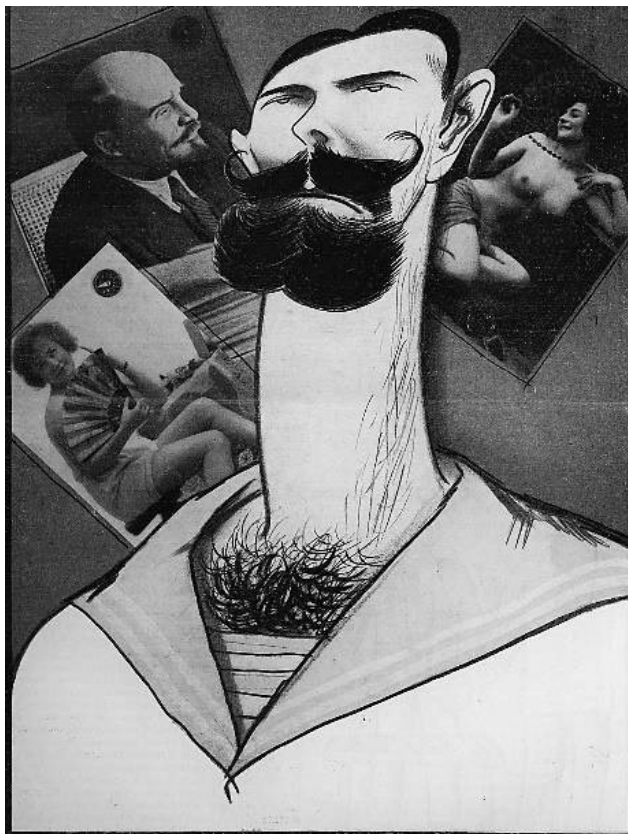

Рисунок 4. Карикатура на П. Е. Дыбенко в журнале «Сатирикон» (27 июня 1931, № 13). Художник А. Шарый.

Следующий герой портретной галереи – Н. В. Крыленко, «прокурор республики» [12, с. 4] (рис. 5) – в 1918–1922 гг. был председателем Верховного трибунала при ВЦИК, а затем – прокурором СССР. Он выступал обвинителем на главных политических процессах («Шахтинское дело» 1928 г.; дело «Промпартии» 1930 г. и другие). Старый большевик, один из тех, кто оправдывал репрессии во имя построения светлого социалистического будущего, к 1930-м гг. он обречен на мучительную смерть многих людей. Его авторитет и влияние на правовую политику молодого советского государства было значительным. Возможно, поэтому художник изобразил мощ-

ную по пояс фигуру, занимающую практически весь передний план, сделав акцент на его лице с совершенно безумными злобными глазами. Чтобы дополнить масштабность «преступлений» прокурора, художник нарисовал за спиной Н. В. Крыленко «величественные» здания морга и крематория.

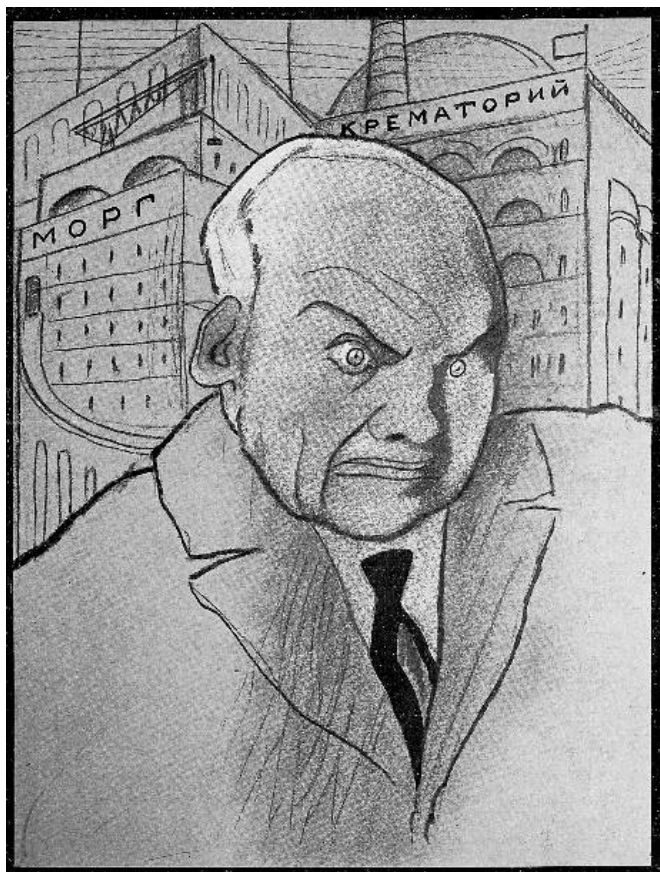

Рисунок 5. Карикатура на Н. В. Крыленко в журнале «Сатирикон» (4 июля 1931, № 14). Художник А. Шарый.

Из общего ряда партийных лидеров выбивается фигура бывшего председателя Уральского областного совета А. Г. Белобородова, простого рабочего, сделавшего себе имя и карьеру в связи с участием в убийстве царской семьи. Дослужившись до поста наркома внутренних дел РСФСР, после начавшейся внутрипартийной борьбы, поддержав Троцкого, он лишился своих должностей и партийных регалий и был выслан в Архангельск. В 1930 г., после того как он покаялся в своих ошибках, был возвращен из ссылки и восстановлен в партии. Следователь Н. А. Соколов при расследовании убийства царя отметил, что А. Г. Белобородов «распропагандированный рабочий, невежественный, он был порождением уральской глуши <...> его <...> никогда бы не увидели за ее пределами, <...> если бы не убийство царской

семьи» [13, с. 173]. Художник явно знал об этой характеристике большевика, изобразив его моложавым намаженным франтом с гвоздикой в петлице, с сигарой и розой в руках. Перед зрителем предстает совершенно пустой человек, не отягощенный интеллектом, уделяющий больше внимание внешности, а не переживаниям. Фон изображения практически пуст, на стене только полка с туалетными принадлежностями да портрет Николая II, намекающий, что, если бы не убийство русского царя, имени франта никто бы и не знал [14, с. 4] (рис. 6).

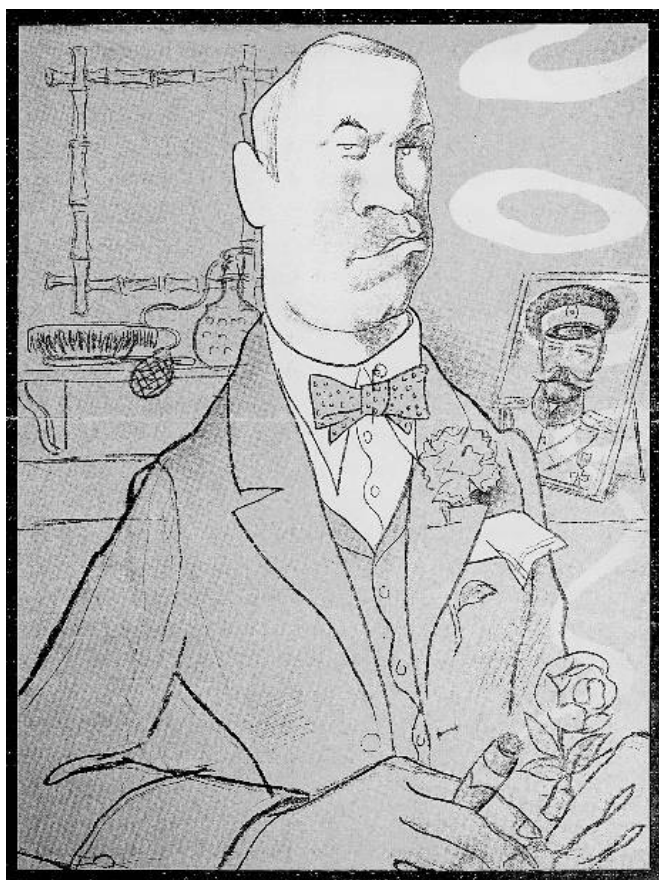

Рисунок 6. Карикатура на А. Г. Белобородова в журнале «Сатирикон» (20 июня 1931, № 12). Художник А. Шарый.

Для тех, кто «стремится понять значение коммунистической революции», художник создает колоритный образ Демьяна Бедного [15, с. 5] (рис. 7), советского поэта, в 1920-е гг. олицетворявшего собой большевистский режим и немало сделавшего для пропаганды нового строя. Его стихи, незамысловатые и легко запоминающиеся, высмеивали старые порядки, врагов партии, оперативно отвечали на международные события и пу-

бликации русских эмигрантов. Д. Бедному было разрешено выписывать из-за границы такие эмигрантские издания, как «Руль», «Последние новости», «Дни», «Возрождение». На момент появления его портрета в рубрике «К уразумению смысла русской революции» он был обласкан властью, поддержав во внутрипартийной борьбе И. В. Сталина, став его любимцем. Именно в роли баловня судьбы, полного уверенности в незыблемости своего положения, художник и изобразил поэта. Перед зрителем предстает мощная, несокрушимая, как скала, фигура самодовольного «классика пролетарской поэзии», с сигаретой в руках, стряхивающего пепел в пепельницу-бюст великого русского поэта Н. А. Некрасова. Так, художник А. Шарый продемонстрировал, насколько легко советская власть отронила все старое, в данном случае – богатое литературное прошлое, как ненужный хлам, и создала свой русский язык, наполненный новыми словечками, казенными фразами и штампами.

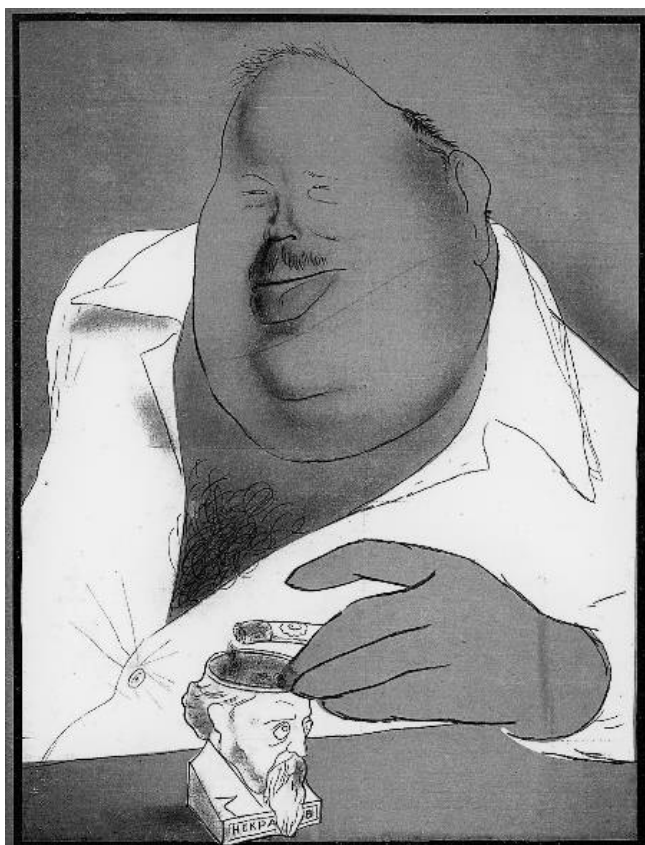

Рисунок 7. Карикатура на Д. Бедного в журнале «Сатирикон» (23 мая 1931, № 8). Художник А. Шарый.

Принципиальным становится не степень дарования, а партийная принадлежность. В отличие от большевиков для русской эмиграции, вобравшей в себя элиту творческой интеллигенции, важно было сохранить чистоту и уникальность литературного языка. Потому подчеркнутая простота и легковесность стихов Д. Бедного вызывала неприятие со стороны его оппонентов. Стихотворение Дон Аминадо тому подтверждение:

*«Двадцать лет писать поэмки,
Гнать стишки на километр <...>
Это даже для ребенка
Очевидно, что вы maître!
– Я не скучный слов точильщик.
Вы сказали, – я другой!
Я простой продольный пильщик,
Я работаю пилой!
И, рубанок взяв упрямый,
Страшный вытятив кадык,
Вы стругали этот самый
Сплошь тургеневский язык.
И за это вас прославит
Хилый должен будет век.
С чем позвольте вас поздравить.
Гражданин и дровосек [15].*

Чуть позже на страницах журнала появилась рубрика «К уразумению смысла русской эмиграции», где с грустной иронией был показан быт эмигрантов. Каждый по-своему приспособлялся к жизни, цепляясь за прошлое как за спасательный круг, не желая принять неизбежность перемен.

Так, например, Илья Ильич Обломов, лежа на кушетке, рыдая, предается воспоминаниям. Он не желает расстаться с атрибутами прежней жизни: В их числе журналы: «Столица и усадьба» (выходил в 1913–1917 гг. и был посвящен светской жизни стоиц, спорту, охоте и жизни русской усадьбы в ее прошлом и настоящем), «Старые годы» (1907–1916 гг., ежемесячник для любителей искусства и старины со старой орфографией [16, с. 5] (рис. 8). Имя главного героя указано не зря. Художник А. Шарый создал образ типичного интеллигента-эмигранта, верного традициям дореволюционной России, стремящегося «законсервировать» привычное и размеренное существование в ином – динамичном – мире. Будущее ему видится сквозь призму прошлого – таким же, как былое.

Рисунок 8. Илья Ильич Обломов. Опубликовано в журнале «Сатирикон» (25 июля 1931, № 17). Художник А. Шарый.

В том же духе ведут себя «неисправимые». Художник изобразил их в одном из рисунков рубрики плывущими по реке Сене в лодке под названием «Чайка» с самоваром на корме. Проплывая мимо Нотр-Дама и Эйфелевой башни, компания распевает песню «Вниз по ма-а-а-тушке, по Во-о-о-лге...» [17, с. 5] (рис. 9).

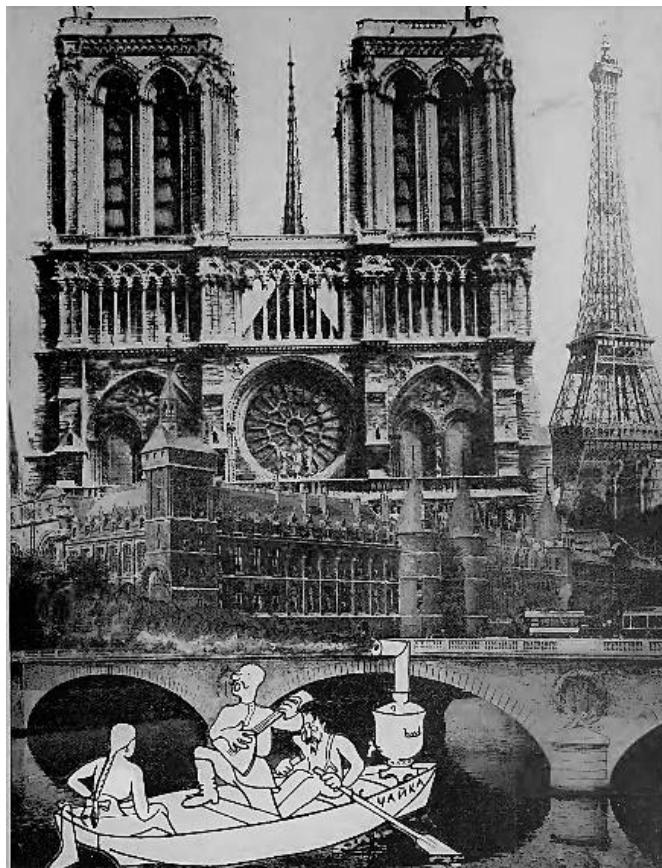

Рисунок 9. Неисправимые. Опубликовано в журнале «Сатирикон» (1 августа 1931, № 18). Художник А. Шарый

Упорное стремление сохранить привычную жизнь вело эмигрантов к потере реального мироощущения, к иллюзии, что все вернется на круги своя и что там, в далекой России, их, эмигрантов, еще помнят и ждут. Так, в следующем сюжете А. Шарого «неизлечимые» оптимисты-дворяне, сидя за столом и отобедав, чем бог послал, рассуждают на тему о том, что если русского мужика разбудить и спросить, что ему снилось, тот, не задумываясь, ответит: «Союз русских дворян в Париже» [18, с. 5] (рис. 10). Изгнанники, живя своим узким кругом, пребывали в полной уверенности, что о них не забыли.

Рисунок 10. Неизлечимые. Опубликовано в журнале «Сатирикон» (22 августа 1931, № 21). Художник А. Шарый.

Показательно стихотворение К. Страшноватенко (псевдоним Дон-Аминадо) под названием «Программа ном. 4711», иронично отражающее воображаемую встречу с родиной представителей русской эмиграции. Приведем небольшой фрагмент:

«<...>Мы летим на всех парах,
Из Парижа – в Петроград.
Из вагона – на парад.
Нетерпения полна,
Нас встречает вся страна.
Хлеб и соль нам подает,
Слова ласкового ждет,
Мы то слово говорим <...>
Пушек громы. Плошек дым.
Фейерверки. Блеск. Балы.
А на вывесках орлы <...>» [19, с. 2].

Между тем в советской России происходили серьезные изменения. Индустриализация, несмотря на сложности, способствовала экономическому подъему в стране, а, значит, надежды русской эмиграции на реставрацию старого режима таяли, как дым. Постепенно к эмигрантам приходит понимание, что их дети, легко впитывающие иные ценности и язык, уже парижане. Так, на рисунке «Отцы и дети» в кругу родных изображено прагматичное обсуждение на тему обучения своего чада французскому языку. Замкнутая жизнь диаспоры заставляет обратиться за помощью давать уроки французского не к носителю языка, а к русской эмигрантке Марии Ивановне: «Она очень недурно говорит по-французски» [20, с. 9] (рис. 11).

Рисунок 11. Отцы и дети. Опубликовано в журнале «Сатирикон» (12 сентября 1931, № 24). Художник А. Шарый.

Вообще проблема «отцов и детей» в русской диаспоре со временем приобретает особый характер. Дети выросли, адаптировались и неизбежно отходили от устоев прежней жизни. Интеграция во французскую среду проходила для них более безболезненно, чем у родителей. Как следствие, дети шли в ином направлении по жизни, чем их отцы и матери, воспитан-

ные в русских семейных традициях, с определенными понятиями о чести и морали. К одному из обыденных рисунков Шварца «Наша смена», где изображена пара молодых людей, слушающих музыку, дано характерное четверостишие:

*«Ни аллеи. Ни липы. Никакой скамьи.
Никакой пасторали. Ни драмы.
Отрицание брака. Отрицание семьи.
Отрицание мамы и папы [21, с. 12].*

На первый взгляд – еще одна из зарисовок эмигрантского быта на страницах сатирического журнала. Но проблема взаимоотношений поколений в «Сатириконе» – одна из важнейших. В ряде номеров опубликованы характерные рассказы А. Черного «Буба» [22, с. 5–6] и Ф. Богрова «Счастье» [23, с. 8–11] на тему разных интересов стариков и молодежи и стремление последней влиться в обыденную жизнь французов.

Ф. Бодров на страницах журнала рассказывает о хозяине продуктовой лавки, бывшем чиновнике Министерства финансов, Степане Андреевиче. Для него счастье – свое дело, торговля, набирающая обороты; и каждый русский эмигрант, ностальгируя по настоящей русской еде, способен найти то, что ему по вкусу: кулебяку, соленые огурчики, чайную колбасу, пирожки с мясом и рисом, котлеты пожарские с горошком, борщ и прочее. В лавке царит дух русской кухни, дружеское расположение и полное понимание психологии покупателя.

Задумано было сие предприятие сначала, чтобы прокормить семью, затем, чтобы оставить его в наследство единственной дочери, умнице и красавице. Только одно печалит хозяина лавки – дочь живет другими интересами, в лавке никогда не бывает, к жизни относится «как-то в другую сторону, в другую среду». Она живет «французскими интересами», и даже заставить ее прочитать книгу из русской классики, например Л. Н. Толстого «Анну Каренину», нет, по словам отца, никакой возможности [23, с. 10]. Степан Андреевич гордится своим делом, не подозревая, что сейчас откроется дверь, вбежит дочь Наташа и все изменится. Новость, что она выходит замуж и едет в Алжир рушит все планы на будущее, так как родители должны продать лавку и ехать вместе с молодоженами. И вот «лавки в сущности уже нет, в сущности она с этой минуты уже кончена, погибла...» [23, с. 11]. Вновь русский эмигрант, скиталец, только обосновавшийся на новом месте и начавший свое дело, вынужден, собрав пожитки, на старости лет двигаться дальше, привыкать к новым странам, обстоятельствам, людям.

Рассказ А. Черного ведется от имени господина Глушкова, который с грустью рассказывает о трансформации любимой племянницы Любаши в девушку с именем Буба Птифру – современный продукт модной индустрии, – разменявшую «русское золото на конфетную бумажку» [22, с. 5]. Для нее истинные ценности уже не имеют того значения, которое в них

вкладывал дядя. Духовность и образование отходят на второй план. На смену «Записок охотника» И. С. Тургенева пришли парижские журналчики о кинематографе и мировых знаменитостях; «Соборяне» Н. С. Лескова – уже «археология», а пушкинская Татьяна – не та героиня, на которую стоит равняться. Французский язык для девушки практически родной; развлечения, новые знакомства выходят на первый план; разрыв поколений увеличивается; покупка фермы, о которой семья Глушковых мечтала, уже неактуальна. Выращивание цветов, дойка коров для Бубы – унижительное занятие, недостойное человека, делающего карьеру в балете. Балет и танцы рассматриваются как будущая профессия: «теперь все девочки через балет в мировую карьеру выходят» [22]. Почетное звание королевы пензенского землячества и фотография в «паршивом» журналчике вскружили девушке голову. Беззаботность, свойственная молодежи, стремление жить сегодняшним днем, по мнению дяди, может привести к краху: молодость и красота проходят; появляются новые «звезды» и нужно иметь более серьезное занятие.

История полна иронии, но в ней, если знать о дружбе и тесном общении Саши Черного с А. И. Куприным, можно увидеть прототипы старого писателя и его дочери Ксении. Киса (ее творческий псевдоним), выучив французский язык, быстро освоилась, сделала карьеру как манекенщица дома Поля Пуаре и киноактриса. Ее жизнь была довольно легкомысленной и сильно отличалась от сосуществования родителей в скромной квартирке, в «самом отвратительном» 15-м районе Парижа. Те еле сводили концы с концами, и, судя по всему, она их стеснялась. Как и племянница Глушкова, Киса изучала танцы, в 17 лет приняла участие в конкурсе «Мисс Россия», организованного журналом «Иллюстрированная Россия» [7, с. 160], но проиграла другой участнице. В ее отношении к родителям проявлялся молодой эгоизм, снисходительность и превосходство, на что и обратил внимание наблюдательный С. Черный. Подобное отношение молодого поколения эмиграции к старшим было распространено.

Подводя итоги, следует отметить, что на страницах «Сатирикона», как в зеркале, отразилась жизнь русских в изгнании. С одной стороны, в журнале прослеживается тоска по родине и ненависть к большевикам, нежелание брать в расчет изменившиеся обстоятельства и стремление вести себя на чужбине по-русски. С другой стороны, очевидно постепенное осознание невозможности возвращения в Россию и попытки приспособиться и прижиться в чужой стране. Даровитые писатели, поэты, художники «Сатирикона» пытались создать атмосферу уюта, зону комфорта, где есть возможность посмеяться над тяготами эмигрантского быта, политическими противниками, порадоваться простым вещам и жизни, несмотря ни на что.

К сожалению, журнал не просуществовал и года. Вышло в свет 28 номеров. Сказалась нехватка средств, имелись трудности; как отмечал Дон Аминадо, «на долю «Сатирикона», третьего по счету, выпал большой и заслу-

женный успех» [5, с. 702]. Его авторы внесли значительный вклад в развитие культуры русского зарубежья, стараясь, в силу возможностей, поддержать соотечественников в годы испытаний и вселить в них дух жизнелюбия.

Ссылки

1. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 2, ч. 1. М., 1996; Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 1997. 320 с.
2. Кудрявцев В. Б. Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. 936 с.
3. Коровин В. И. «Наиболее даровитый поэт» эмиграции // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1994. С. 3–38.
4. Иванов А. Парижский «Сатирикон» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 4: 1939–1960 / сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. С. 208–219.
5. Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: ТЕРРА, 1994. 768 с.
6. Обложка // Сатирикон. 1931. 4 апр., № 1.
7. Куприна К. А. Куприн – мой отец. М.: Советская Россия, 1971. 256 с.
8. Мемуары М. И. Гликберг // Российский литературоведческий журнал. 1993. № 2. С. 237–239.
9. «Вдовствующая» // Сатирикон. 1931. 9 мая, № 6.
10. Александра Коллонтай // Сатирикон. 1931. 15 авг., № 20.
11. «Краса и гордость» // Сатирикон. 1931. 27 июня, № 13.
12. Крыленко // Сатирикон. 1931. 4 июля, № 14.
13. Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М.: Сирин; Советский писатель, 1990. 365 с.
14. Товарищ Белобородов // Сатирикон. 1931. 20 июня, № 12.
15. Демьян Бедный // Сатирикон. 1931. 23 мая, № 8.
16. Илья Ильич Обломов // Сатирикон. 1931. 25 июля, № 17.
17. Неисправимые // Сатирикон. 1931. 1 авг., № 18.
18. Неизлечимые // Сатирикон. 1931. 22 авг., № 21.
19. Страшноватенко К. Программа ном. 4711 // Сатирикон. 1931. 3 окт., № 27. С. 2.
20. Отцы и дети // Сатирикон. 1931. 12 сент., № 24.
21. Наша смена // Сатирикон. 1931. 11 апр., № 2.
22. Черный А. Буба // Сатирикон. 1931. 18 апр., № 3. С. 5–6.
23. Богров Ф. Счастье // Сатирикон. 1931. 5 сент., № 23. С. 8–11.

Byzantine Society as Described by the Chroniclers of the Fourth Crusade: A Statistical Analysis

D. L. Frolov¹

¹Vladimir State University, 87 Gorky str., Vladimir, 600000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-426-435

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the characteristics given to the Byzantine society by the chroniclers of the fourth crusade. Based on a statistical analysis of the works of Geoffroi de Villehardouin, Robert de Clari and Henri de Valenciennes, the author comes to the conclusion that the Frankish knights considered the social structure of Byzantium almost identical to their own. They showed the greatest interest in their “brothers” – the higher and lower strata of local nobility, which was subsequently integrated into the system of vassal-fief relations. This fact is confirmed by the use of specific western terms (“senior”, “lady”, “chevalier”, “sir”) in relation to representatives of the Greek aristocracy, as well as by naming agreements with some archon communities of the former western Byzantine provinces as “fealte”. The feudal lords also paid close attention to the indigenous military troops, less to the masses of townspeople and almost completely ignored the existence of the ordinary (more or less dependent) rural population. At the same time, fears were widespread among the conquerors towards all Greek people, who were often considered traitors. This bias could be due to the negative experience of the relationship between the crusaders and the Constantinople authorities in the 12th century, the Europeans’ misunderstanding of the another culture features, as well as the propaganda of the Catholic clergy, who sought to expose the Byzantines as schismatics or heretics.

Keywords: fourth crusade; frankokratia; Geoffroi de Villehardouin; Robert de Clari; Henri de Valenciennes

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Frolov, Denis L. | E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com
| Postgraduate

Характеристика ромейского общества франкскими хронистами IV крестового похода: статистический анализ терминологии

Д. Л. Фролов¹

¹Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, ул. Горького, 87, Владимир, 600000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-426-435
УДК 94(495).04

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена изучению характеристики византийского общества хронистами IV крестового похода. На основании статистического анализа терминологии произведений Жоффруа де Виллардуэна, Робера де Клари и Анри де Валансьена автор приходит к выводу, что «франкские» рыцари считали социальное устройство Византии практически идентичным своему собственному. Наибольший интерес они проявляли к своим «собратьям» – местной знати, которая впоследствии была интегрирована в систему вассально-ленных отношений. Пристальное внимание феодалы уделяли ромейским военным отрядам, меньшее – горожанам и практически полностью игнорировали существование низших слоев сельского населения. Вместе с тем в среде завоевателей были широко распространены опасения по отношению ко всем «грекам», часто считавшимся предателями. Данная предвзятость могла быть обусловлена негативным опытом взаимоотношений крестоносцев и константинопольских властей в XII в., непониманием европейцами особенностей другой культуры, а также пропагандой католического духовенства, стремившегося выставить ромеев в качестве схизматиков или еретиков.

Ключевые слова: IV крестовый поход; франкократия; Жоффруа де Виллардуэн; Робер де Клари; Анри де Валансьен

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов, Денис Леонидович | E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com
Аспирант

Первые широкие контакты западных европейцев с византийцами произошли в рамках крестовых походов XI–XII вв. В данный период связи между ромеями и латинянами поддерживались за счет паломнического движения, межгосударственной дипломатии, а на территории Святой Земли – непосредственного совместного проживания православных «греков» и католиков.

Среди некоторых представителей крестоносных воинств II–III крестовых походов пользовалась популярностью позиция, суть которой сводилась

© Фролов Д. Л., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

к вероломности «греков». К такому выводу на основании анализа некоторых фрагментов «De profectone...» Одо Дейльского пришли С. И. Лучицкая и Ж. Ле Гофф [1, с. 112; 2, с. 170–171]. До Одо крайне негативно к части византийского общества относился Лиутпранд Кремонский. Особенно сильную ненависть посол испытывал к местному духовенству («In omni Græcia, veritatem dico, non mentior, non reperi hospitales episcopos»¹ [3, р. 935]. Даже весьма объективный в своих описаниях Гийом Тирский писал о злобном характере «греков» («Nostris autem in simplicitate spiritus et sincera fide incedentibus, vix persuaderi poterat Graecorum malitia»² [4, Lib. II, Cap. XIX].

Несомненно, что подобные предубеждения европейцев могут считаться одним из мотивов нападения крестоносцев на Константинополь в 1204 г., являвшегося, по мнению некоторых исследователей, преступлением коллективного Запада перед Византией, прекрасным примером лицемерия латинян, прикрывавшихся благородными целями и жаждавшими лишь наживы [5, с. 3–4; 6, с. 123]. Отчасти мы действительно полагаем, что предвзятость католиков к православным сыграла не последнюю роль в уничтожении ромейского государства, но обратим внимание на тот факт, что указанные нами негативные сентенции принадлежали западному священству, часто транслировавшему более радикальную идеологию, нежели официальный Святой Престол³ [7, р. 34–39; 8, с. 92].

Деятельность светских правителей на территории латинских государств Востока свидетельствовала о гораздо более прагматичном подходе франков к ромеям, вызванном политическими нуждами государей. Последние, в частности, благоволили православным монастырям, одобряли совместные религиозные процессии, пытались наладить взаимодействие различных христианских общин, использовали византийскую иконографию на своих монетах, а в исключительных случаях даже восстанавливали православных патриархов в правах [9; 10, р. 453–454; 11, р. 458–462; 12; 13; 14, с. 77].

Однако можно ли объяснить такое поведение высших западных феодалов еще и их всецело лояльным отношением к восточным христианам? Ведь на территориях Святой Земли ромеи и армяне не являлись абсолютным большинством населения, а также представляли в качестве «естественных» союзников крестоносцев в их борьбе против мусульманского мира. В Балканских государствах латинян ситуация была иной. В данной местности уже само «греческое» общество стало для франков чужеродной средой, а также фактически их единственной внутривизантийской проблемой. Именно эти обстоятельства должны были проявить истинное отношение европейских рыцарей не только к византийцам в целом, но и к отдельно взятым группам внутри местного населения.

¹ «Истину говорю, не лгу: во всей Греции не сыскать гостеприимных епископов».

² «Наших же, простодушных и чистых верой, трудно было убедить в злобе греков».

³ До падения Константинополя Иннокентий III, например, рассматривал план перехода византийской церкви под власть Рима с сохранением действовавших тогда светских властей.

Обширный материал по данной проблеме представлен уже в трех хронологически первых хрониках периода «франкократии» на Балканах: «Завоеваниях» северофранцузских рыцарей Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари, а также «Истории императора Генриха», составленной ближайшим чиновником Генриха Фландрского Анри де Валансьеном [15–17; 18, р. 1134; 19, р. 12–13]. Тем более примечательно, что к настоящему времени так и не было проведено статистическое исследование их текстов по поставленной проблеме. Исследователями рассматривались лишь отдельные фрагменты старофранцузских произведений, посвященные «грекам». Например, Ж. Ле Гофф обращал внимание на антиправославные проповеди католического клира под стенами Константинополя, Ф. Ван Трихт – на процедуру принятия латинского подданства ромеями, Л. Косталас – на впечатления Робера де Клари константинопольскими реалиями, а Д. Квеллер и Т. Мэдден – на общий ход военных действий с византийцами [2, с. 132; 20, р. 83; 21, р. 701–704; 22].

Несомненно, что указанные работы в определенной степени дают информацию об отношении светской части европейцев к «грекам» в ранний период существования франкских государств в Эгейском бассейне. Однако они основаны на анализе единичных сюжетов, тогда как различные старофранцузские термины, использовавшиеся для обозначения ромеев, в текстах трех указанных нами хроник встречаются 208 раз (см. табл. 1)].

Таблица 1

Термин «грек/греки» в текстах франкских хронистов⁴

Автор	Термин
1. Робер де Клари	Grieu/Griu/Grius/Grijois
2. Жоффруа де Виллардуэн	Grius/Grieu/Grifon/Grex/Greu/Gre
3. Анри де Валансьен	Grifons, Grifon, Gris

Данные понятия употреблялись преимущественно для описания местной знати (58 раз), горожан (без указания принадлежности к конкретному социальному слою) (28 раз), византийских военных формирований (98 раз), а также «греков» как этноса в целом (24 раза). Единожды Анри де Валансьеном были упомянуты некие «purs Grifons» («простые греки»), находившиеся в расположении войска Генриха Фландрского, а также «вилланы», метавшие камни в отряды указанного императора («Et si avoit vilains ki a nostre gens jetoient de pieres en grans fondens») [17, § 677].

Уже на основании общих подсчетов мы можем констатировать, что наибольший интерес для завоевателей представляли войска оппонентов, за ними – ромейская аристократия и в гораздо меньшей степени – горожане

⁴ Составлено по: Geoffroi de Villehardouin *La Conquête De Constantinople*; Robert de Clari *Conquête de Constantinople*; Henri de Valenciennes: *Histoire de L'Empereur Henri de Constantinople* [15–17].

и византийский этнос. При этом «вилланы» или «простолюдины» их не интересовали вовсе (в обоих случаях Валансьен упоминал их в составе основных или вспомогательных военных отрядов). Данные, представленные в диаграмме (рис. 1), прекрасно иллюстрируют, что такое «распределение внимания» было присуще всем упомянутым нами хронистам. Однако представляется целесообразным провести детальный анализ того, как франкские авторы характеризовали каждую из трех социальных групп по отдельности и ромеев в целом.

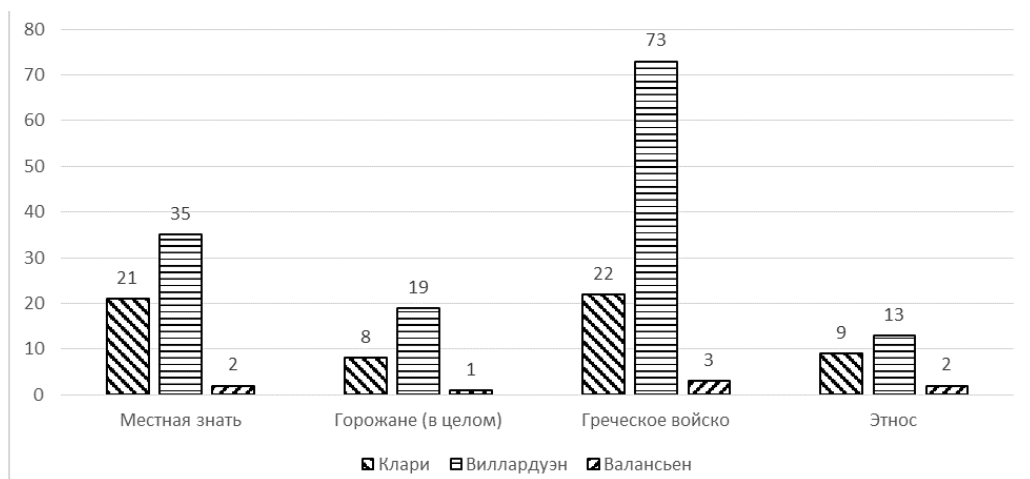

Рис. 1. Контекст употребления различных вариантов термина «греки» у франкских хронистов⁵

1. Местная знать

Попавшие на европейские территории Византии крестоносцы неизбежно должны были столкнуться с двумя группами местной знати: высшей аристократией и архонтами – людьми более низкого происхождения, тем не менее обладавшими существенным влиянием на местах [23, р. 237–238]. Хронисты времен IV крестового похода и становления Латинской империи в отличие от, например, автора старофранцузского списка «Морейской хроники» заставили существенное число представителей как первой, так и второй из указанных категорий⁶.

В произведениях Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари мы встречаемся с четырьмя видами упоминаний местной аристократии, которые условно можно именовать «нейтральными», «негативными», «позитивными» и «статусными». Нам наиболее интересны 2–4 категории. 2–3 представляют

⁵ Составлено по: Geoffroi de Villehardouin *La Conquête De Constantinople*; Robert de Clari *Conquête de Constantinople*; Henri de Valenciennes: *Histoire de L'Empereur Henri de Constantinople* [15–17].

⁶ К 1207 г. практически вся «аристократическая верхушка» Византии мигрировала в Никею или Эпир. Исключением был, например, Феодор Врана, получивший под свое автономное управление Адрианополь (см.: [24]).

собой антонимическую пару. В тексте шампанца отрицательное отношение к благородным «грекам» проявляется в использовании по отношению к ним терминов, связанных с трусостью, предательством и ненадежностью, у пикардийца – только с трусостью и предательством (напр. «*traitre*») [15, XVIII, XLVI, LXXIV; 16, XVIII, XLIII, LXI, LXVI]. С положительным описанием византийского архонта мы встречаемся только один раз в рассказе Жоффруа о союзе его племянника с одним из «сиров» («*sire*») Греции. В целом различные формы понятия «грек» в связи с негативными характеристиками знатных ромеев употребляются двумя крестоносцами 30 раз, а позитивными – всего 5.

Взгляды франков были неоднозначны: они четко отделяли низкие моральные качества местной аристократии от ее социального статуса по праву рождения. В одном из фрагментов произведения Робера де Кларии мы встречаем изложение легенды о стоворе Мануила Комнина с западными феодалами, целью которого являлась проверка мужества «греческих» придворных путем постановочного нападения рыцарей на них. Такую проверку бежавшие и покинувшие правителя ромеи не прошли. Несомненно, что в глазах пикардийца данное поведение являлось примером трусости и слабой военной подготовки столь влиятельных византийцев, но примечательно другое: франк не отказывал им в благородном происхождении, как минимум равном собственному. Так, в рассматриваемом рассказе Мануил, обращаясь к своим ближайшим слугам, произносит слово «сеньоры» («*seigneur*»). Идентично правитель именуется и самих европейцев [16, XVIII].

В свою очередь, Жоффруа де Виллардуэн порицал Алексея Дуку Мурзуфла за совершение «ужасного предательства» («*orrible traison*»), на которое до того не решался ни один человек («*nule gent*»). В том же фрагменте шампанцем приводится информация о наличии у Мурзуфла сторонников и тайном характере заговора («...*si pristrent conseil priveement por lor seignor trair*»), и здесь, как и в описании Робера де Кларии, высшая византийская знать выступает в качестве вассалов, служащих своему сеньору («*seignor*») (в данном случае – Алексею IV Ангелу) [15, XLVIII]. Равенство происхождения «греческой» и европейской аристократий маршал Романи подчеркивал своим отношением к благородным византийским дамам («*les dames de Constantinoble*»), всадникам («*chevaliers de Grius*») и архонтам Греции («*sire*») [15, XXVIII, XLV, LXXII]. Вне феодального сословия не мыслил благородных «греков» и «продолжатель» шампанца – Анри де Валансьен, писавший о смене некими архонтами своего сеньора («*segneur*») с мятежных ломбардцев на франков [17, §663].

Существование указанных взглядов рыцарей на ромейскую аристократию подтверждается и тем, что в рассказе о переходе *ἄρχοντες* городов Северной Греции под власть франков Виллардуэн использовал понятие «*fealte*», подразумевавшее установление «классических» сеньориально-вассальных связей. Этот термин был употреблен автором «Завоевания» в нескольких сю-

жетах о клятвах, принесенных Балдуину Фландрскому адрианопольцами, высокородными жителями Кавалы, Серре и некой крепости Бланш (Blanche) [15, LIX, LXII].

В целом проведенный нами анализ подтверждает высокую заинтересованность завоевателей в деятельности местных аристократов, а также слова Д. Якоби о том, что западные феодалы считали благородных ромеев своими «двойниками» («counterparts»), которых следовало интегрировать в вассально-ленную структуру⁷ [25, p. 899].

2. Греческое войско

Наиболее часто хронисты упоминали «греческие» войска, что объясняется постоянными боевыми действиями в период становления Латинской империи. Если Анри де Валансьен в большинстве случаев описывает участие союзных ромейских отрядов в походах Генриха Фландрского, то Жоффруа де Виллардуэн и Робер де Клари постоянно характеризуют византийцев в качестве противников [17, § 543, 549]. Лишь в пяти сюжетах их хроник «греки» предстают победителями или же достойными воинами [15, XXVI, LI, XCIV, CX; 16, LXXI] (один раз – как союзники латинян). В остальных случаях местные боевые формирования изображаются склонными к бегству, нерешительными и неспособными на равных воевать с франками [15, XXXI, XXXIV, XXXVII, LIII, LIV, LXXI, LXXIII, LXXV, LXXXIX, CIX; 16, XLIX, LXV, LXIV, LXXVI, LXXIX, LXXX] [табл. 2].

Таблица 2

«Греки» как воины в хрониках Клари и Виллардуэна⁸

Характеристика «греков» в качестве противников	Количество упоминаний
Победители или положительная характеристика	11
Побежденные или отрицательная характеристика	45

20 упоминаний этнонима «грек» связаны с разгромом ромеев, обладавших подавляющим большинством. Если описание битвы при Кундурсе Виллардуэном является просто неоднозначным, то рассказы де Клари в некотором отношении представляются легендарными⁹ [15, LXXIII]. Так, Генрих Фландрский с 30 рыцарями и «множеством» конных сержантов сумел обратить в бегство 4000 византийских всадников под руководством василевса («Quant Morchofles le seut, si fist monter bien dusques a .iiij.m. hommes a armes»), некоторые рыцари в одиночку отбивали несколько уровней башен, а брат Робера (бывший клириком) разгонял ножом толпы византийцев [16, LXV, LXXIV, LXXVII]. В результате, как и в случае с местной аристократией, проявлялось стремление хронистов максимально «принизить» оппонентов.

⁷ Наиболее подробно и полно формы и виды интеграции архонтов в феодальную общественную структуру на данный момент рассматривались Д. Якоби и М. Кордозисом [26–27].

⁸ Составлено по: Geoffroi de Villehardouin *La Conquête De Constantinople*; Robert de Clari *Conquête de Constantinople* [15–16].

⁹ По сведениям Виллардуэна, в битве при Кундурсе 500 франков одержали победу над 5000 «греками».

3. Горожане (без указания принадлежности к конкретной социальной группе)

Куда сложнее понять отношение франкских авторов к жителям ромейских городов. В трех текстах доминируют нейтральные характеристики горожан (у Анри де Валансьена – во всех случаях). Жоффрау де Виллардуэн упоминает лишь о том, что адрианопольцы считали Балдуина Фландрского сеньором (*seignor*), а также в крайне негативных тонах отзывается о резне «греков», устроенной франками в Нафплионе [15, LXI, LXXXIV]. Клари обращает внимание на то, что все константинопольцы являются предателями, из-за которых крестоносцы боятся оставаться в городе («*pour les Grius qui traïteur estoient*») [16, LV]. Безразличное отношение рядового пикардийского рыцаря к социальному устройству столицы проявлялось в том, что он отказывался рассказывать «о других, знатных и низкородных, бедных и богатых греках» («*Des autres Grius, des haus, des bas, de povres, de riches...*»), проживавших там [16, XCII]. Данное описание представляется нам крайне поверхностным, тем более когда оба указанных нами крестоносца не оставили ни одного рассказа о примечательных чертах какого-либо византийского городского института, существенного отличавшегося от европейского.

4. «Греки» как этнос в целом

Рассмотрев отношение франкских хронистов к различным социальным группам византийского населения, мы должны изучить то, каким образом латинские авторы характеризовали «греков» как этнос в целом. В данном контексте следует отметить, что Жоффрау де Виллардуэну и Роберу де Клари было присуще скептическое отношение к византийцам, неоднократно проявлявшееся западными европейцами во времена первых крестовых походов¹⁰. Так, шампанец писал о крайне настороженном отношении предводителей войска крестоносцев к местному населению. Недоверие достигало таких масштабов, что франки опасались переговоров с ромеями в невооруженном виде («*Lors comenca a ajorner, et l'ouz se comenca a armer; si s'armerent tuit par l'ost, porce que il ne creoient mie bien les Grex*») [15, XXXVIII]. Даже после заключения союза с несколькими «греческими» городами латиняне (по словам хрониста) боялись предательства со стороны византийских отрядов [15, XCIX].

Нами неоднократно приводились и слова де Клари о предательской сущности ромеев. Однако именно в его тексте содержится весьма важная информация о том, что, несмотря на проповеди духовенства о безбожности византийцев («*...et qu'il ne doutaissent mie a assalir les Grius, car il estoient enemî Damedieu*»), простой рыцарь сохранял представления о «греках» как о христианском народе [16, LXXIII]. Об этом, в частности, свидетельствует его восхищение местными иконами и даже вера в их чудодейственные силы, благодаря которым Алексей Мурзуфл, «предавший» Алексея IV, проиграл битву

¹⁰ Анри де Валансьен не оставил характеристик моральных качеств ромеев.

франкам («...et pour chou que Morchofles ne le portoit mie a droit, creons nous qu'il fu desconfis) [16, LXVI, CXIV].

Таким образом, латинские хронисты, описывавшие завоевание Константинополя и становление Латинской империи, испытывали опасения по отношению ко всем ромеям и часто считали их предателями. Данная предвзятость могла быть обусловлена негативным опытом взаимоотношений крестоносцев и византийских властей во времена первых крестовых походов, непониманием европейцами особенностей другой культуры, а также пропагандой католического духовенства, стремившегося выставить «греков» в качестве схизматиков или еретиков.

Усилия западного клира тем не менее не возымели полного эффекта, в результате чего светская часть войска в 1203–1204 гг. считала своих «оппонентов» полноценными христианами, что, по нашему мнению, позволило франкским «пилигримам» представлять ромейское общество в качестве своеобразного двойника собственного социума. Об этом свидетельствует как пониженный интерес латинской аристократии к жизни простолюдинов, так и повышенный – к своим «собратьям» в виде византийской знати, для описания представителей которой авторы хроник зачастую использовали типично «феодалные» термины. Отрицательные же характеристики благородных «греков» могли быть вызваны не только «старыми» предубеждениями, но и желанием завоевателей «принизить» рыцарские качества своих прямых конкурентов. Социальный статус, обусловленный происхождением человека, являлся для благородных латинян куда более важной характеристикой, нежели конкретные негативные стереотипы о ромеях, о чем свидетельствуют формы интеграции местного общества в новую социальную структуру, достигающую максимального развития в Ахейском княжестве.

Ссылки

1. Лучицкая С. И. Четвертый крестовый поход глазами русского современника // Византийский Временник. 2006. Т. 65 (90). С. 107–126.
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
3. Liutprandus Cremonensis Relatio de Leagitione Constantinopolitana // Patrologia Latina / Ed. par J.-P. Migne. P.: J.-P. Migne, 1853. Т. CXXXVI. P. 909–938.
4. Willelmus Tyrensis: Historia Rerum in Partibus Transmarinis Gestarum. [Электронный ресурс]. URL: <http://thelatinlibrary.com/williamtyre.html>.
5. Литаврин Г. Г. От схизмы христианской церкви в 1054 году – к захвату Константинополя крестоносцами в 1204. // Тезисы докладов XVII всероссийской научной сессии византинистов. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 3–5.
6. Медведев И. П. Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. как средневековый аналог событиям из современной международной жизни // Тезисы докладов XVII всероссийской научной сессии византинистов. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 120–123.
7. Andrea A. J. Contemporary Sources for the Fourth Crusade. Boston: Brill, 2000. 344 p.

8. Васильев А. А. История Византийской империи / Пер. с англ. А. Г. Грушевой. СПб.: Алетейя, 2000. Т. 2. 593 с.
9. Galadza D. Greek liturgy in crusader Jerusalem: witnesses of liturgical life at the Holy Sepulchre and St Sabas Lavra // *Journal of Medieval History*. 2017. Vol. 43, № 4. P. 421–437.
10. Jotischky A. Greek Orthodox monasteries in the Holy Land and their liturgies in the period of the crusades // *Journal of Medieval History*. 2017. Vol. 43, № 4. P. 438–454.
11. MacEvitt C. Processing together, celebrating apart: shared processions in the Latin East // *Journal of Medieval History*. 2017. Vol. 43, № 4. P. 455–469.
12. Брюн С. П. Византийские иконы на монетах нормандского правителя сирийской Антиохии // *Культура и цивилизация*. 2013. 1–2. Аналитика Родис. С. 33–48.
13. Брюн С. П. Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XIII вв.: к истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах востока. М.: Маска, 2015. Т. 1. 571 с.
14. Брюн С. П. Церкви Востока пред крестоносным правителем Заморской земли. Боэмунд IV Одноглазый и христиане Леванта // *Исторический Вестник*. 2017. № 20. С. 58–81.
15. Geoffroi de Villehardouin *La Conquête De Constantinople* // *La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes* / Éd. par M. Natalis de Wailly. P.: Firmin-Didot frères, fils et c., 1872. P. 1–194.
16. Robert de Clari *Conquête de Constantinople* / Ed. par P. Lauer. P.: Champion, 1924. 132 p.
17. Henri de Valenciennes: *Histoire de L'Empereur Henri de Constantinople* // *La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes* / Éd. par M. Natalis de Wailly. P.: Firmin-Didot frères, fils et c., 1872. P. 195–272.
18. Albert H. *Histoire de l'empereur Henri de Constantinople*, publiée par Jean Longnon // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 1950. Vol. 28. P. 1134.
19. Henry de Valenciennes *The Lay of Aristote* / Tr. and ed. by L. C. Brook, G. S. Burgess. Liverpool: The University of Liverpool, 2011. 80 p.
20. Van Tricht F. *The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople, 1204–1228*. Leiden: Brill. 2013. 544 p.
21. Kostalas L. Mentalidades de francos y bizantinos en 1204: una aproximación // *Anuario de estudios medievales*. 2013. № 43, Fasc. 2. P. 695–716.
22. Queller D. E., Madden T. F. *The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. 368 p.
23. Angold M. *Archons and Dynasts: Local aristocracies and the Cities of the Later Byzantine empire* // *The Byzantine Aristocracy, IX to XIII centuries* / Ed. by M. Angold. Oxford: B.A.R., 1984. P. 236–253.
24. Van Tricht F. *The Byzantino-Latin Principality of Adrianople* // *Dumbarton Oaks Papers*. 2014. Vol. 68. P. 325–342.
25. Jacoby D. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade* // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, № 4. P. 873–906.
26. Jacoby D. *Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque* // *Travaux et mémoires*. 1967. T. 2. P. 421–481.
27. Kordoses M. *Southern Greece under the Franks (1204–1262): A Study of the Greek Population and the Orthodox Church under the Frankish Dominion*. Ioannina: University of Ioannina, 1987. 127 p.

Legal and psychological grounds for determining information as harmful to the health and development of children

E. V. Koneva¹, S. V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-436-445

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the psychological and legal aspects of the content of the harm category as a criterion for evaluating information, the consumers of which are minors. Based on the analysis of Russian legislation in the field of children's information security, we made a conclusion about the absence at the regulatory level of certain, but at the same time necessary and sufficient criteria for isolating information harmful to children.

The paper contents proposals to introduce the labeling content of informational products in Russia, as well as to take into account the conditions of informational distribution as a factor used for age marking of informational products and defining content as creating risks for children's informational safety. One of the promising directions in the development of legal regulation of relations in the field of protecting children from destructive information is proposed to be a risk-based approach to assessing the likelihood of harm to the child's psyche by disseminating information.

Particular attention is paid to the analysis of the content of mentally harmful content for children. At the same time, the authors substantiate the expediency of using such a more accurate criterion for evaluating information as the criterion of "the negative impact of information on the child's mental development". The paper points out that information products, ideally, should contribute to the formation of mental formations of the age of consumers, or at least not prevent this.

On the example of the tasks of the children's mental development in certain age periods, the paper illustrates the shortcomings of the current age-related categorization of information products and suggests options for its improvement.

Keywords: information security; children; harmful information; Internet; computer games; children's mental development; children's psyche

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V. | E-mail: ev.kon@ya.ru
| Dr. Sc. (Psychology), Associate Professor

Simonova, Snezhana V. | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
| Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University (project P2-GM2-2021).

© Koneva E. V., Simonova S. V., 2022

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Правовые и психологические основания определения информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей

Е. В. Конева¹, С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-436-445
УДК 347.63, 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию психологических и правовых аспектов содержания категории вреда как критерия оценки информации, адресованной несовершеннолетним. На основе анализа российского законодательства в области информационной безопасности детей делается вывод об отсутствии на нормативном уровне определенных, но при этом необходимых и достаточных критериев вычленения вредной для детей информации.

В целях устранения выявленных недостатков в работе формулируются предложения о введении в России контентной маркировки информационной продукции, а также об учете условий распространения информации. Одним из перспективных направлений развития правового регулирования отношений в сфере защиты детей от деструктивной информации предлагается считать риск-ориентированный подход к оценке вероятности причинения вреда психике ребенка.

Особое внимание в работе уделено анализу содержания психически вредного для детей контента. При этом авторы обосновывают целесообразность использования такого более точного критерия оценки информации, как критерий «негативного влияния информации на психическое развитие ребенка». В работе указывается, что информационная продукция в идеале должна способствовать становлению психических новообразований возраста потребителей или хотя бы не препятствовать этому. На примере задач психического развития детей в определенные возрастные периоды в работе иллюстрируются недостатки текущей возрастной категоризации информационной продукции и предлагаются варианты ее совершенствования.

Ключевые слова: информационная безопасность; вред; вредная информация; Интернет; компьютерные игры; психическое развитие детей; возрастные новообразования

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна | E-mail: ev.kon@ya.ru
Доктор психологических наук, доцент

Симонова, Снежана Владимировна | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ, проект № П2-ГМ2-2021.

© Конева Е. В., Симонова С. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Широкое распространение Интернет-контента, доступность электронных средств получения информации стали существенным средовым фактором психического развития людей, начиная с периода раннего возраста. Системный анализ влияния этого фактора – задача психологической науки будущего. Он предполагает накопление эмпирических данных об особенностях функционирования разных сторон психики в новых условиях. Имеющиеся в настоящее время результаты исследований свидетельствуют как о количественных, так и о качественных особенностях психического развития современных детей по сравнению с аналогичными данными прошлых лет. Так, уровень компьютерной активности дошкольников прямо связан с негативными изменениями таких показателей игровой деятельности, как предметное замещение; взаимодействие, организующее игру; уровень идеи; развернутость идеи; ролевое поведение; игровые действия; использование атрибутики; выполнение правил [1, с. 143]. В то же время несомненно, что «многие виды ... компьютерных игр являются развивающими, стимулирующими становление модельного, схематического мышления. Важным моментом этих игр при использовании детских планшетов является и формирование зрительно-моторной координации, способствующей не только интеллектуальному развитию, но и становлению готовности к школьному обучению» [2, с. 4]. Ученые, кроме того, отмечают, что данные о влиянии Интернета на психику детей неоднозначны и противоречивы и это влияние зависит не столько от самого контента, сколько от обстановки в семье и от готовности родителей получать информацию из сети во взаимодействии с детьми, комментируя и обсуждая с ними предлагаемый материал [3, с. 14].

В российском законодательстве категория информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, является понятийно образующей при определении состояния информационной безопасности несовершеннолетних. По мысли законодателя, в случае если о таком вреде говорить не приходится, цель обеспечения информационной безопасности достигается. При этом само понятие «вреда» и критерии его выделения не раскрываются в Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – 436-ФЗ)¹.

По сути «вредной» законодатель предлагает считать информацию, которая определена как запрещенная (недопустимая к распространению среди детей) или ограниченная к распространению среди детей определенного возраста. Следуя этой логике, получается, что информация считается причиняющей вред не в силу своей объективной природы, а исходя из решения законодателя. При этом мотивы такого решения не лежат

¹ СЗ РФ. 2011. № 1, ст. 48.

на поверхности и могут быть косвенно установлены, например, из анализа положений правительственной Концепции информационной безопасности детей 2015 года, связывающей понятие вреда с дестабилизирующим воздействием информационной продукции, созданием препятствий для социализации и индивидуализации детей, их личностного, познавательного и физического развития, здоровья, благополучия, позитивного мировосприятия².

В целом логика определения в качестве вредной «запрещенной» (т. н. нелегальной) и иной информации, не соответствующей определенному детскому возрасту (т. н. «вредоносной информации»), находится в русле мировых трендов. Аналогичное утверждение справедливо и в отношении нормативного перечня «вредной» информации, по традиции определяемого через перечисление недопустимых для детей типов контента. Однако отсутствие четкого инструментария отнесения сведений во вторую группу затрудняет процесс реформирования законодательства в области информационной безопасности детей и порождает большое число бесплодных дискуссий.

К сожалению, вопрос о критериях выделения вредной для детей информации в недостаточной степени проработан и в юридической литературе, а потому доктрина не может служить полноценным источником поиска указанного выше инструментария. Как правило, категория вреда остается за пределами рассмотрения ученых. Российские правоведы по большей части склонны определять вредную для детей информацию через перечисление недопустимого для потребления детьми контента; классификации видов такой информации несколько различаются у разных авторов [4, с. 69–72; 5, с. 19–32; 6, с. 1–12], однако совпадают в основных чертах. Это главным образом контент, демонстрирующий или стимулирующий насилие, суицидальное поведение и употребление наркотиков. В то же время в научных материалах Совета Европы подчеркивается, что категория вреда учитывает как потенциальные, так и фактические вредные последствия, возможное негативное влияние на поведение ребенка и систему его отношений³.

По справедливому замечанию ученых, в настоящее время существенно осложняют правоприменение обладающие высокой степенью неопределенности термины, через которых в 436-ФЗ раскрывается содержание ограниченных и запрещенных к распространению среди детей сообщений

² распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» // СЗ РФ. 2015. № 49, ст. 7055.

³ Protecting children against harmful content. Report prepared for the Council of Europe's Group of Specialists on Human Rights in the Information Society by Andrea Millwood Hargrave. URL: <https://edoc.coe.int/en/children-and-the-internet/5779-protecting-children-against-harmful-content.html> (дата обращения: 01.07.2022).

[7, с. 7]. По мнению д-ра юрид. наук, проф. П. А. Астафичева, все это свидетельствует о неудачном выборе законодателем критериев и способов вычленения вредной информации. В качестве альтернативы ученый формулирует заслуживающее внимание предложение связывать возможность причинения вреда не столько с содержанием информации, сколько с особенностями (условиями) ее распространения. С опорой на положения ст. 14 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁴ предлагается закрепить вредоносность для детей такой информации, как порнография и нецензурная брань, а угрозу причинения вреда всеми остальными сведениями рассматривать лишь в контексте возможной агитации и пропаганды [8, с. 5–9].

С указанным выше предложением уже едва ли возможно согласиться: при его использовании будет лишена смысла возрастная классификация информационной продукции. При этом условия распространения вредного контента являются широко используемым в зарубежной практике критерием, учитываемым в контексте возрастной градации информации в совокупности с особенностями ее содержания. Например, положениями Закона ФРГ от 23.07.2002 «Об охране молодежи» предусмотрена возможность просмотра фильмов для лиц старше 12 лет детьми более младших возрастных групп в присутствии законного представителя. При определенных же условиях просмотр ограниченной к распространению среди детей информационной продукции допустим только в присутствии родителей⁵. Аналогичный опыт характерен для Великобритании, ряда иных зарубежных стран и вполне может быть использован для нашей правовой системы.

В целом же обращает на себя внимание тот факт, что законодатель хотя и ориентирует практиков на проведение классификации информационной продукции, исходя из вероятности причинения информацией вреда здоровью и развитию детей, но устанавливает при этом лишь соотношение возрастных категорий детей с предназначенной для их возраста информационной продукцией. Отсутствие обратного соотношения в части запрещенной и ограниченной к распространению информации, по мнению ряда ученых, служит существенным препятствием для внедрения в правовое регулирование вопросов информационной безопасности несовершеннолетних риск-ориентированного подхода, позволяющего взвешенно выявлять риски причинения информацией вреда и выбирать

⁴ СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

⁵ закон ФРГ от 23.07.2022 «Об охране молодежи»: пер. с нем. URL: <https://www.bmfsfj.de/resource/blob/90282/0d0e6f87c97e7d22188890443a8d27e9/juschg-russisch-2016-data.pdf> (дата обращения: 01.07.2022).

оптимальный способ их минимизации [9, с. 80–81]. Будучи новым направлением в праве (применяемым пока преимущественно в сфере государственного контроля и надзора), риск-ориентированный подход тем не менее мог бы стать одним из инструментов более взвешенного соотношения вида источника негативного воздействия и уровня опасности последнего. Как видится, использование такого соотношения способствовало бы более грамотной возрастной классификации информационной продукции ее производителями, в том числе в сети Интернет (блогерами, онлайн-экспертами, владельцами сайтов), которые, не имея соответствующих компетенций, порой испытывают закономерные трудности с грамотным соотношением типа производимого контента и возраста ребенка. При этом в дополнение к этому для информирования потребителей о содержании информационной продукции видится крайне целесообразной контентная маркировка, указывающая на конкретный вид информации, которая причиняет вред здоровью и развитию детей в информационном источнике.

Рассматривая категорию вреда с позиций психологической науки, необходимо учитывать, что в качестве вредной обычно рассматривается информация, выходящая за пределы правомерного и безопасного поведения. Между тем психологически вредным может быть контент, не отвечающий особенностям психического развития потребителей, если речь идет о детях или подростках. Применительно к такого рода информации уместно использовать категорию не столько вреда, сколько негативного влияния на психическое развитие. Наличие такого влияния не входит в сферу правового регулирования и рассматривается в рамках психологической или комплексной экспертизы [10].

Любая информация может оказать или не оказать как позитивное, так и негативное влияние на потребителей при наличии определенных условий. К ним относится прежде всего действие тех психологических механизмов, которые обеспечивают усвоение информации.

Один из механизмов представлен закономерностями восприятия и понимания информации. Характер воздействия материала на потребителей зависит от полноты его понимания и от соответствия психологической структуры, которая складывается у потребителя в результате получения информации, тому содержанию, которое вкладывал в него автор или публикатор. О негативном влиянии информации на потребителей необходимо говорить применительно к конкретным возрастным периодам, так как несомненно, что критерии негативного влияния различаются в зависимости от возраста.

В то же время очевидно, что эти критерии должны базироваться на некой единой методологической основе. Удачным примером сквозно-

го, общего критерия служит разработка, касающаяся анализа детских игрушек, где за методологическую основу такого анализа принята ведущая деятельность, свойственная каждому возрастному периоду детского развития [11]. Оптимальные игрушки для каждого возрастного периода должны обеспечивать реализацию ведущей деятельности, характерной для данного периода, поскольку именно ведущая деятельность выступает в качестве условия развития психики.

Аналогичным образом информационная продукция в идеале должна способствовать становлению психических новообразований возраста потребителей, или, по меньшей мере, не препятствовать этому.

Рассматривая данное предложение применительно, например, к детям старшего дошкольного и младшего школьного возраста, следует отметить, что одной из основных задач психического развития в этот возрастной период является становление абстрактно-логического мышления. Развитию этого психического новообразования способствует информация, в которой ребенок способен установить причинно-следственные связи, построить гипотетические прогнозы развития информации (например, движения сюжета фильма), соотнести характеристики героев с их действиями. Не способствует развитию соответствующих свойств мышления противоречивая, неструктурированная информация; сюжетные линии, выходящие за пределы осведомленности ребенка; информация, не отвечающая кругу интересов, характерных для данного возрастного периода. Примером такой информации могут служить сюжеты анимационных фильмов, где параллельно основной линии между героями (имеющими релевантную детскому возрасту «кукольную» внешность) разворачиваются отношения с сексуальным подтекстом. Это не противоречит федеральному законодательству, так как сцены сексуального взаимодействия отсутствуют, однако мотивация героев в этом случае непонятна детям, что, в свою очередь, затрудняет установление причинно-следственных связей. При этом нередко таким фильмам присваивается категория 6+ или 0+. Кроме того, анимационный формат многих фильмов с очевидно «взрослым» содержанием побуждает детей потреблять контент, прямо противоречащий особенностям их психики [12, с. 34].

Аналогичным образом фильмы для подростков, имеющие возрастную маркировку 12+, могут быть рассмотрены с позиций соответствия задачам развития лиц подросткового возраста. Одной из основных задач является формирование идентичности, то есть представления о себе как носителе социальных ролей, эмоциональных реакций, личностных характеристик. Восприятие психологических проявлений героев фильма способствуют пониманию зрителями собственной психики. Для этого необходима отчетливая личностная структура героев, поведение, в котором

отсутствуют немотивированные поступки. Помимо этого, психике подростка свойственно восприятие героя в целом, без анализа его отдельных проявлений. Между тем для придания своеобразия выраженной индивидуальности герою авторы фильмов нередко включают в его поведение поступки, которые могут быть сопряжены с рискованным, авантюрным поведением. Не будучи подвергнуты критическому анализу, эти поступки могут восприниматься потребителями как приемлемые паттерны поведения.

Справедливости ради надо отметить, что «воспринять» – не значит «усвоить». Для действенного влияния любого контента необходимы условия, обеспечивающие формирование соответствующих установок, какими (условиями) могут быть действие идентификационных механизмов восприятия информации или наличие в материале различных средств направленного психологического воздействия.

Тем не менее вышесказанное означает, что на практике ограничения, введенные Федеральным законом, не исчерпывают рисков, которые содержатся в кино- и Интернет-продукции и потребляются детьми и подростками.

Это, в свою очередь, заставляет обратиться к процедуре возрастной маркировки видеопродукции. Как можно предположить, процедура начинается с приблизительного определения возрастной категории, к которой принадлежит продукция, исходя из ее сюжета. Затем продукт анализируется с точки зрения наличия/отсутствия в ней фрагментов, недопустимых для потребителей данного возраста, и в случае их наличия продукция присваивается более высокая возрастная категория.

При этом существуют как в виде предложений, так и в виде действующей системы критерии и процедуры возрастной категоризации информационной продукции, располагающие большим потенциалом учета ее особенностей в контексте детского и подросткового развития. В частности, предлагается алгоритмизированная процедура использования норм Федерального закона, базирующаяся на тех возрастных категориях, которые он предусматривает. Кроме того, существует зарубежный опыт более дробной, по сравнению с используемой в нашей стране, маркировки информационной продукции. Последняя построена не на одном (возрастном) основании, а на двух (возраст и социальная среда, в которой происходит потребление контента ребенком или подростком): без ограничений для любой аудитории; рекомендуется, чтобы дети смотрели фильм в присутствии родителей; для детей до 13 лет настойчиво рекомендуется присутствие родителей; зрителям до 17 лет требуется присутствие родителей; зрители 17 лет и младше не допускаются [13]. Критериальная сетка,

построенная на двух основаниях, позволяет уменьшить потенциальный вред информационного контента психическому развитию потребителей.

Таким образом, существуют психологические основания для совершенствования законодательства, направленного на защиту информационной безопасности детей и подростков. При оценке потенциального вредного воздействия информационной продукции важно принимать во внимание возможность негативного влияния информации на психическое развитие ребенка. Следует учитывать, что информационная продукция должна обеспечивать становление психических новообразований возраста несовершеннолетнего, а потому вред в таком случае состоит в препятствиях, создаваемых для подобного становления. В целом подобное понимание вреда может быть положено в основу риск-ориентированного подхода к выявлению и дифференциации рисков в области информационной безопасности детей, в котором нуждается российское правовое регулирование. В этой связи видится уместным соотнесение на уровне права возраста детей и типа запрещенной (ограниченной) для их возраста информации. По мнению авторов, используемая в России возрастная классификация информационной продукции нуждается в реформировании в направлении использования более дробных вариантов дифференциации, учитывающих особенности социальной среды несовершеннолетнего, алгоритмизации процедуры оценки, а также учета ведущей деятельности, необходимой для детей каждого возраста.

Ссылки

1. Саломатова О. В. Компьютерная активность и особенности игровой деятельности в дошкольном возрасте // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14, № 1. С. 136–147.
2. Марцинковская Т. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1–10.
3. Прихожан А. Влияние электронной информационной среды на развитие личности детей младшего школьного возраста // Психологические исследования. 2010. Т. 3, № 9. С. 1–16.
4. Бородин К. В. Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 68–74.
5. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 2) / И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков, С. Ю. Гаммова [и др.] // Психология и право. 2017. Т. 7, № 2. С. 19–32.
6. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1) / И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков, С. Ю. Гаммова [и др.] // Психология и право. 2017. Т. 7, № 1. С. 1–12.

7. Архирейска Т. Ю. Правовая защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 35. С. 5–9.
8. Астафичев П. А. Законодательство о защите детей от приносящей им вред информации в механизме ограничений конституционных прав граждан на информацию и доступ к культурным ценностям // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 17–22.
9. Букалеров И. А., Лапшин В. Ф., Остроушко А. В. Риск-ориентированный подход в области правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // Вестник Сургутского университета. 2021. № 1. С. 76–83.
10. Романова Е. С., Макшанцева Л. В. К постановке проблемы психологической экспертизы негативного влияния информационной продукции на подростков: теоретический аспект // Системная психология и социология. 2017. №. 3. С. 24–33. URL: http://systempsychology.ru/journal/2017_23/445-e-s-romanova-l-v-makshanceva-k-postanovke-problemy (дата обращения: 13.04.2022).
11. Психолого-педагогические основания экспертизы игрушек / Е. О. Смирнова [и др.] // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 16–25. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/periodica/VP012008/SPo-016>. (дата обращения: 12.03.2020).
12. Возрастные особенности восприятия мультфильмов дошкольниками / Е. О. Смирнова [и др.] // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 33–45.
13. Бюллетень кинопрокатчика URL: https://www.kinometro.ru/analytics/show/name/sistema_vozrastnyh_rejtingov_v_rossii (дата обращения: 12.04.2022).

Technical-legal aspects of the normative consolidation of the signs of the objective side of the crime provided for in Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

O. G. Solovyev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-446-453

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the peculiarities of the regulation of criminal liability for the circulation of falsified, substandard and unregistered medicines, medical devices and the turnover of falsified biologically active additives (Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). First of all, the author highlights violations of the general rules of legislative technique, which provide for compliance with the requirements of saving regulatory material, the use of similar terms in the construction of homogeneous compositions of crimes, etc. The author notes that it is necessary to normalize the level of punishability of single-order elements of crimes enshrined in Articles 235.1 and 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by simultaneously indicating the large size of the acts committed in these criminal law prohibitions. The article notes the need for additional criminological analysis of other possible illegal actions with falsified, substandard or unregistered medicines, medical products and biologically active additives, such as – purchase, storage, transportation.

The author also offers various options for interpreting the signs of the objective side, such as production and marketing, examines the features and controversial aspects of the qualification of an unfinished crime, explores the issues of excluding criminal liability in the manufacture of medicines and medical devices in the process of conducting clinical trials and research, and carrying out export operations.

Keywords: criminal liability; crime; legislative technique; objective side; production; marketing; import; medicines; medical products; biologically active additives

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegsol1961@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Технико-юридические аспекты нормативного закрепления признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ

О. Г. Соловьев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-446-453
УДК 343.2/7

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются особенности регламентации уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ). Прежде всего автор выделяет нарушения общих правил законодательной техники, которые предусматривают соблюдение требований экономии нормативного материала, применение однотипных терминов при конструировании однородных составов преступлений и т. д. Отмечается необходимость нормативного выравнивания степени наказуемости однопорядковых составов преступлений, закрепленных в ст. 235.1 и 238.1 УК РФ путем одновременного указания на крупный размер, совершаемых деяний в указанных уголовно-правовых запретах. В статье констатируется потребность дополнительного криминологического анализа иных возможных противоправных действий с фальсифицированными, недоброкачественными или незарегистрированными лекарственными средствами, медицинскими изделиями и биологически активными добавками – это приобретение, хранение, перевозка.

Автор также предлагает различные варианты интерпретации признаков объективной стороны, таких как производство и сбыт, рассматривает особенности и дискуссионные аспекты квалификации неоконченного преступления, исследует вопросы исключения уголовной ответственности при производстве лекарственных средств и медицинских изделий в процессе проведения клинических испытаний и исследований, осуществления экспортных операций.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступление; законодательная техника; объективная сторона; производство; сбыт; ввоз; лекарственные средства; медицинские изделия; биологически активные добавки

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич | E-mail: oleg1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

© Соловьев О. Г., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Объективная сторона обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок предусматривает ряд однородных альтернативных действий. При этом описание таких действий страдает ненужными повторами, казуистичностью, нарушениями системности.

Подобное изложение изначально высвечивает два конструктивных недостатка отражения в законе признаков объективной стороны. Во-первых, непонятно, по какой причине законодатель в названии статьи применительно к перечисленным предметам преступления использует различную терминологию, характеризующую деяние. Так, незаконные действия с лекарственными средствами и медицинскими изделиями названы обобщающим термином «оборот»; в свою очередь, аналогичные действия (производство, сбыт, ввоз) с фальсифицированными биологическими активными добавками обозначены понятием «обращение». Напомним, что в уголовном праве термин обращение имеет и другие значения, например являясь признаком хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ) в форме присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ). В этом случае нарушено правило лингвистической унификации при описании однородных признаков. Заметим, что в иных случаях запрета на действия с определенными предметами законодатель использует в уголовном законе термин «оборот» – ст. 138.1, 171, 3, 191, 228.2, 234, 242, 258.1, 327 и т. д.

Во-вторых, неоднократное повторяющееся перечисление идентичных противоправных действий по производству, сбыту, ввозу применительно к различным предметам является абсолютно нецелесообразным и противоречащим правилу законодательной экономии [1]. Полагаем, что более лаконичный вариант изложения положений ч. 1 ст. 238.1 УК РФ должен выглядеть следующим образом:

Производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий либо фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, либо сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, либо незаконные производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, совершенные в крупном размере, наказываются ...

Следует также обратить внимание на нормативное решение о закреплении в ч. 1 исследуемой статьи количественного признака, характеризующего совершение деяния в крупном размере. В соответствии с примечанием 2 к статье таким крупным размером признается сумма, превышающая 100 тыс. руб. Проблема заключается в том, что в сходной норме о незакон-

ном производстве лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ) при описании основного состава аналогичный признак отсутствует – нарушается принцип системности в уголовном праве. Сказанное означает, что уголовная ответственность за производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии) наступает вне зависимости от количества и стоимости произведенных предметов. Тогда как при совершении более опасных действий, например при производстве, сбыте или ввозе на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, для привлечения к уголовной ответственности необходимо преодоление криминообразующего порога в виде крупного размера. Полагаем, что такое законодательное противоречие должно быть устранено путем перенесения признака, характеризующего крупный размер из ч. 2 ст. 235.1 УК РФ в ч. 1 данной статьи. Иной вариант, который предлагается в литературе и предусматривает перенесение исследуемого признака в ч. 2 ст. 238.1 УК РФ, является менее удачным [2].

Технико-юридический анализ признаков объективной стороны и санкций показывает, что в отличие от иных уголовно-правовых норм о запрете действий с предметами, полностью или частично ограниченными в гражданском обороте либо требующими специального нормативного регулирования, в ст. 238.1 УК РФ использован ограниченный перечень противоправных операций. Например, отсутствуют характерные для подобных норм признаки: «приобретение», «перевозка», «хранение», «изготовление» и т. д. Полагаем, что такая ситуация требует более детального криминологического анализа и более точного определения содержания общественной опасности возможных незаконных деяний. К примеру, приобретение или хранение с целью сбыта фальсифицированных или недоброкачественных медицинских средств вообще не предусматривает уголовной ответственности, причем даже в случае, если эти действия совершены организованной группой или повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека. И только если содеянное повлекло по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 238.1 УК РФ), возможно говорить о наличии ответственности за неоконченное посягательство – в нашем случае это приготовление (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Первым альтернативным действием, указанным в ст. 238.1 УК РФ, является производство обозначенных предметов. Заметим, что упомянутое выше хранение лекарственных средств признается многими специалистами частью их производства только в случаях нахождения произведенной продукции у самого производителя после процесса ее получения или хранения произведенной продукции другим лицом, являющимся неотъемлемым участником производственного цикла. Данный тезис связан с особенностями фармацевтической продукции. Для обеспечения качественной сохранности свойств лекарственного препарата после его получения на фармацев-

тическом производстве критично соблюдение требований по его хранению, поэтому деятельность по хранению полученной продукции является завершающей стадией процесса производства [3, с. 10]. Мы с данным тезисом не согласны, поскольку в современных условиях производство лекарственных средств не всегда связано с их хранением в рамках деятельности одного и того же хозяйствующего субъекта. Очень часто закупки и дальнейшее хранение, перевозку, сбыт данной продукции осуществляют различные организации. Добавим также, что специфика отдельных лекарственных средств и медицинских изделий вовсе не требует специальных условий по их хранению. Следовательно, хранение во множестве случаев может образовывать самостоятельное противоправное действие, а не являться частью производства и в этом смысле при достижении необходимого уровня общественной опасности и размера должно признаваться преступлением. Очевидно, что вопрос криминализации хранения указанных в диспозиции предметов требует нормативного разрешения.

В соответствии с положениями ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] производство медицинских изделий составляет часть оборота медицинских изделий. Данным актом предусмотрена обязанность производителей медицинского изделия разрабатывать техническую и (или) эксплуатационную документацию в части производства и иных операций с медицинскими изделиями. Требования к содержанию указанной документации устанавливаются нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения Российской Федерации [5]. К производству медицинских изделий возможно отнести следующие действия: сборку, монтаж, наладку, настройку, регулировку, маркировку, комбинирование с другими изделиями и т. д. [6]. Заметим, в отдельных случаях в соответствующих медицинских учреждениях организуется научная практика по несерийному изготовлению в лабораторных условиях медицинских изделий и лекарственных средств, которые не прошли необходимую процедуру регистрации. Законодательство допускает в этих случаях перенос регистрационных мероприятий на более поздние сроки в условиях, когда указанные клинические исследования и испытания организованы должным образом. Также возможно производство указанных предметов вне процедур регистрации в случае, если соответствующая продукция предназначена на экспорт, поскольку необходимые разрешительные процедуры осуществляются, как правило, контролирующими и надзирающими органами зарубежного государства.

Деяние в форме производства фальсифицированных, незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий либо фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, может состоять в следующих действиях:

1) в изготовлении готовой продукции с нулевого производственного цикла;

2) в переработке уже имеющихся готовых сырьевых элементов, фармакологическом повышении действенности законченных изделий соответствующей группы и т. д.;

3) в участии субъектов в фармакологическом производственном процессе. При этом участие может быть как очным, так и заочным (дистанционным).

4) в осуществлении специальной управленческой деятельности субъектами, которые наделены необходимыми полномочиями [7–8]. Отметим, что, как уже говорилось, в данном случае закон, в отличие от иных сходных уголовно-правовых запретов, не использует понятие «изготовление». Если рассматривать доктринальные, нормативные и практические (в том числе и позицию Пленума ВС РФ) подходы к установлению различий между понятиями «производство» и «изготовление», создание медицинских изделий или выработка медицинских средств в небольших объемах в кустарных условиях не должны подпадать под действие указанной статьи. Но очевидно, что законодатель применительно к данной норме вложил действия по изготовлению в понятие производство. Для исключения противоречивой оценки отмеченных действий на практике следует либо включить признак изготовление в ч. 1 ст. 238.1 УК РФ либо сделать соответствующее разъяснение в специальном постановлении Пленум ВС РФ.

Иным альтернативным действием, предусмотренным в ст. 238.1 УК РФ, является сбыт указанных предметов. Так, И. В. Фирсов полагает, что сбыт предмета преступления в ст. 238.1 УК РФ представляет собой любые (возмездные или безвозмездные) способы отчуждения (например, продажу, обмен, дарение и т. д.) [9, с. 13]. В свою очередь, О. И. Годунов считает, что под сбытом фальсифицированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок следует понимать передачу их потребителю на основании возмездных гражданско-правовых договоров или безвозмездную передачу. При этом возмездный или безвозмездный характер передачи значения для квалификации не имеет, а обстоятельства отчуждения могут быть различными (продажа, дарение, поставка, обмен, уплата долга и пр.) [10, с. 14]. Понятие отчуждения (в нашем случае сбыта) в системе фармацевтической деятельности частично раскрыто в ФЗ «Об обращении лекарственных средств». Данный нормативный акт определяет следующие виды допустимого безвозмездного и возмездного отчуждения: а) мелкооптовый отпуск лекарственных средств аптечной и иным потребительским системам; б) централизованная передача указанных средств в медицинские учреждения различного уровня; в) реализация лекарственных средств населению (оптовая или розничная торговля); г) изготовление и сбыт лекарственных средств гражданам и организациям в амбулаторных и лабораторных условиях [11]. Таким изготовлением

и отпуском могут заниматься обычные и ветеринарные аптечные организации, индивидуальные предприниматели, получившие в установленном порядке разрешение (лицензию) на осуществление фармацевтической деятельности.

Сбыт ненадлежащей медицинской продукции является оконченным с момента передачи данной продукции в крупном размере другим лицам. Представляется, что как покушение на деяние, предусмотренное ст. 238.1 УК РФ, необходимо квалифицировать сбыт фальсифицированной, незарегистрированной или недоброкачественной медицинской продукции в крупном размере, осуществляемый в рамках оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка», так как в данной ситуации виновный по не зависящим от него обстоятельствам не реализует до конца свой преступный умысел, направленный на обращение указанной продукции. Лицо, действующее в роли «закупщика», не является стороной отношений по сбыту, так как изымает предмет преступления из обращения сразу при его фактическом поступлении. Любая форма сбыта предмета преступления представляет собой его передачу, которая считается завершенной только тогда, когда предмет преступления будет фактически и юридически получен другим лицом (часть обращения) [2].

Однако в реальности деятельность органов уголовной юстиции реализует в таких ситуациях противоположный подход. Видимо, эта позиция определяется существующей практикой по делам о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Так, отечественные суды оценивают передачу ненадлежащей медицинской продукции в крупном размере, осуществляемую в рамках «Проверочной закупки», как оконченный сбыт по ст. 238.1 УК РФ без ссылки на ст. 30 УК РФ [12–13]. Заметим, что и по настоящее время в доктрине нет устоявшегося мнения в оценке оконченности деяния, которое осуществляется под контролем специальных оперативных подразделений. Неопределенность доктринальной позиции в определенном смысле обусловлена противоречивой практикой и позицией высшей судебной инстанции. К примеру, как частично отмечалось выше, при оценке сбыта наркотических средств и психотропных веществ под оперативным контролем судебно-следственная практика определяла содеянное как неоконченное преступление (покушение). После изменения позиции Пленума Верховного суда сбыт в вышеуказанных условиях стал квалифицироваться как оконченное деяние. При этом в отношении иных предметов, вовлеченных в неоконченный преступный сбыт (огнестрельное оружие, ядерные материалы, документы и т.д.) содеянное по-прежнему оценивалось как покушение со ссылкой на ст. 30 УК РФ.

Ссылки

1. Иванчин А. В. Законодательная техника в уголовном правотворчестве (понятие и структура) // Юридическая техника. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatel'naya-tehnika-v-ugolovnom-pravotvorchestve-ponyatie-i-struktura> (дата обращения: 03.08.2022).

2. Гусамова Д. А. Развитие института уголовной ответственности за злоупотребления на фармацевтическом рынке в России // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-zloupotrebleniya-na-farmatsevticheskom-rynke-v-rossii> (дата обращения: 02.08.2022).

3. Кобец П. Н. Законодательные основы противодействия медицинской контрафактной продукции в условиях Российской Федерации конца второго десятилетия XXI столетия // Медицинское право. 2019. № 3. С. 9–14.

4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Минздрава России от 19.01.2017 № 11н «Об утверждении требований к содержанию технической и эксплуатационной документации производителя (изготовителя) медицинского изделия» (зарегистрирован в Минюсте России 10.03.2017 № 45896) // СПС «КонсультантПлюс».

6. ГОСТ ISO 13485-2017. Межгосударственный стандарт. Изделия медицинские. Системы менеджмента качества. Требования для целей регулирования (введен в действие Приказом Росстандарта от 30.06.2017 № 615-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Приговор Собинского городского суда Владимирской области от 19 октября 2017 г. Дело № 1-1-229/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приговор Калужского районного суда Калужской области от 7 апреля 2017 г. Дело № 1-208/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Фирсов И. В. Объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2016. № 1. С. 112–116.

10. Годунов О. И. Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». 2015. № 2. С. 13–18.

11. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. 14.07.2022) «Об обращении лекарственных средств» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Приговор Головинского районного суда города Москвы от 16 марта 2018 г. Дело № 1-164/18 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Приговор Мещанского районного суда города Москвы от 10 апреля 2017 г. Дело № 1-265/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Termination of an employment contract at the initiative of an employee in Russian practice: historical and legal view

A. B. Ivanov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-454-467

Research article
Full text in Russian

The article in a retrospective aspect examines the problem of legal regulation of termination of an employment contract at the initiative of an employee. The influence of historical experience on modern legislation and the practice of applying dismissal of their own free will is shown, traditions and innovations in this matter are revealed. It is noted that in the process of its development, the legislative provisions that determined the conditions and procedure for dismissal at the initiative of the employee did not always ensure the necessary balance of interests of the parties to labor relations and the state. They were more aimed at the implementation of the production, and not the socio-protective function of labor law. The norms that determined the conditions and procedure for terminating the contract at the initiative of the employee for the first time began to be enshrined in the acts of factory legislation of the imperial period, but at that time they had not yet received proper detail. In the Soviet era, the position of the legislator regarding the possibility of terminating an employment contract at the initiative of an employee was not consistent, ranging from recognition of dismissal to his complete rejection. The most fruitful influence on improving the legal regulation of termination of an employment contract at the initiative of an employee was the Soviet legal practice of the period of validity of the Foundations of Labor Legislation of 1970 and the KZoT of 1971. Legal experience, first of all, of this period formed the basis of the norms on dismissal of their own free will in the current Labor Code of the Russian Federation. At the same time, the modern legislator reasonably abandoned, perhaps, the main rudiment of the previous regulation - limiting the possibility of termination at the initiative of an employee of a fixed-term employment contract.

Keywords: labor legislation; codification; employment contract; dismissal of their own free will; legal science and practice

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanov, Artyom B. | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

© Ivanov A. B., 2022

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Расторжение трудового договора по инициативе работника в российской практике: историко-правовой ракурс

А. Б. Иванов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-454-467
УДК 340.136

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье в ретроспективном аспекте исследуется проблема правового регулирования прекращения трудового договора по инициативе работника. Показывается влияние исторического опыта на современное законодательство и практику применения увольнения по собственному желанию, выявляются традиции и новации в данном вопросе. Отмечается, что в процессе своего развития законодательные положения, определявшие условия и порядок увольнения по инициативе работника, не всегда обеспечивали необходимый баланс интересов сторон трудовых отношений и государства. Они в большей степени были направлены на реализацию производственной, а не социально-защитной функции трудового права. Нормы, определявшие условия и порядок расторжения договора по инициативе работника, впервые стали закрепляться в актах фабричного законодательства имперского периода, однако в тот период они еще не получили должной детализации. В советскую эпоху позиция законодателя относительно возможности прекращения трудового договора по инициативе работника не была последовательной, варьируясь от признания увольнения до его полного неприятия. Наиболее плодотворное влияние на совершенствование правового регулирования расторжения трудового договора по инициативе работника оказала советская юридическая практика периода действия Основ законодательства о труде 1970 г. и КЗоТ 1971 г. Правовой опыт, прежде всего этого периода, лег в основу норм об увольнении по собственному желанию в действующем Трудовом кодексе РФ. При этом современный законодатель обоснованно отказался от, пожалуй, главного рудимента прежнего регулирования – ограничения возможности расторжения по инициативе работника срочного трудового договора.

Ключевые слова: трудовое законодательство; кодификация; трудовой договор; увольнение по собственному желанию; юридическая наука и практика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов, Артем Борисович | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

© Иванов А. Б., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

По действующему законодательству одним из оснований прекращения трудового договора выступает инициатива (собственное желание) работника (ч. 4 ст. 71, п. 3 ч. 1 ст. 77, ст. 80, ст. 280, ч. 1 ст. 292, ч. 1 ст. 296 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ))¹. На практике данное основание является самым распространенным [1]. Основываясь на запрете принудительного труда, оно обеспечивает реализацию права каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду, на выбор рода деятельности и профессии (ч. 1, 2 ст. 37 Конституции РФ)². Волеизъявление работника относится к классическим правопрекращающим фактам, оно было известно уже имперскому фабричному законодательству. В целом закрепленный в ТК РФ порядок реализации лицом своего права на увольнение во многом базируется на преемственных нормах, сложившихся в ходе эволюции законодательства о труде. Вместе с тем ряд ранее действовавших правил во время последней отраслевой кодификации был признан не соответствующим новому уровню развития трудовых отношений, стал частью правового наследия. Для того чтобы дать объективную оценку современному состоянию правового регулирования отношений, возникающих в связи с желанием работника уволиться по собственному желанию, а также лучше понять направления дальнейшего развития этого регулирования, важно рассмотреть вопрос в историко-правовом ключе.

В исторической динамике законодательные положения, определявшие условия и процедуру увольнения по инициативе работника, далеко не всегда обеспечивали баланс интересов сторон трудовых отношений и государства. Исследуемые нормы в большей степени были направлены на реализацию производственной, а не социально-защитной функции трудового права. При этом, исходя из конкретно-исторических условий, «крен» в сторону первой из них был более или менее значительным. От конкретного периода зависело также сочетание частных и публичных начал в регулировании увольнения.

Право на «самовольное оставление работы» и механизм его реализации впервые были отражены в актах Российской империи рубежа XIX–XX в., прежде всего в законе от 3 июня 1886 г., регламентировавшем порядок найма и увольнения рабочих³, а позднее – в Уставе о промышлен-

¹ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3.

² Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.)) // Российская газета. 1993. 25 дек.

³ Закон от 03.06.1886 «Об утверждении проекта правил о надзоре за фабричной промышленностью, о взаимном соглашении фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции» // Электронный ресурс. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/1886.pdf> (дата обращения: 01.07.2022).

ном труде 1913 г. (далее – УПТ)⁴. Эти акты наделяли рабочих правом расторгнуть бессрочный договор личного найма при условии предварительного уведомления об этом нанимателя. Действие же срочного соглашения согласно ст. 55 и 63 УПТ могло быть прекращено до истечения срока лишь при наличии законных оснований субъективного (невыплата заработной платы, «дурное обращение» хозяина предприятия, его «семейства» или лиц, которым вверен надзор за рабочими и др.) либо объективного порядка (смерть мужа или жены, других членов «семейства», которые доставляли рабочему средства к существованию и др.). В случае спора с нанимателем договор в этих случаях расторгался в судебном порядке. Сам же наниматель, исходя из ст. 62 УПТ, был вправе уволить рабочего без обращения в суд, последний мог лишь оспорить в суде законность увольнения с возможностью получения вознаграждения за понесенные убытки, но без права восстановления на работе [2, с. 27].

Согласно проекту закона «О трудовом договоре», подготовленному в 1917 г. по поручению Временного правительства, порядок расторжения срочных соглашений зависел от их продолжительности. Когда договор заключался на срок свыше пяти лет, каждая сторона была вправе прекратить его во всякое время по истечении указанного срока, предупредив другую сторону за шесть месяцев. Соглашение же на срок до пяти лет могло быть расторгнуто лишь по уважительным причинам. Для работника таковыми являлись: неполучение в срок условленного вознаграждения; нарушение работодателем принятых на себя обязанностей; жестокое обращение с работником или посягательство на его честь со стороны работодателя; непредвиденные изменения в состоянии здоровья, составе семьи или в хозяйстве работника, делавшие необходимой перемену его деятельности или места его пребывания.

В дальнейшем законодатель продолжил ограничивать право работника на увольнение в случае заключения срочного договора, а перечни оснований для досрочного прекращения такого соглашения, закреплявшиеся в советских трудовоправовых актах, в целом мало отличались от установленных ранее. «Характеризуя основания досрочного прекращения по инициативе работника трудового договора, – отмечает Е. Б. Хохлов, – следует отметить существенную их близость с предусматриваемыми фабричным законодательством (Уставом о промышленном труде) и проектом Временного правительства о трудовом договоре» [3, с. 214]. Так, исходя из ст. 16 Основ законодательства о труде 1970 г. (далее – Основы 1970 г.) и ст. 32 Кодекса законов о труде РСФСР 1971 г. (далее – КЗоТ), договор,

⁴ Устав о промышленном труде // Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. 2. СПб., 1913.

заключенный на определенный срок, подлежал расторжению по желанию работника: в случае болезни или инвалидности, препятствовавших выполнению работы; при нарушении администрацией законодательства о труде, коллективного и трудового договора; по другим уважительным причинам⁵.

В указанные годы подход законодателя к вопросу о расторжении трудового договора по сути базировался на постулатах гражданского права, где односторонний отказ от исполнения договора нередко ставился в зависимость от условия о сроке (заключено ли соглашение с указанием срока или без него). При проецировании такого подхода на трудовые отношения неизбежно происходит смещение баланса интересов в пользу работодателя, обеспечивается первоочередное решение производственных задач. На последнем, как известно, делался акцент в советскую эпоху [4, с. 20–21]. Поэтому вовсе не случайно, что дореволюционные правила о расторжении срочного договора были позже восприняты советским законодателем. «Уход работника ранее... срока, – отмечал в 1930-е гг. Н. Г. Александров, – вредит интересам предприятия. Это дезорганизация производства, так как договор на срок предусматривает участие работника в выполнении производственных заданий в течение обусловленного в договоре срока» [5, с. 37–38]. Заключение срочных трудовых договоров в СССР часто использовалось как «правовое средство закрепления кадров», для борьбы с их «текучестью». «Для решения некоторых важных задач экономической политики, – писал в 1970-е гг. Б. Я. Розин, – срочный трудовой договор необходим. Практика показывает, что текучесть кадров выражается главным образом в форме увольнения работников по собственному желанию, а заключение срочных договоров используется как одно из средств преодоления текучести» [6, с. 127].

В постсоветский период отношение к проблеме расторжения трудового договора с определенным сроком действия в доктрине и на практике стало меняться, хотя было неоднозначным. Некоторые специалисты прямо говорили о несоответствии законодательных ограничений на увольнение работников, заключивших срочный договор, «здравому смыслу» и нормам принятой в 1993 г. Конституции РФ (о запрете принудительного труда и др.), о необходимости «изъятия» из КЗоТ 1971 г. статьи 32, где перечислялись случаи досрочного прекращения трудового договора по требованию работника [7, с. 101, 102]. В 1990-е гг. действовавший КЗоТ РСФСР (с 1992 г. – КЗоТ РФ) был значительно модернизирован,

⁵ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде (утв. Законом СССР от 15.07.1970 № 2-VIII) // Ведомости ВС СССР. 1970. № 29, ст. 265; Кодекс законов о труде РСФСР (утв. Законом РСФСР от 09.12.1971) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50, ст. 1007.

однако не в части признания равного права на увольнение по собственному желанию работников, заключавших срочное и бессрочное соглашения.

Вместе с тем в данный период обращают на себя внимание неуверенные, но все же последовательные шаги в направлении уравнивания работников в указанном праве в рамках новой отраслевой кодификации. В 1992 г. по поручению правительства профильным министерством были подготовлены первые проекты кодифицированных актов: Основы законодательства о труде РФ и Трудовой кодекс РФ⁶. В них, в отличие от КЗоТ 1971 г., право на увольнение по собственному желанию гарантировалось уже всем работникам независимо от вида трудового договора при условии предварительного (за две недели) предупреждения работодателя. Однако разрыв срочного договора мог повлечь уплату неустойки, которая допускалась соглашением сторон (ст. 34, 37 проекта Основ 1992 г.)⁷. Активные попытки включения в трудовое законодательство гражданско-правовых конструкций предпринимались на волне либеральных реформ начала 1990-х гг. С одной стороны, они были согласованы с новым прогрессивным принципом – свободы труда взамен всеобщей обязанности трудиться. С другой стороны, чрезмерная свобода договора (в приведенном примере – «дамоклов меч» имущественной ответственности из-за досрочного прекращения соглашения) – не позволяла сбалансировать интересы работника и работодателя, как и прежде в большей степени была нацелена на решение хозяйственно-экономических задач. В более поздних редакциях проекта ТК РФ, начиная с 1994 г., Минтруд стал признавать право на увольнение по собственному желанию независимо от срока трудового договора. Хотя факт того, что подобные изменения так и не были внесены в действовавший до начала 2002 г. КЗоТ РФ, свидетельствует о колебаниях законодателя. Даже на завершающем этапе кодификации (2001 г.) в ряде внесенных на рассмотрение Государственной Думы проектов ТК РФ данный вопрос решался вполне в «советском духе» [8, с. 74–77].

Затрагивая проблему расторжения трудового договора в ретроспективе, важно отметить, что в имперский период (ст. 52 УПТ) право на отказ от договора личного найма предоставлялось в равной мере обеим его сторонам. Данное решение являлось следствием влияния гражданско-

⁶ Документы были выявлены автором в Комитете по труду, социальной политике и делам ветеранов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2014–2015 гг.

⁷ Проект КЗоТ 1992 г. (ст. 51) в большей степени учитывал интересы работника – неустойка не выплачивалась, если трудовой договор досрочно прекращался по инициативе работника вследствие болезни, инвалидности и по иным уважительным причинам, препятствовавшим выполнению работы.

го права на трудовые отношения, порождало фактическое неравенство их участников, снижало роль социально-защитной функции трудового права. В дальнейшем и советский, и современный законодатели оправданно отказались от этого подхода, хотя интересно отметить все же имевшие место попытки уравнивать работника и работодателя в праве расторгнуть трудовой договор без уважительных причин. Подобные усилия предпринимались, в частности, во время создания КЗоТ 1922 г.⁸ и ТК РФ в условиях либерализации экономических отношений и усиления роли частноправовых начал в их регулировании. Так, в 1922 г. на уровне Правительства (СНК) была одобрена норма проекта КЗоТ, наделявшая безусловным правом расторжения трудового договора обе стороны. И только при рассмотрении законопроекта на сессии ВЦИК работодатель был лишен этого права [9, с. 68].

В советский период законодатель дважды «отбирал» у работника право на увольнение по собственному желанию. Происходило это в «чрезвычайные эпохи», сопровождавшиеся резким усилением централизованного управления экономикой и сведением до минимума договорных начал в сфере труда. В первый раз такое решение было закреплено в КЗоТ 1918 г.⁹, который к числу оснований увольнения хотя и относил «желание самого трудящегося» (п. «д» ст. 46), но при этом согласно ст. 51 добровольному оставлению работы должна была предшествовать проверка оснований ухода, которая проводилась органом рабочего самоуправления (фабрично-заводским и т. п. комитетом). Если данный орган признавал причины оставления работы неосновательными, трудящийся должен был продолжать ее выполнять. В период действия Кодекса 1918 г. принимались и другие акты, в которых получала нормативное закрепление практика запретов на самовольный уход с работы и усиливалась ответственность за такой уход (подробнее см.: [3, с. 67–75]).

Во второй раз право на увольнение по собственному желанию стало существенно ограничиваться начиная с 1930-х гг., во время так называемой «социалистической реконструкции». «Особенно большой вред, – отмечалось в принятом в 1931 г. постановлении Наркомата труда, – наносят... производству лица, которые в погоне за «длинным рублем» перебегают по несколько раз в году с одного предприятия на другое». Таких лиц предлагалось считать «злостными дезорганизаторами производства» как «самовольно оставивших предприятие более одного раза в течение 12 месяцев, хотя бы наем был произведен на срок неопределенный»¹⁰.

⁸ Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 70, ст. 903.

⁹ Кодекс законов о труде РСФСР 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 86–87, ст. 509.

¹⁰ Постановление НКТ СССР от 17.01.1931 № 17 «Об определении круга лиц, являющихся злостными дезорганизаторами производства» // Известия НКТ. 1931. № 4.

Н. Г. Александров в изданном в 1936 г. справочнике для профактива отмечал, что при увольнении по своей инициативе «работник не должен бросать работу, не дождавшись замены себя другим работником» [5, с. 38]. С 1938 г. лица, ушедшие с работы по собственному желанию, получали право на пособие по временной нетрудоспособности только через шесть месяцев после устройства на новой работе [2, с. 193].

Квинтэссенцией же государственной политики в этой области стал принятый 26 июня 1940 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР (далее – Указ ПВС от 26.06.1940 г.), согласно которому работники лишались права на увольнение по собственному желанию¹¹. Исключениями являлись лишь болезнь, инвалидность (в случае если не было возможности предоставить трудящемуся другую подходящую работу в том же предприятии или учреждении), пенсионный возраст (назначение пенсии по старости), зачисление в высшее или среднее специальное учебное заведение¹². За самовольный уход с предприятий и из учреждений указом устанавливалась уголовная ответственность. Принятый в интересах производства данный Указ завершил формирование системы внеэкономического принуждения к труду [2, с. 195]. «Когда социалистический уклад победил... и безработица была полностью ликвидирована, – отмечалось в учебнике «Советское трудовое право» за 1946 год, – предоставление рабочим и служащим ничем не ограниченной возможности оставлять работу... по своему усмотрению уже противоречило интересам организованного социалистического хозяйства» [10, с. 300]. Считается, что после издания Указа ПВС от 26.06.1940 г. даже увольнение по заявлению работника вследствие истечения срока трудового договора стало возможным лишь в предусмотренных специальными постановлениями Правительства случаях [11, с. 302–303].

При расторжении трудового договора по собственному желанию работник должен предварительно уведомить работодателя о своем решении. Такое уведомление носит целевой характер, требуется для того, чтобы дать возможность работодателю найти на освобождающееся место другого сотрудника, а увольняющемуся – подыскать новую работу. В российской практике правило о предварительном уведомлении явля-

¹¹ Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости ВС СССР. 1940. № 20.

¹² Позднее перечень лиц, имевших право на увольнение, был несколько расширен. См., напр.: Постановление СНК СССР от 11.10.1940 «О предоставлении женам военнослужащих права ухода с предприятий и из учреждений в случае перевода их мужей в другую местность» // СП СССР. 1940. № 28, ст. 680; Указ Президиума ВС СССР от 19.05.1949 «Об улучшении дела государственной помощи многодетным и одиноким матерям и улучшении условий труда и быта женщин» // Ведомости ВС СССР. 1949. № 26.

ется традиционным условием увольнения по инициативе работника, начиная с имперского законодательства и заканчивая ТК РФ (исключение составляют периоды, когда увольнение в принципе не допускалось).

Первоначально, согласно ст. 52 УПТ действовал двухнедельный срок предупреждения об увольнении. Позднее законодатель стал подходить к сроку более гибко, дифференцируя его по определенным критериям. Так, согласно упомянутому ранее законопроекту «О трудовом договоре» (1917 г.) соглашение, заключенное на неопределенный срок, могло быть расторгнуто любой стороной. Срок предупреждения при этом соответствовал промежутку между платежами вознаграждения (один месяц или одна неделя), если обычаем не устанавливался более продолжительный срок. Соглашением запрещалось вводить более краткие сроки предупреждения, более длительные сроки могли быть отражены лишь в договорах с высшими служащими (не свыше 6 месяцев). Если срок предупреждения для работника устанавливался более длительный, чем для работодателя, последний был обязан соблюдать срок, предусмотренный для работника. Во время действия предупреждения работник один раз в неделю был вправе вместо выполнения трудовой функции подыскивать новую работу с сохранением заработной платы [11, с. 41–42].

Советский законодатель тоже следовал дифференцированному подходу при нормировании сроков предупреждения, беря за основу периодичность расчета с работником и характер работы. Так, согласно ст. 46 КЗоТ 1922 г. нанявшийся был вправе требовать расторжения трудового договора «во всякое время» с обязанностью предупредить нанимателя при недельном расчете не менее чем за один день, при двухнедельном или месячном расчете – не менее чем за семь дней. На отдельных работах (например, на временных и сезонных) действовали особые сроки. Малые сроки предупреждения, введенные КЗоТ 1922 г. в условиях многоукладного хозяйства периода нэпа, после перехода в 1930-е гг. к командной экономической системе начали рассматриваться как препятствие для роста производства. При этом сама возможность увольнения по инициативе трудящегося на законодательном уровне стала ограничиваться, а позднее – запрещаться.

В 1956 г. был отменен действовавший с 1940 г. запрет на самовольный уход с предприятия (учреждения), восстановлено право на увольнение для работников, заключивших бессрочный трудовой договор, и введен общий двухнедельный срок предупреждения об увольнении¹³.

¹³ Указ Президиума ВС СССР от 25.04.1956 «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины» // Ведомости ВС СССР. 1956. № 10, ст. 203.

Такой же срок был установлен в актах третьей кодификации трудового права – в Основах 1970 г. (ст. 16) и в КЗоТ 1971 г. (ст. 31) с уточнением о необходимости письменной формы предупреждения. В 1983 г. «в интересах производства и в целях укрепления трудовой дисциплины» срок предупреждения об увольнении был увеличен с двух недель до двух месяцев¹⁴. Если трудовой договор расторгался по уважительным причинам (перевод мужа или жены на работу в другую местность, необходимость ухода за больными членами семьи, изменение условий труда и др.¹⁵), срок предупреждения сокращался до одного месяца. При этом время выполнения работ, на которые работник переводился за нарушение трудовой дисциплины, в срок предупреждения не засчитывалось. В случае увольнения по собственному желанию без уважительной причины непрерывный трудовой стаж сохранялся, если перерыв в работе не превышал трех недель, при увольнении по уважительной причине – одного месяца [2, с. 226]. В 1992 г. срок предупреждения об увольнении вновь был сокращен до двух недель¹⁶.

В целом следует согласиться с утверждением о том, что двухнедельный срок предварительного уведомления об увольнении «является экономически и социально оптимальным для сторон в настоящее время», что подтверждается «практикой правового регулирования данной группы отношений» [1]. Важно вместе с тем подчеркнуть, что в ТК РФ, как и в ранее действовавшем законодательстве, есть более длительные и сокращенные сроки предупреждения, что обусловлено особенностями трудовой деятельности (гл. 43, 45, 46 ТК РФ) либо наличием условия об испытании при заключении трудового договора (ст. 70 ТК РФ). Такой подход законодателя также можно признать оправданным.

Следующим аспектом проблемы увольнения по инициативе работника является вопрос о возможности расторжения трудового договора без обязательного предварительного предупреждения. В фабричных законах за нанявшимся закреплялось право на прекращение работы «в связи с невозможностью ее продолжения» по определенным основаниям (нарушение нанимателем закона или условий договора, заболевание, препятствующее выполнению работы, и др.). Позднее этот подход в целом сохранялся, хотя порой законодательные формулировки не позволя-

¹⁴ Указ Президиума ВС СССР от 12.08.1983 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР» // Ведомости ВС СССР. 1983. № 33, ст. 507; Указ Президиума ВС РСФСР от 20.12.1983 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1983. № 51, ст. 1782.

¹⁵ См.: Разъяснение Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 09.07.1980 // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1980. № 10.

¹⁶ закон РФ от 25.09.1992 № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» // Российская газета. 1992. 6 окт.

ли категорично признавать указанные обстоятельства за общее правило. Так, в КЗоТ 1922 г. (ст. 48) говорилось о праве нанявшегося на увольнение вследствие «неполучения им в срок установленного вознаграждения, нарушения принятых нанимателем на себя по договору обязанностей или законов о труде» и т. д. лишь при договоре, «заключенном на срок... до истечения такового». По убеждению И. С. Войтинского, норма ст. 48 «касалась трудового договора вообще, а первые три слова – «заключенный на срок» – стали результатом «явного недосмотра, ограничили область применения ст. 48, исказили ее социально-политический смысл» [12, с. 55]. Однако следующие кодифицированные акты – Основы 1970 г. (ст. 16) и КЗоТ 1971 г. (ст. 32) – хотя и сделали перечень уважительных причин для расторжения договора по требованию работника открытым, по-прежнему увязывали эти причины с прекращением лишь срочного соглашения. Неточность законодателя была исправлена в процессе применения указанных актов, соответствующие нормы которых толковались расширительно. КЗоТ же 1971 г. только в редакции 1992 г. стал прямо предусматривать возможность увольнения работника по собственному желанию в указанный им срок (в связи с зачислением в учебное заведение, переходом на пенсию и в других случаях). В действующем ТК РФ (ч. 3 ст. 80) также оправданно закрепляется данное правило.

И другой прогрессивный алгоритм расторжения трудового договора по инициативе работника без необходимости следования предписаниям закона о сроке предупреждения первоначально был выработан советской правоприменительной практикой, став положением КЗоТ только в 1983 г. Здесь имеется в виду договоренность между сторонами договора о его прекращении до истечения срока предупреждения об увольнении [13]. Эта норма позднее была воспринята и ТК РФ (ч. 2 ст. 80). Такая договоренность, по мнению специалистов, «не меняет основания прекращения трудового договора, а касается только срока предупреждения об увольнении по собственному желанию» [1]. В этой связи представляют интерес попытки закрепления в кодифицированном акте весьма спорного права администрации расторгнуть трудовой договор после принятия на работу нового сотрудника вместо увольняющегося, не дожидаясь окончания срока предупреждения об увольнении. Так, в ходе обсуждения проекта КЗоТ 1971 г. в Комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР по этому вопросу завязалась дискуссия между представителями Верховного суда (можно уволить до истечения срока предупреждения, если есть приказ о переводе другого работника) и Прокуратуры (увольнение до истечения срока предупреждения в этом случае допустимо, но только по соглашению сторон). И те и другие участники дискуссии ссылались на опыт

правоприменения. В итоге четкого решения по этому вопросу Комиссия принять не смогла¹⁷. Долгое время (вплоть до принятия ТК РФ) он не был урегулирован и на законодательном уровне, что препятствовало выработке единообразного подхода на практике.

Нельзя признать оправданным и подход законодателя к вопросу о праве на отзыв работником поданного им заявления об увольнении по собственному желанию. На заседании упомянутой выше Комиссии Р. З. Лившиц, являвшийся членом рабочей группы по подготовке проекта КЗоТ 1971 г., прямо заявил, что из-за разногласий «мы не решились это записать» [13]. Вместе с тем стратегическая линия ученых-трудовиков, участвовавших в работе Комиссии, в целом была направлена в сторону защиты интересов работников. Так, В. И. Смолярчук, оппонировав противникам права на отзыв заявления об увольнении, отмечал, что «... до сих пор законодатель стоял на пути усиления гарантий, это очень важное дополнение» [13]. Однако данный вопрос не получил нормирования в российском КЗоТ 1971 г., хотя в ряде других республиканских кодексах (КЗоТы Армянской и Молдавской ССР) он был урегулирован¹⁸. Пробел пришлось восполнять посредством разъяснений высшего судебного органа: в 1974 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что работник до истечения срока предупреждения вправе отозвать свое заявление и увольнение в этом случае не производится, если на его место не был приглашен другой работник, которому в соответствии с законом не может быть отказано в заключении трудового договора, и в иных случаях, если они предусмотрены КЗоТ¹⁹. Данное правило, в частности, распространялось на лиц, приглашенных на работу в порядке перевода (ст. 18 КЗоТ 1971 г.).

В этой связи важно в целом отметить большую роль советской юридической практики (профсоюзной, судебной и др.), а также доктрины в выработке и обобщении отдельных существенных элементов процедуры прекращения трудового договора по инициативе работника. Впоследствии некоторые из них находили отражение в актах кодификации. Таким образом, например, в 1983 г. ст. 31 КЗоТ 1971 г. была дополнена «эмпирическим» правилом о возможности расторжения трудового договора до истечения срока предупреждения об увольнении по договорен-

¹⁷ Надо сказать, что присутствовавшие на заседании представители науки трудового права (К. П. Горшенин, Р. З. Лившиц и др.) выступали против одностороннего «урезания» срока предупреждения об увольнении. Так, К. П. Горшенин, возражая представителю Верховного суда РСФСР, отметил, что «надо еще охранять права рабочих и служащих» [14].

¹⁸ В России право работника на отзыв заявления об увольнении впервые было закреплено только в ТК РФ (ч. 4 ст. 80).

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19.10.1971 (в ред. от 22.01.1974) «О применении в судебной практике Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде» (п. 7 «б») // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1974. № 3.

ности между работником и администрацией. Вместе с тем далеко не все ценные практические наработки, достойные законодательного нормирования, оперативно учитывались, что создавало препятствия для эффективной реализации работником своего права на увольнение по собственному желанию.

Таким образом, ретроспективный анализ правового регулирования отношений, связанных с расторжением трудового договора по инициативе работника, позволяет выделить в нем три основных периода (имперский, советский и современный). Нормы об условиях и порядке увольнения, закрепленные в фабричном законодательстве рубежа XIX–XX в., в основном базировались на цивилистических началах, что преимущественно отражало интересы нанимателя и государства. В советский период отношение законодателя к увольнению по собственному желанию работника было непоследовательным, варьируясь от его частичного признания (в случае бессрочного трудового договора) до полного запрета. В наиболее целостном виде регулирование процедуры увольнения по инициативе работника сложилось после принятия общесоюзных Основ законодательства о труде 1970 г. и республиканских КЗоТ. Однако сами акты кодификации страдали чрезмерной лаконичностью, законодатель не всегда был настроен отражать в них достойный внимания правовой опыт, сложившийся и обобщенный в ходе правоприменительной практики и исследованный на доктринальном уровне (право на отзыв заявления об увольнении, право на увольнение до истечения срока предупреждения и др.). В рамках третьего периода во время разработки Трудового кодекса РФ участниками кодификации была взята на вооружение значительная часть ранее применявшихся правил о расторжении договора по инициативе работника за исключением положений, ограничивавших права лиц, заключивших срочный трудовой договор. Эти нормы составили основу правового регулирования увольнения по собственному желанию, за время действия ТК РФ они не подвергались существенным изменениям, что говорит об их эффективности и соответствии сложившимся отношениям в сфере труда.

Ссылки

1. Андриановская И. И. Порядок расторжения трудового договора по инициативе работника // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2009. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М.: НОРМА, 2001. 384 с.

3. Памятники российского права: в 35 т. Т. 26: Кодексы законов о труде: учебно-научное пособие / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова, А. М. Лушникова. М.: Юрлитинформ, 2016. 528 с.
4. Иванов С. А., Лившиц Р. З., Орловский Ю. П. Советское трудовое право: вопросы теории. М.: Наука, 1978. 368 с.
5. Александров Н. Г. Вопросы труда в советском законодательстве. М.: Профиздат, 1936. 184 с.
6. Розин Б. Я. Расторжение срочного трудового договора // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 126–129.
7. Куренной А. М. Трудовое право: на пути к рынку. М.: Дело, 1997. 368 с.
8. Иванов А. Б. О некоторых проблемах подготовки Трудового кодекса Российской Федерации 2001 года // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. 2015. № 4. С. 74–77.
9. Иванов А. Б. Кодификация советского трудового законодательства в 20-е годы XX века: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 196 с.
10. Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова, Д. М. Генкина. М.: Юриздат, 1946. 481 с.
11. Хохлов Е. Б. Правовое регулирование труда в период демократической республики в России // Российский ежегодник трудового права / под ред. Е. Б. Хохлова. СПб.: Ежегодники права, 2005. № 1. С. 35–52.
12. Войтинский И. Письмо в редакцию «Вопросов труда» (о толковании ст. 48 КЗоТ) // Вопросы труда. 1923. № 9. С. 54–55.
13. Материалы к проекту Кодекса законов о труде РСФСР (1971 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 26. Д. 393. Л. 62–70.

Topical issues of differentiation of self-defense of civil rights and arbitrariness

I. I. Makarov¹

¹Moscow University of Finance and Law MFUA, 1 Kuznetsova str., Yaroslavl 150054, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-468-479

Research article
Full text in Russian

The article examines the issues of differentiation of self-defense of civil rights and arbitrariness. The legislative differentiation of these legal institutions is necessary in order to avoid unjustified involvement of persons implementing measures of self-defense of violated rights to criminal liability for such a composition of a criminal act as arbitrariness. The most frequent cases of the implementation of self-defense measures in contractual, non-contractual relations and property relations are analyzed for their possible qualification as a criminal act in the form of arbitrariness. Recommendations on improving legislation and judicial practice on the implementation of self-defense measures of civil rights are presented.

Keywords: arbitrariness; self-protection of rights in contractual relations; self-protection of property rights; conditions of self-protection; retention

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Makarov, Igor I. | E-mail: hirinaa@yandex.ru
| Cand. Sc. (Economic), Associate Professor

Актуальные вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства

И. И. Макаров¹

¹Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-468-479
УДК 343.35

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуются вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства. Законодательное разграничение указанных правовых институтов необходимо для того, чтобы избежать необоснованного привлечения лиц, реализующих меры самозащиты нарушенных прав, к уголовной ответственности по такому составу уголовно-правового деяния, как самоуправство. Анализируются наиболее частотные случаи реализации мер самозащиты в договорных, внедоговорных отношениях и отношениях собственности на предмет их возможной квалификации как уголовно-правового деяния в форме самоуправства. Представляются рекомендации по совершенствованию законодательства и судебной практики по реализации мер самозащиты гражданских прав.

Ключевые слова: самоуправство; самозащита прав в договорных отношениях; самозащита права собственности; условия самозащиты; удержание

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаров, Игорь Игоревич	E-mail: hirinaa@yandex.ru
	Кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

В российском законодательстве детально не конкретизируются меры самозащиты гражданских прав, что нередко приводит к квалификации указанных действий как уголовно-правового деяния – самоуправства. Разграничение самозащиты гражданских прав и самоуправства на законодательном уровне необходимо для предотвращения необоснованного применения мер уголовной ответственности в отношении лиц, которые искренне

считают, что действуют в своем праве, подкрепляя свою позицию ссылкой на расплывчатые формулировки закона, в частности на ст. 14 ГК РФ, а также мнения ведущих научных специалистов в области уголовного права.

Нередко на практике пределы самозащиты гражданских прав определяются не нормами гражданского права, а квалификацией односторонних действий по защите прав и законных интересов граждан через призыв таких составов преступлений, как самоуправство, а также института необходимой обороны. Большую роль в практике разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства имеет уровень правосознания лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, а именно: следователей, прокуроров, судей. Немаловажное значение имеет состояние юридической практики по уголовным делам – тенденции развития судебной практики, определяемой Верховным и Конституционным судами РФ.

Остановимся на анализе правовых явлений самозащиты гражданских прав и самоуправстве. Самозащита гражданских прав является одним из способов защиты гражданских прав. Институт самозащиты имеет давние исторические корни. Так, в дореволюционном гражданском праве в качестве внесудебной защиты гражданских прав рассматривались необходимая оборона, состояние крайней необходимости и дозволенное самоуправство, или самопомощь. Дозволенное самоуправство предусматривало возможность односторонних действий, направленных на восстановление нарушенного права.

Законодатель определяет общие критерии осуществления самозащиты гражданских прав. Во-первых, меры самозащиты должны отвечать требованиям соразмерности нарушенного права, а во-вторых, реализация мер самозащиты не должна выходить за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения.

В совместном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 6 и Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 в п. 9 разъяснено, что самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный[1].

Условия реализации мер самозащиты гражданских прав носят общий характер. Общая трактовка условий реализации мер самозащиты является недостатком современного института самозащиты гражданских прав. Законодатель определяет право на самозащиту в общих чертах, не детализируя его. Данный недостаток отмечен многими исследователями. Как указывает Е. Б. Казакова, «на практике особенно проблематичным является вопрос отграничения самозащиты имущественных прав от самоуправства как уголовно наказуемого деяния. Значительная часть само-

управных действий и раньше, и сейчас продиктована стремлением разрешить в свою пользу какой-либо имущественный спор, который в силу некоторых причин затруднительно решить согласно установленному законом порядку» [2, с. 67].

Аналогичной позиции придерживается и О. Г. Лазаренкова, которая обращает внимание на «...неоправданность слишком широкого понятия самозащиты, поскольку на практике зачастую невозможно четко провести грань между самозащитой и наказуемым самоуправством» [3, с. 146].

Показательно в этом отношении обращение гражданина К. Н. Храповицкого в Конституционный Суд РФ о признании ст. 330 УК (самоуправство) и ст. 359 ГК РФ (удержание) не соответствующими Конституции РФ [4]. В качестве основания заявитель ссылаясь на неопределенность содержащегося в ст. 330 УК РФ понятия самоуправства, которая позволила суду признать его виновным в совершении преступления, в то время как он реализовывал законное право на удержание вещи. Суд отказал в принятии к рассмотрению жалобы, сославшись на то, что вопросы квалификации уголовных деяний относятся к компетенции судов общей юрисдикции и не входят в компетенцию Конституционного Суда РФ.

В определенной степени Конституционный Суд РФ косвенным образом определил, что вопросы разграничения права на самозащиту и самоуправства могут быть разрешены в рамках уголовного судопроизводства по конкретному делу. Но в рамках уголовного процесса суд, квалифицируя спорные меры самозащиты как самоуправство, по сути дела предопределяет исход гражданского спора, подменяя назначение уголовного судопроизводства. Произвольная трактовка мер самозащиты является питательной средой для различного рода злоупотреблений, нарушений прав граждан, снижает эффективность мер самозащиты гражданских прав.

Характерно, что лица, удерживающие имущество с целью защиты нарушенных прав, стараются теперь не доводить дело до вынесения приговора и немедленно возвращают имущество потерпевшей стороне, для того чтобы прекратить уголовное преследование. Данная тенденция подтверждается материалами судебной практики. Так, Аджамов удерживал один миллион рублей, полученный от одного из должников Асояна, за невыплату последним вознаграждения за оказанную услугу в качестве посредника по другой сделке. После возбуждения уголовного преследования по факту самоуправства денежная сумма была немедленно возвращена. Уголовное дело прекращено в связи с тем, что Аджамов с потерпевшим примирился, загладил причиненный вред, совершил преступление небольшой тяжести впервые [5].

В этой связи интересен германский правовой опыт. Институт самозащиты гражданских прав в германском праве хорошо структурирован и развит. В историко-правовом аспекте имеется определенное сходство: как и в русском гражданском праве, так и германском праве проводилось различие между самозащитой в форме необходимой обороны и крайней необходимостью и самопомощью. Институт самозащиты прав в германском праве регулирует возможность реализации мер самозащиты как в вещном, так и в обязательственном праве. Германские законодатели избрали следующий подход к реализации мер самозащиты гражданских прав: опытным путем предусмотрели все возможные способы самозащиты в гражданском законодательстве, возможно, с целью недопущения трактовки тех же действий в негативном уголовно-правовом аспекте самоуправства. Механизм осуществления самозащиты гражданских прав характеризуется детальной регламентацией способов самозащиты гражданских прав [2, с. 67].

В российском гражданском праве имеется в некоторой степени сходный подход. Существенно переработав нормы института залога, законодатель обеспечил эффективную самозащиту прав кредитора посредством внесудебного порядка обращения взыскания на предмет залога. Внесудебный порядок обращения взыскания на предмет залога как способ самозащиты допустим, если предусмотрен договором залога. Исходя из практики делового оборота, внесудебный порядок обращения взыскания возможен только в отношении движимых вещей, не требующих государственной регистрации или постановки на соответствующий учет.

Положительным моментом явилось уменьшение существенных условий договора залога. При чем цена предмета залога, если иное не установлено соглашением сторон, стала определяться согласно ч. 3 ст. 340 ГК исходя из цены реализации объекта залога при нарушении основного обязательства. Данная мера снизила количество оспариваемых сделок по такому основанию, как реализация заложенного имущества ниже рыночной стоимости. Внесудебный порядок реализации заложенного имущества потребовал введения особого статуса добросовестного залогодержателя, который обладает приоритетным правом обращения взыскания на объект залога даже в том случае, когда имущество передано в залог лицом, не имеющим на это право, о чем добросовестный залогодержатель не знал и не должен был знать. В определенной степени в этом проявляется отход законодателя от абсолютного характера защиты права собственности. Но в то же время защищает интересы залогодержателя, позволяя реализовать заложенное имущество в бесспорном порядке. Продуманная юридическая конструкция по реализации мер самозащиты прав залогодер-

жателя исключает возможность трактовки действий залогодержателя как самоуправства.

Самоуправство как состав преступления согласно ст. 330 УК РФ характеризуется несколькими обязательными, но в то же время недостаточно определенными признаками. Во-первых, самоуправное деяние предусматривает совершение каких-либо действий, что прямо предусмотрено законом. Но приведённый выше пример судебной практики показывает, что суды, используя расширительное толкование закона, рассматривают в качестве самоуправного деяния незаконное удержание имущества.

Характерно, что в научной среде преобладала точка зрения, согласно которой самоуправство возможно только в форме активного действия [6, с. 8]. С. В. Артюшкина считает, что «...необходимо совершение активных действий, так как путем бездействия самоуправство совершить невозможно» [7, с. 67].

Но судебная практика внесла соответствующие коррективы в теоретическую конструкцию состава преступления самоуправства. Такой подход совершенно не оправдан. Удержание не должно рассматриваться как вид самоуправства. Если имущество поступило в обладание лица на законных основаниях и удерживается им для реализации спорного права, то у потерпевшей стороны имеются гражданско-правовые способы истребования вещи из чужого незаконного владения посредством предъявления виндикационного иска, а также возможность требовать возмещения убытков. Кроме того, вызывает большие сомнения правильность оценки степени общественной опасности деяния, поскольку степень общественной опасности незаконного удержания явно недостаточна для квалификации такого деяния, как преступления. Использование уголовного преследования как средства разрешения имущественных споров является вопиющим нарушением принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ.

Второй признак предусматривает совершение действий вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку. Но порядок совершения действий может быть нечетко сформулирован и применение ст. 330 УК будет полностью зависеть от трактовки порядка осуществления прав должностными лицами правоохранительных органов и судьями.

В-третьих, в результате совершенных действий причинен существенный вред. Понятие существенного вреда законодательно не определено и является оценочной категорией в каждом конкретном случае.

В-четвертых, правомерность самоуправного деяния оспаривается организацией или гражданином в установленном законом порядке. Если

правомерность мер самозащиты не подвергается сомнению, то они не могут образовывать состава преступления самоуправства.

В предмете правового регулирования гражданского права имеются виды отношений, где применение мер самозащиты прав соприкасается с зыбкой гранью состава преступления самоуправства. Прежде всего это отношения, возникающие из факта заключения договора подряда, аренды и коммерческого найма жилого помещения. Очень часто меры самозащиты, граничащие с самоуправством, вызваны недобросовестным поведением самого обязанного лица.

В подрядных отношениях используется такой способ самозащиты прав, как удержание. Заказчик или генеральный подрядчик передает для выполнения работ оборудование подрядчику. В случае неисполнения обязанности по оплате выполненных работ подрядчик вправе удерживать оборудование до полного исполнения обязанности по оплате. Данный способ защиты предусмотрен гражданским законодательством (ст. 359 ГК РФ). Но в практике делового оборота сложилась негативная ситуация, когда заказчик или генеральный подрядчик выступает в роли номинального лица в отношениях с подрядчиками и третьими лицами. Дело в том, что всё имущество заказчика или генерального подрядчика распределено по родственным аффилированным структурам. Дебиторская задолженность, получаемая от реализации объектов недвижимости, направляется партнерам заказчика на основании соглашения об уступке права требования. Денежные средства на счете отсутствуют, имущества практически нет. Установить движение денежных потоков не представляется возможным, поскольку сведения о контрагентах юридического лица являются коммерческой тайной. В случае недобросовестности Заказчика у подрядчика практически полностью отсутствует возможность получить причитающееся ему вознаграждение за выполненные работы, поскольку в ходе исполнительного производства будет установлено отсутствие имущества и денежных средств на счете должника. Существует теоретическая возможность обращения взыскания на дебиторскую задолженность, но на практике это трудно реализуемо, особенно если заказчик как юридическое лицо зарегистрирован в другом регионе. Единственный способ получить оплату в относительно приемлемые разумные сроки – это удержание имущества заказчика. Но это имущество юридически не принадлежит заказчику, оно оформлено на родственное юридическое лицо, которое обращается в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела по факту самоуправства. В итоге подрядчик не только не получает оплату за выполненные работы, но еще и привлекается к уголовной ответственности. Явная двойная несправедливость приводит к деформации правосознания граждан.

Ввиду неопределенности механизма реализации мер самозащиты целесообразно предусматривать возможность мер самозащиты гражданских прав в условиях конкретного договора. В противном случае возможно возбуждение уголовного дела по факту самоуправства.

В договорных отношениях стороны прибегают к способам самозащиты в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств между собой либо стороны могут оговорить способы самозащиты на будущее. Ряд авторов полагают, что односторонний отказ от договора в результате нарушения субъективных прав является формой самозащиты гражданских прав [8, с. 60]. Действительно, при ненадлежащем качестве работ или задержке сроков выполнения работ заказчик вправе прекратить отношения и поручить работу другим лицам, реализуя защиту нарушенных прав во внесудебном порядке.

В рамках изучения проблемных вопросов самозащиты гражданских прав в процессе неформальной беседы с работниками правоохранительных органов, следователями был выявлен интересный феномен. Лица, осуществляющие правоприменительную деятельность, квалифицировали действия по самозащите прав, предусмотренных договором, как правомерные действия гражданско-правового характера. В том случае, если аналогичные действия не были предусмотрены договором и причинили значительный ущерб, данные действия квалифицировались как уголовно-правовое деяние по ст. 330 УК РФ – самоуправство.

Налицо формирование стереотипа правомерности действий по самозащите гражданских прав, если они предусмотрены условиями договора. Сформировавшийся стереотип имеет большое значение в практике применения мер самозащиты гражданских прав. С одной стороны, создает психологический барьер по обжалованию мер самозащиты как самоуправных действий, поскольку сторона по договору знала о возможных мерах самозащиты гражданских прав и дала согласие на применение данных мер. С другой стороны, сформировавшийся стереотип создает благоприятные условия для принятия решения должностных лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, об отказе в возбуждении уголовного дела либо прекращении уголовного преследования по ст. 330 УК – самоуправство.

Данный подход имеет отражение и в научной среде. Так, И. П. Титенков отмечает, что «...если стороны достигли соглашения о применении в случае нарушения обязательства иных способов самозащиты, то, соответственно, пределы применения и реализации этих способов устанавливаются сторонами самостоятельно, сообразно с принципом свободы договора» [9, с. 156].

Вместе с тем в определенных видах договорных отношений неразрешенным остается вопрос о допустимости применения предусмотренных договором мер самозащиты, если реализация мер самозащиты превышает предотвращенный ущерб. В частности, договором аренды предусмотрена возможность блокирования транспортных боксов в случае неуплаты арендной платы и размер недополученных доходов от такого блокирования превышает сумму задолженности по арендной плате.

В механизме правового регулирования установлено, что меры самозащиты должны быть соразмерны последствиям нарушения субъективных прав. Но, с другой стороны, предусмотренные договором меры самозащиты могут рассматриваться как форма ответственности. Противоречивая ситуация должна быть разрешена в законодательном порядке посредством принятия нормы права, допускающей применение мер самозащиты в соответствии с условиями договора, даже если меры самозащиты не соответствуют характеру и способу нарушения и превышают предотвращенный ущерб. В таком случае меры самозащиты, предусмотренные договором, могут рассматриваться как форма гражданско-правовой ответственности.

Иногда, чтобы устранить основание привлечения к уголовной ответственности, принимаются меры, направленные на размывание ответственности. Помимо условий договора, меры самозащиты гражданских прав предусматриваются в локальных нормативных актах, определяющих меры юридического воздействия на правонарушителя, которые утверждаются участниками юридического лица и обязательны для исполнительного органа и работников трудового коллектива. В таком случае привлечение к уголовной ответственности руководителя, работников и учредителей юридического лица становится весьма проблематичным.

Широкое распространение применения мер самозащиты получило в сфере жилищных отношений. Дело в том, что в отношениях коммерческого найма жилого помещения имеется некоторый дисбаланс защиты интересов наймодателя и нанимателя установленными законом средствами. В случае неоплаты жилья и коммунальных услуг более шести месяцев, а также порчи жилого помещения наниматель может быть выселен из жилого помещения только в судебном порядке. Процедура достаточно длительная. К тому же суд может предоставить отсрочку до одного года по исполнению решения суда о выселении. Некоторые недобросовестные наниматели проживают по несколько месяцев, не внося плату за жилое помещение. Вправе ли наймодатель в договоре предусмотреть меры самозащиты прав и реализовать их во внесудебном порядке? Либо действия наймодателя будут квалифицированы как самоуправство по ст. 330 УК РФ? Данные вопросы детально не урегулированы законодательством.

Специфика жилищных отношений оказала влияние на практику делового оборота. Не дожидаясь разрешения теоретических коллизий, в договорах коммерческого найма в качестве существенных условий договора стали предусматривать заключение договора на месяц с последующим перезаключением, блокировку доступа в жилое помещение, когда дверь закрывается на второй или третий замок, ключ от которого имеется только у наймодателя, скрытое отключение электроэнергии и т. д. Вопрос о правомерности данных действий, направленных на защиту своих прав и законных интересов, остается неопределенным, поскольку в опубликованной судебной практике отсутствуют сведения о привлечении к уголовной ответственности лиц по указанным выше основаниям.

Во внедоговорных отношениях к мерам самозащиты принято относить необходимую оборону и действия в состоянии крайней необходимости. В этих отношениях также выявляется острейшая проблема возможности квалификации самозащиты гражданских прав как в форме правомерного, так и неправомерного действия. Е. В Вавилин справедливо указывает, что «...правоприменительная практика, комментарии к закону дают основание полагать, что категория необходимой обороны не отвечает в полной мере задачам гарантирования естественных неотчуждаемых прав человека и должна быть переосмыслена. Специалисты отмечают, что условия и основания применения мер самозащиты требуют большей определенности, поскольку недостаточно оправданное использование самостоятельной защиты квалифицируется как неправомерное действие» [10, с. 5].

При определении мер самозащиты в форме необходимой обороны суд исходит из объективной оценки возможности урегулирования конфликтной ситуации другими способами. В то время как лицо, реализующее меры самозащиты, исходит из субъективной оценки характера и степени нарушения его прав на момент совершения правонарушения, на эмоциональном уровне представляя высшую форму опасности для себя и окружающих. Данное обстоятельство должно учитываться при определении правомерности или неправомерности мер самозащиты прав.

В современном российском праве не детализирован институт самозащиты права собственности и иных вещных прав. Потребность в регламентации мер самозащиты права собственности проявляется прежде всего в возможности физических лиц осуществлять охрану своего жилища опасными средствами, используя принцип «мой дом – моя крепость».

Самозащита права собственности может быть осуществлена в виде превентивных мер, например путем установления ограждения, сигнализации, охраны территории служебной собакой и т. д. В некоторых южноафриканских странах, таких как ЮАР, Ботсвана, Намибия, можно уви-

деть целые кварталы домовладений с установленным электрическим ограждением. В Российской Федерации такие меры рассматриваются как неправомерные действия. Непонятна логика лиц, осуществляющих правоприменение. Хорошо обученная служебная собака может причинить больший вред, в том числе и случайный вред, чем электрическое ограждение. Поэтому в данном направлении необходима детальная регламентация правовой охраны частного владения.

Подводя итоги, отметим, что большинство из способов защиты предусматривают судебную защиту гражданских прав, а нормы института самозащиты настолько размыты, что не позволяют гражданам в полной мере воспользоваться этим правом. В целях разграничения института самозащиты гражданских прав и самоуправства следует преодолеть приоритет норм уголовного права в определении пределов самозащиты гражданских прав. Гражданское законодательство должно содержать нормы права, детально регламентирующие применение самозащиты в вещном и обязательственном праве. В качестве мер по совершенствованию механизма правового регулирования по самозащите гражданских прав следует внести следующие предложения.

Во-первых, на уровне Верховного суда РФ изменить практику правоприменения, которая заключается в том, что суды, используя расширительное толкование закона, рассматривают в качестве самоуправного деяния незаконное удержание имущества. Следует разъяснить судам, что самоуправное деяние может быть только в форме активного действия, поскольку степень общественной опасности пассивного поведения по удержанию вещи не соответствует степени общественной опасности, необходимой для квалификации деяния как преступления.

Во-вторых, меры самозащиты, предусмотренные договором, могут осуществляться даже в том случае, если они несоразмерны последствиям нарушения обязательства.

В-третьих, при оценке пределов самозащиты суд должен не только исходить из объективной оценки возможности урегулирования ситуации другими способами, но и учитывать субъективную оценку потерпевшим степени нарушения его прав на момент совершения правонарушения.

Ссылки

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9.

2. Казаков Е. Б. Актуальные вопросы самозащиты в различных отраслях российского права в современных условиях // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 67–72.

3. Лазаренкова О. Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 197 с.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 92-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Храповицкого Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав ст. 359 Гражданского кодекса РФ, ст. 330 Уголовного кодекса РФ и п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС Консультант Плюс.

5. Постановление мирового судьи судебного участка № 4 Ленинского района г. Тамбова от 7 июня 2017 г. по делу № 1-14/2017 [электронный документ]. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/575> (дата обращения: 12.07. 2022).

6. Орешкина Т. Ю. Самоуправство: понятие, признаки, соотношение с самозащитой гражданских прав и злоупотреблением правом // Уголовное право. 2008. № 2. С. 7–12.

7. Артюшкина С. В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 208 с.

8. Васькин В. В., Овчинников Н. И., Рогович Л. Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1988. 182 с.

9. Титенков И. П. Уголовная ответственность за самоуправство: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 213 с.

10. Вавилин Е. В. Самозащита гражданских прав // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 5–9.

Law-enforcement problems of implementing the provisions of the Decree of 8 July 1944 on the recovery of maintenance for minor children

E. E. Lekanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-480-493

Research article
Full text in Russian

The purpose of this article is to identify the most important law-enforcement problems in implementing the provisions of the Decree of 8 July 1944 on the recovery of maintenance for minor children. The relevance of the study is due to the cyclicity of historical events, alternately causing either a tightening or a liberalization of the legal regulation of family relations. The article analyzes the judicial practice of the 1940s related to the recovery of maintenance for illegitimate children. The author of the article draws attention to the legislative-technical and contentual disadvantages of the Decree of 8 July 1944, which were discriminatory in relation to illegitimate children and their mothers. These disadvantages motivated courts to replace the legislator for the sake of these persons. In the process of law-enforcement practice of the post-war period, the Supreme Court of the USSR created in fact a new rule on the mother's right to receive maintenance for children born out of wedlock after the issuance of the Decree of 8 July 1944, thereby exceeding its powers, although it was guided by noble motives.

Keywords: Decree of 8 July 1944; Supreme Court of the USSR; child maintenance; illegitimate child; right to maintenance; single mother; discrimination; paternity establishment; state allowance; registered marriage

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lekanova, Ekaterina E.	E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
	ORCID: 0000-0003-4350-7955
	Postgraduate

Правоприменительные проблемы реализации положений Указа от 8 июля 1944 года о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей

Е. Е. Леканова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-480-493
УДК 347.63

Научная статья
Полный текст на русском языке

Целью данной статьи является выявление наиболее важных правоприменительных проблем реализации положений Указа от 08.07.1944 о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Актуальность исследования обусловлена цикличностью исторических событий, попеременно вызывающих то ужесточение, то либерализацию правового регулирования семейных отношений. В статье анализируется судебная практика 40-х годов, связанная со взысканием алиментов на содержание внебрачных детей. Автор статьи обращает внимание на технико-юридические и содержательные недостатки Указа от 08.07.1944, которые носили дискриминационный характер по отношению к внебрачным детям и их матерям, побуждали судебные инстанции к подмене законодателя в интересах данных лиц. В процессе правоприменительной практики послевоенного периода Верховный суд СССР фактически создал новую норму о наличии у матери права получать алименты на содержание детей, родившихся в фактическом браке после издания Указа от 08.07.1944, тем самым превысив свои полномочия, хотя и руководствовался благородными мотивами.

Ключевые слова: Указ от 08.07.1944; Верховный суд СССР; алименты; внебрачный ребенок; право на содержание; одинокая мать; дискриминация; установление отцовства; государственное пособие; зарегистрированный брак

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леканова, Екатерина Евгеньевна | E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4350-7955
Аспирант

Взыскание алиментов как в советский, так и в постсоветский период было прямо связано с вопросом об установлении происхождения ребенка. До 8 июля 1944 года при наличии заявления о рождении детей, родители которых не состояли в браке, регистрация производилась в том же порядке, что и при состоянии родителей в браке (п. 7 Инструкции ВЦИК РСФСР от 20.03.1933 «О порядке регистрации актов рождения»¹ (далее – Инструкция от 20.03.1933)). Замужняя мать ребенка была вправе указать отцом мужчину, не являющегося ее мужем, без согласия мужа и лица, указываемого в качестве отца (п. 11 Инструкции от 20.03.1933). В соответствии с правилом ст. 28 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года² (далее – КЗоБСО) (ред. от 20.07.1933) при отсутствии или несогласии лица, указываемого отцом, матери предоставлялось право в период беременности или после рождения ребенка подать заявление об отце ребенка в орган ЗАГС по своему местожительству, указывая имя, отчество, фамилию и местожительство отца ребенка. Мужчина, указанный матерью в качестве отца, регистрировался органами ЗАГС в качестве отца ребенка независимо от возражений с его стороны. Если в течение месяца со дня извещения органами ЗАГС о поступлении заявления на установление отцовства лицо, названное отцом, предоставляло возражения в органы ЗАГС, то у него появлялось право отрицать отцовство в судебном порядке в течение одного года (ст. 29 КЗоБСО (ред. от 20.07.1933), п. 9 Инструкции от 20.03.1933). При неизвестности отца или при отказе матери указать отца ребенку присваивалась материнская фамилия, отчество записывалось по выбору матери, а в графе «особые отметки» актовой записи о рождении указывалось, что мать отказалась сообщить требуемые сведения (п. 12 Инструкции от 20.03.1933).

В связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944³ (далее – Указ от 08.07.1944) ситуация по отысканию отцовства и взысканию алиментов на содержание несовершеннолетних детей в СССР серьезно поменялась. В соответствии с положением п. 20 Указа от 08.07.1944 отменялось право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, ро-

¹ Инструкция о порядке регистрации актов рождения (утв. Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 20.03.1933) // СУ. 1933. № 22, ст. 74 (утратила силу в связи с изданием Указа ПВС СССР от 08.07.1944).

² Кодекс законов о браке, семье и опеке (введен в действие Постановлением ВЦИК от 19.11.1926) // СУ РСФСР. 1926. № 82, ст. 612 (утратил силу в связи с изданием Указа ПВС РСФСР от 16.01.1970).

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (ред. 08.07.1944) // Ведомости ВС СССР. 1944. № 37 (действующий в ред. от 02.09.1981).

дившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. Данная норма нечетко определяла *момент (период), в который родители ребенка должны находиться в зарегистрированном браке для появления у матери права на установление отцовства ребенка от мужа и взыскания с него алиментов.*

Каким является данный момент (период), с некоторой долей вероятности можно установить путем толкования нормы п. 21 Указа от 08.07.1944, согласно которой при регистрации в ЗАГС рождения ребенка от матери, не состоящей в зарегистрированном браке, ребенок записывался по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери. Данная норма помогает установить, что для наличия у матери права на обращение в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, она должна была состоять в браке на момент регистрации рождения ребенка. В соответствии с правилом ст. 118 КЗоБСО (в ред. от 16.04.1945) рождение ребенка должно было быть зарегистрировано не позднее месяца со дня рождения. При этом не исключена была ситуация, в рамках которой брак матери мог прекратиться по тем или иным причинам во время беременности. В то же время А. И. Пергамент полагает, что моментом (периодом), в который родители ребенка должны были находиться в зарегистрированном браке для появления у матери права на установление отцовства ребенка от мужа и взыскания с него алиментов, мог выступать не только момент регистрации рождения ребенка, но и момент зачатия ребенка. В качестве обоснования своей точки зрения А. И. Пергамент ссылается на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 19 августа 1950 года по делу 36/817 об отмене решения Народного суда 5-го участка города Щербакова (ныне – города Рыбинска). Отмененное решение заключалось в отказе удовлетворения иска о взыскании алиментов, так как истец, претендующий на воспитание ребенка, не был вписан в свидетельство о рождении ребенка в качестве отца вследствие того, что ребенок родился спустя месяц после расторжения брака между ответчицей и истцом. Согласно позиции Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по данному делу, сопоставление даты расторжения брака с датой рождения ребенка подтверждает факт рождения ребенка от брака истца с ответчицей [1, с. 28–29]. Из этого следует, что в Указе от 08.07.1944 весьма небрежно был определен момент, в который мать и отец ребенка должны были находиться в браке, зарегистрированном в органах ЗАГС, для наличия у матери права для установления происхождения своего ребенка от отца и взыскания алиментов на содержание ребенка. Только в Инструкции Минюста РСФСР от 20.01.1958 г. «О порядке регистрации актов гражданского

состояния» для установления отцовства стал учитываться период зачатия ребенка⁴.

Кроме того, если мать не регистрировала рождение ребенка в надлежащий срок, а брак матери успевал прекратиться за это время, то в дальнейшем она не могла взыскать алименты с предполагаемого отца. При этом следует различать запись о рождении ребенка и запись об установлении отцовства. Если мать ребенка, рожденного в период с 8 июля 1944 года по 1 октября 1968 года, во время состояния в браке регистрировала рождение ребенка, но по каким-либо причинам ее муж не указывался в качестве отца ребенка, то впоследствии независимо от состояния в браке мать не лишалась права установить отцовство ребенка и взыскать алименты.

К примеру, несколькими инстанциями с 1952 по 1955 год рассматривалось дело о взыскании алиментов, основанном на том, что у гр. Маргиной в период нахождения в зарегистрированном браке родилась в 1946 году дочка Виолетта, отцовство в отношении которой в органах ЗАГС не было зарегистрировано, так как муж матери ребенка гр. Скоробогатов в момент регистрации рождения дочери находился в командировке. У гр. Маргиной в момент регистрации рождения при себе имелось только свидетельство о заключении брака, а копия паспорта мужа отсутствовала, поэтому работник органа ЗАГС отказал во внесении сведений о муже как об отце в запись о рождении. В течение нескольких следующих лет родители Виолетты не восполнили данные сведения. Народный суд 4-го участка Центрального района города Новосибирска решением от 29 октября 1952 года взыскал с гр. Скоробогатова на содержание дочери ежемесячно по $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка с 23 октября 1952 года. Данное решение было отменено 15 июня 1953 года, так как согласно позиции Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР истица Маргина не вправе была обращаться в суд с иском о взыскании алиментов с ответчика, поскольку ответчик Скоробогатов в свидетельстве о рождении не записан отцом ребенка гр. Маргиной. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отметила, что тот факт, что в свидетельстве о рождении ребенка ответчик не записан отцом ребенка, не лишает мать права требовать алименты с лица, с которым она состоит в зарегистрированном браке. Также Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в обоснование своей позиции обратила внимание на то, что гр. Скоробогатов признавал ребенка своим и содержал его продолжительное время. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР было отменено

⁴ Инструкция Минюста РСФСР от 20.01.1958 «О порядке регистрации актов гражданского состояния» // Юридическая литература. М., 1958 (утратила силу в связи с изданием Постановления Совмина РСФСР от 17.10.1969 № 592).

в связи с тем, что оно вынесено в нарушение Указа от 08.07.1944. Решение Народного суда 4-го участка Центрального района г. Новосибирска было отменено из-за нарушения ст. 101а ГПК РСФСР в связи с рассмотрением дела в отсутствие ответчика⁵.

Для полноты и точности картины необходимо отметить, что из правила о запрете на установление внебрачного отцовства и взыскания алиментов на детей, рожденных вне брака, было несколько исключений.

Во-первых, допускалось установление отцовства в регистрационном порядке в отношении ребенка, рожденного вне брака, при вступлении предполагаемым отцом в зарегистрированный брак с матерью этого ребенка и признании своего отцовства (п. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14.03.1945⁶, ст. 28 КЗоБСО в ред. от 16.04.1945).

Во-вторых, разрешалось установление отцовства фактического супруга матери ребенка при признании судом на основании Указа от 10.11.1944 матери ребенка фактической женой умершего на фронте или пропавшего без вести на фронте лица. В соответствии с разъяснением п. 5 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 года о признании умершего или пропавшего без вести супруга отцом детей, рожденных в фактическом браке, должно быть специально оговорено в определении суда о признании фактических брачных отношений⁷.

В-третьих, иски матерей о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося до издания Указа от 08.07.1944 от лица, с которым мать не состояла в зарегистрированном браке, подлежали рассмотрению в суде, если ответчик записан в качестве отца ребенка в книгах записей актов гражданского состояния (п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14.03.1945, прим. ст. 29 КЗоБСО в ред. от 16.04.1945).

Так, гр. Литовченко 22 мая 1941 года родила ребенка и просила Народный суд 5-го участка Ленинского района г. Москвы в 1941 году взыскать алименты с гр. Житова на содержание ребенка. Происхождение ее ребенка от отца было установлено в соответствии со ст. 28 и ст. 29 КЗоБСО (в ред. от 20.07.1933) (по заявлению матери в административном порядке и не оспорено гр. Житовым). Согласно норме ч. 2 ст. 50 КЗоБСО (в ред. от 16.04.1945) по делам о взыскании с родителей средств на содержание

⁵ См. подробнее: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 марта 1954 года по делу № 03/273-54 по иску гр. Маргиной к гр. Скоробогатову о взыскании алиментов // Судебная практика Верховного суда СССР. 1955. № 1. С. 31–32.

⁶ Указ ПВС СССР от 14.03.1945 «О порядке применения Указа ПВС СССР от 08.07.1944 г. в отношении детей, родители которых не состоят между собой в зарегистрированном браке» // Сборник законов СССР. 1968. № 2.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 августа 1950 года «О судебной практике по делам о взыскании средств на содержание детей» // Бюллетень Верховного суда СССР. 1965. № 5. С. 41 (утратило силу 14.03.1963).

детей суд в тех случаях, когда ответчик был записан родителем ребенка в книгах ЗАГС, одновременно с принятием искового заявления обязан вынести определение о том, в какой мере ответчик обязан временно, до разрешения спора, нести расходы по содержанию детей. Народный суд 5-го участка Ленинского района г. Москвы 16 июля 1941 года вынес определение, которым обязал гр. Житова выплачивать гр. Литовченко на содержание ребенка по 150 руб. ежемесячно, начиная с 6 июня 1941 года впредь до разрешения дела по существу. Из-за эвакуации истицы с ребенком из Москвы в период войны дело по существу не было рассмотрено по причине неоднократной неявки сторон, и 21 июня 1943 года было прекращено. Начисление алиментов также прекратилось. В 1944 году гр. Литовченко вернулась в Москву и обратилась в народный суд 2-го участка Ленинского района г. Москвы по тому же вопросу. Ее исковое заявление не было принято к рассмотрению на том основании, что она не состоит с Житовым в зарегистрированном браке и поэтому в силу Указа от 08.07.1944 не вправе обращаться в суд с иском о взыскании с гр. Житова алиментов. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 30 июля 1945 года отменила решение суда, указав, что в данном деле следовало руководствоваться правилом п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14.03.1945, а не нормой п. 20 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944⁸.

В свою очередь, в другом правоприменительном случае из материалов дела видно, что гр. Каплина и гр. Кислов в зарегистрированном браке никогда не состояли, ответчик отцом ребенка, родившегося у истицы в мае 1943 года, не был записан и таковым себя не признал. 12 мая 1945 года Народный суд 6-го участка Ростокинского района г. Москвы, рассмотрев данное дело о признании отцовства и взыскании алиментов, прекратил в силу Указа от 14.03.1945 производство по нему. 27 ноября 1945 года Судебная коллегия Верховного суда РСФСР определение народного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение по существу. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 20 февраля 1946 года заняла позицию суда первой инстанции⁹.

Несмотря на однозначность положений Указа от 14.03.1945 первое время после его принятия не все правоприменители правильно разрешали «алиментные дела». Примечательным по данному вопросу является еще одно судебное дело, из материалов которого следует, что ребенок гр.

⁸ См. подробнее: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР № 593 от 30 июля 1945 году по делу № 593 по иску А. И. Литовченко к Ф. Я. Житову // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1945. № 8. С. 28–29.

⁹ См. подробнее: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 ноября 1946 года по делу № 147 по иску М. В. Каплиной к А. Н. Кислову // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1946. № 2. С. 25.

Мольнер, хотя и родился до издания Указа от 08.07.1944, однако отцом ребенка гр. Егурной в момент предъявления иска не был записан. Народный суд 2-го участка г. Читы, рассмотрев дело по иску гр. Мольнер к гр. Егурнову о признании отцом ребенка и взыскании с него алиментов, решением от 10 июня 1944 года постановил признать ответчика отцом ребенка истицы и взыскивать с него алименты – 1/4 часть его зарплаты. Судебная коллегия Читинского областного суда определением от 14 декабря 1944 года решение народного суда отменила и прекратила производство по делу за отсутствием у истицы права на иск. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР определением от 10 мая 1945 года определение Читинского областного суда отменила и оставила в силе решение народного суда¹⁰. В данном случае «разноголосица» в принятии решений была вызвана тем, что в 1944 году еще не был издан Указ от 14.03.1945, который точным образом определял положение внебрачных детей, родившихся до 8 июля 1944 года.

То, что Указ от 08.07.1944 распространяется на будущие отношения, сомнений не вызывало или, точнее, не должно было вызывать у людей, обладающих достаточной правовой грамотностью. Но ответ на вопрос, каким образом Указ от 08.07.1944 влияет на правовое положение детей, родившихся до его принятия, более полугода напрямую не закреплялся в законодательстве. И именно в этот период анализируемое нами решение прошло целых три инстанции. А когда данное дело «попало в руки» Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР было уже 27 декабря 1945 года, то есть был принят Указ от 14.03.1945, на основании которого Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила оставить в силе определение Читинского областного суда от 14 декабря 1944 года.

Одной из правоприменительных проблем реализации положений Указа от 08.07.1944 о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей выступает также ***принятие высшей судебной инстанцией решений, противоречащих Указу от 08.07.1944, Указу от 14.03.1945 и КЗоБСО (в ред. от 16.04.1945).***

В правоприменительной практике суды столкнулись с ситуацией, в которой женщина родила двух детей от мужчины, с которым состояла длительное время в фактическом браке. Дочка гр. Никулиной родилась в 1937 году, и факт отцовства гр. Колобова в отношении нее был административно установлен. Сын истицы появился на свет 17 февраля 1945 года. Ответчик признал в отношении сына истицы факт своего отцовства в су-

¹⁰ См. подробнее: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 декабря 1945 года по делу № 1032 по иску В. Ф. Мольнер к Г. Д. Егурнову // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1946. № 3. С. 28.

дебном заседании, но не был вправе зарегистрировать данный факт административным путем. Народный суд Киквидзенского района Сталинградской области, рассмотрев 19 марта 1945 года дело по иску гр. Никулиной к гр. Колобову о взыскании алиментов на содержание двоих детей, решил: взыскать с гр. Колобова на содержание сына Юрия и дочери Надежды 1/3 часть заработка. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев дело в порядке надзора, определением от 15 мая 1947 года отменила решение народного суда от 19 марта 1945 года и направила дело на новое рассмотрение с указанием на неправильное присуждение алиментов на содержание сына Юрия, так как этот ребенок родился после издания Указа от 08.07.1944 от незарегистрированного брака. При вторичном рассмотрении дела первой инстанцией решением от 12 июня 1947 года с Колобова взыскивались алименты на содержание дочери Надежды, а в иске о взыскании алиментов на содержание сына Юрия было отказано. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР обратила внимание на то, что ответчиком не было обжаловано решение народного суда от 19 марта 1945 года, которое он полностью исполнял. Согласно позиции Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, изложенной 19 марта 1948 года, освобождение ответчика от выплаты средств на содержание сына Юрия следует признать неправильным, так как подтвержден факт отцовства гр. Колобова им самим и выявлено наличие длительных фактических брачных отношений между гр. Колобовым и гр. Никулиной, соответствующих требованиям ранее действующих ст. 11 и 12 КЗоБСО. В связи с этим было оставлено в силе решение народного суда Киквидзенского района Сталинградской области от 19 марта 1945 года о взыскании алиментов на обоих детей¹¹.

На наш взгляд, соответствующей закону является позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР, а позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, напротив, прямо противоречит закону. Указ от 08.07.1944 признает только зарегистрированный брак. Фактические брачные отношения могли быть «легализованы» с указанием их продолжительности только после вступления фактических супругов в брак, регистрируемый в органах ЗАГС. При этом учитывались только те фактические брачные отношения, которые существовали до 8 июля 1944 года (п. 19 Указа от 08.07.1944). Гр. Никулина и гр. Колобов никогда не состояли в надлежаще оформленном браке, поэтому, по нашему мнению, в связи с принятием Указа от 08.07.1944 не может быть установлено происхождение мальчика Юрия от ответчика ни через ор-

¹¹ предделение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 19 марта 1948 года по делу № 218 по иску гр. Никулиной к гр. Колобову о взыскании алиментов // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1948. № 5. С. 26–27.

ганы ЗАГС, ни путем доказывания в суде, ни посредством признания им иска. Соответственно с гр. Колобова не могут быть взысканы алименты на содержание ребенка, родившегося после 08.07.1944.

В 1947 году Верховным судом СССР рассматривалось аналогичное дело, но при этом родители состояли в браке за несколько лет до рождения ребенка. Истица Амалия Шухян и ответчик Геворк Шухян с 1934 года состояли в зарегистрированном браке и имели дочь Сильву, родившуюся в 1939 году. В 1941 году стороны расторгли брак. Ответчик был призван на фронт и участвовал в военных действиях до 1945 года. В 1943 году мать ответчика пригласила истицу и свою внучку жить в свой дом. В период нахождения ответчика в Красной Армии истица имела с ним встречи и в ноябре 1944 года родила дочь Луизу. Так как ответчик по возвращении из армии отказался от совместной жизни с истицей, то последняя предъявила иск о взыскании с него алиментов на содержание детей. Народный суд Аштаракского района решением от 8 июня 1946 года вынес решение в пользу истицы. Верховный суд Армянской ССР определением от 17 июня 1946 года изменил решение народного суда и удовлетворил иск о взыскании алиментов только на первого ребенка, родившегося в 1939 году. Мотивом такого решения выступало то, что ребенок у истицы родился после издания Указа от 08.07.1944 вне брака. В свою очередь, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР обратила внимание на следующие обстоятельства: после расторжения брака истица и ответчик фактически продолжали совместную жизнь; в судебном заседании ответчик полностью признал предъявленный иск о взыскании алиментов на своих детей. На основании указанных обстоятельств 29 марта 1947 года Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила определение Верховного суда Армянской ССР от 17 июня 1946 года и оставила в силе решение народного суда Аштаракского района от 8 июня 1946 года о взыскании алиментов на обоих детей¹².

Получается, что при разрешении двух вышеуказанных дел Верховный суд СССР фактически создал новую норму права о наличии у матери после издания Указа от 08.07.1944 права на взыскание алиментов на содержание детей, родившихся в фактическом браке, тем самым превысив свои полномочия, хотя и руководствовался благородными мотивами. Действительно, законодательство того времени нельзя назвать совершенным, так как оно препятствовало даже добровольному установлению отцовства, которое не несло в себе какой-либо социальной вредности. Но исправлять данное несовершенство законодательства следовало путем его

¹² определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 марта 1947 года по делу № 36/200 по иску А. Шухян к Г. Шухян о взыскании алиментов // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. № 3. С. 8–9.

корректировки, а не посредством принятия Верховным судом СССР решений, противоречащих закону.

Проанализированные судебные решения, кроме того, указывают на **стремление некоторых матерей внебрачных детей, которым полагалось государственное пособие на содержание ребенка, взыскать алименты с предполагаемых отцов их детей**. При этом одновременно получать и пособие, и алименты было нельзя. Одним из отличий пособий и алиментов выступала продолжительность их получения. Согласно правилу п. 3 Указа от 08.07.1944 государственное пособие одиноким матерям выплачивалось до достижения детьми двенадцатилетнего возраста. Алименты же взыскивались вплоть до достижения ребенком совершеннолетия (ст. 42 КЗоБСО в ред. от 16.04.1945). Однако в рассмотренных выше правоприменительных случаях для взыскания алиментов матери пытались установить отцовство в отношении детей, не достигших 12 лет. Следовательно, можно предположить, что матерей не устраивал размер государственного пособия, который они сопоставляли с заработной платой предполагаемых отцов их детей. Правилom п. 3 Указа от 08.07.1944 устанавливалось государственное пособие одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей, родившихся после 8 июля 1944 года, в следующих размерах: 100 рублей в месяц на одного ребенка; 150 рублей – на двух детей и 200 рублей – на трех и более детей.

П. Л. Полянский отмечает следующее: «Если такие суммы женщина могла бы получать в качестве алиментов, то месячная зарплата ответчика должна была равняться 400 руб. Однако статистика показывает, что в среднем по СССР зарплата рабочих и служащих в предвоенном 1940 году равнялась примерно 330 рублям. Так что сумма пособия была в среднем даже больше, чем возможная сумма взысканных алиментов с фактического отца» [2, с. 399].

На наш взгляд, нельзя полностью согласиться с данной позицией. Во-первых, нужно проводить сравнение пособия с заработной платой по статистическим данным, начиная с 1945 года. Средняя заработная плата в СССР в 1940 году составляла 339 рублей, в 1945 году – 442 рубля, в 1950 году – 646 рублей, в 1951 году – 661 рубль, в 1952 году – 674 рубля, в 1953 году – 684 рубля, в 1954 году – 699 рублей, в 1955 году – 711 рублей¹³. Исходя из указанных данных сумма пособия была в среднем немного ниже, чем возможная сумма взысканных алиментов с предполагаемого отца. Кроме того, Указом от 25 ноября 1947 года «О размере государственного

¹³ Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг. // Статистический справочник ЦСУ СССР о развитии народного хозяйства СССР в 1920-х – 1955 гг. 1962. С. 161. URL: <https://istmat.org/node/18454> (дата обращения: 13.02.2022).

пособия многодетным и одиноким матерям» государственное пособие одиноким матерям (не состоящим в браке) на содержание и воспитание детей было установлено в следующих размерах: 50 руб. в месяц на одного ребенка, 75 руб. – на двух детей и 100 руб. – на трех и более детей¹⁴. Начиная с 1947 года размер пособия на содержание внебрачного ребенка был, как минимум, в два раза меньше, чем размер алиментов, рассчитываемых из средней заработной платы, притом что с каждым годом заработная плата росла, а размер пособия не увеличивался. М. В. Антокольская следующим образом оценивает ситуацию, сложившуюся вокруг содержания внебрачных детей в послевоенные годы: «Эти меры [запрет на установление внебрачного отцовства и запрет на взыскание алиментов на содержание детей, родившихся в период с 8 июля 1944 года по 1 октября 1968 года] прикрывались лишенными всякого основания заверениями о том, что права внебрачных детей не нарушаются, так как заботу о них берет на себя социалистическое государство. Во-первых, мизерные пособия, установленные для одиноких матерей, не могли заменить алименты. Во-вторых, дети лишались права знать своего отца» [3, с. 113–114]. Аналогичного мнения придерживается и Н. Н. Тарусина, которая, анализируя ситуацию послевоенного времени, указывает, что у внебрачного ребенка была только мать, которую именовали «одиночкой», а государство выплачивало ей незначительное пособие [4, с. 15]. На незначительность пособия (50 рублей на одного ребенка) и его неспособность заменить алименты обращает внимание также А. Б. Иванов [5, с. 206].

Таким образом, речь идет о дискриминации. Закономерен вопрос: «О дискриминации матерей, получающих пособие на содержание детей, по сравнению с матерями, получающими алименты на содержание детей, или о дискриминации внебрачных детей, на содержание которых не уплачиваются алименты, по сравнению с остальными детьми?». Как справедливо отмечает В. А. Рясенцев, субъектом алиментного обязательства является сам ребенок, а родитель лишь предъявляет иск о взыскании алиментов в пользу ребенка, выступая его законным представителем [6, с. 162]. Значит, в рамках реализации права на содержание дискриминации подвергались внебрачные дети, материальное обеспечение которых осуществлялось за счет части доходов матери и государственного пособия, на фоне остальных детей, содержание которых формировалось за счет части доходов обоих родителей. В свою очередь, дискриминация матерей, которым было запрещено отыскание внебрачного отцовства в отношении их детей, также имела место быть [7, с. 139], только немножко

¹⁴ Указ ПВС СССР от 25.11.1947 «О размере государственного пособия многодетным и одиноким матерям» // Ведомости ВС СССР. 1947. № 41 (утратил силу в связи с принятием Закона СССР от 05.03.1991 № 2000-1).

«под другим углом». Таким матерям приходилось единолично исполнять обязанности по воспитанию и законному представительству и защите прав и интересов детей, в то время как фактический отец ребенка оставался в тени. Кроме того, ввиду того что размер государственного пособия на содержание ребенка был весьма низок с 1947 года, размер содержания, предоставляемый одинокими матерями своим детям, значительно превышал размер государственного пособия. Такая ситуация длилась около 20 лет, а точнее, до 1 октября 1968 года.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в Указе от 08.07.1944 весьма небрежно был определен момент, в который мать и отец ребенка должны были находиться в браке, зарегистрированном в органах ЗАГС, для наличия у матери права на установление происхождения своего ребенка от отца и на получение алиментов на содержание ребенка. При толковании нормы п. 21 Указа от 08.07.1944 таковым моментом являлся момент регистрации рождения ребенка. Тем не менее судебная практика признавала брачным также ребенка, рожденного после прекращения зарегистрированного брака родителей, если в момент зачатия ребенка родители состояли в браке, хотя законы и подзаконные нормативные правовые акты до 1958 года обходили молчанием данный вопрос.

Во-вторых, около 9 месяцев после принятия Указа от 08.07.1944, запретившего взыскивать алименты на внебрачных детей, имелся правовой пробел о праве матерей получать алименты на содержание детей, родившихся до 8 июля 1944 года, в связи с чем одни и те же дела по-разному решались разными инстанциями. С принятием Указа от 14.03.1945 данный пробел был устранен.

В-третьих, в рамках реализации права на содержание дискриминации подверглись внебрачные дети, материальное обеспечение которых осуществлялось за счет части доходов матери и государственного пособия, на фоне остальных детей, содержание которых формировалось за счет части доходов обоих родителей. Начиная с 1947 года размер пособия на содержание внебрачного ребенка был, как минимум, в два раза меньше, чем размер алиментов, рассчитываемых из средней заработной платы, притом что с каждым годом заработная плата росла, а размер пособия не увеличивался. Правоприменители никак не могли исправить эту ситуацию на практике, не нарушая положений Указа от 08.07.1944 года.

В-четвертых, существовала проблема принятия высшей судебной инстанцией решений, противоречащих Указу от 08.07.1944, Указу от 14.03.1945 и КЗоБСО (в ред. от 16.04.1945). Верховный суд СССР фактически создал новую норму права о наличии у матери права получать алименты на содержание детей, родившихся в фактическом браке после

издания Указа от 08.07.1944, тем самым превысив свои полномочия, хотя и руководствовался благородными мотивами. Действительно, законодательство того времени нельзя назвать совершенным, так как оно препятствовало даже добровольному установлению отцовства, которое не несло в себе какой-либо социальной вредности. Но исправлять данное несовершенство законодательства следовало посредством корректировки законодательства, а не посредством принятия Верховным судом СССР решений, противоречащих закону.

Ссылки

1. Пергамент А. И. Алиментные обязательства. Л.: Госюриздат, 1951. 167 с.
2. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2016. 442 с.
3. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 432 с.
4. Тарусина Н. Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. 2017. № 7. С. 5–45.
5. Иванов А. Б., Егоров С. А. История государства и права России: в 2 ч. Ч. 2: Вторая половина XIX – начало XXI: учебник и практикум для вузов / под общ. ред. В. Н. Карташова. М.: Юрайт, 2021. 309 с.
6. Рясенцев В. А. Семейное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1967. 224 с.
7. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica. 2022. Т. 75, №1. С. 131–146.

article two

Metasystem organization of subject determinants of professional activity

A. V. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-494-505

Research article
Full text in Russian

Theoretical-methodological and empirical-phenomenological materials are presented, re-vealing and explaining the specifics of the organization of the most important category of subjective determinants of labor activity - professional competencies. It is shown that its main principle is the principle of metasystem organization. From these positions, a new solution is given to the key problem of activity psychology – the problem of the correlation of two main classes of professional competencies, designated by the concepts of «hard» and «soft» skills (hard-skills and soft-skills). It is shown and explained how and on the basis of which specific operational means this principle is implemented in relation to the system of professional competencies. The main ones are the basic functions that implement soft-skills in relation to hard-skills, thereby regulating their determinative influence on activity.

Keywords: subjective determinants; professional activity; competencies; professionally important qualities; activity; metasystem approach; soft skills; hard skills

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Anatoly V. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Doc. Sc. (Psychology), Professor, Corresponding Member
of RAO

Funding: Russian science foundation, project 21-18-00039.

статья вторая

Метасистемная организация субъектных детерминант профессиональной деятельности

А. В. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-494-505
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены теоретико-методологические и эмпирико-феноменологические материалы, раскрывающие и объясняющие специфику организации важнейшей категории субъектных детерминант трудовой деятельности – профессиональных компетенций. Показано, что ее основным принципом является принцип метасистемной организации. С этих позиций дано новое решение ключевой проблемы психологии деятельности – проблемы соотношения двух основных классов профессиональных компетенций, обозначаемых понятиями «жестких» и «мягких» навыков (hard-skills и soft-skills). Показано и объяснено, каким образом и на основе каких конкретных операционных средств данный принцип реализуется по отношению к системе профессиональных компетенций. Основными из них являются базовые функции, которые реализуют soft-skills по отношению к hard-skills, регулируя тем самым их детерминационное влияние на деятельность.

Ключевые слова: субъектные детерминанты; профессиональная деятельность; компетенции; профессионально-важные качества; деятельность; метасистемный подход; мягкие навыки; жесткие навыки

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Финансирование: Российский научный фонд, проект № 21-18-00039.

I

В работе [1] был сформулирован и развит новый подход к раскрытию специфики организации одной из важнейших категорий субъектных детерминант трудовой деятельности – профессиональных компетен-

© Карпов А. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ций. Ключевым в этом плане выступило обоснование положения, согласно которому ее главным принципом является принцип *метасистемной организации*. С этих позиций далее предложено общее решение одной из наиболее значимых проблем психологии деятельности – проблемы соотношения двух основных классов профессиональных компетенций, обозначаемых понятиями «жестких» и «мягких» навыков (*hard-skills* и *soft-skills*). Напомним, что сущность данного решения состоит в следующем.

Первое из этих понятий обладает принципиальной двойственностью, двуединством своего статуса. С одной стороны, оно фиксирует в себе такие сущности, которые (по определению) локализованы вне самой деятельности, точнее, над ней и выступают как аспекты более общих целостностей – метасистем. Они фиксируют такие субъектные детерминанты деятельности, которые лежат вне нее самой, имеют так сказать экстрасистемную локализацию. Собственно говоря, именно на основе этого они вообще и дифференцируются. В их качестве, как правило, выступает относительно инвариантный набор, который чаще всего включает в себя коммуникативные навыки, социальный интеллект, умение работать в команде, критическое мышление, клиентоориентированность, саморегуляцию, принятие решений, тайм-менеджмент, эмоциональный интеллект, работу в режиме неопределенности, самоанализ и саморефлексию [2–5]. Можно видеть, что все эти и иные подобные им компетенции обладают весьма общей принципиальной чертой. Они, не принадлежа деятельности атрибутивно и исходно, не являясь деятельностно-специфическими и обусловленными содержанием деятельности (в отличие от *hard-skills*, которые, напротив, непосредственно связаны с ним и им обусловлены), тем не менее оказывают на нее очень существенное влияние и, более того, включаются в общий состав ее собственных субъектных детерминант. Однако, с другой стороны, не менее характерно и то, что все они, также по определению и, соответственно, по содержанию, выступают и как собственно деятельностные образования. Причем это отнюдь не рядовые компоненты деятельности, а во многом важнейшие и определяющие. Они, равно как и ее собственные детерминанты – *hard-skills*, обозначаются одним и тем же базовым понятием – понятием *skills*, что как раз и подчеркивает их функциональную общность, включенность и тех и других в содержание самой деятельности. Можно видеть, что возникает типичная и очень показательная для принципа метасистемности ситуация. Нечто – в данном случае *soft-skills* – имеет двойную локализацию. Они одновременно принадлежат и определенной метасистеме, и какой-либо из включенных в нее систем (в данном случае – деятельности). Однако именно это

и означает, что эксплицируется базовое для всего метасистемного подхода явление, точнее, механизм. Это – механизм «встраивания» метасистемы в систему, *мультиплицирование* первой во второй и обретение статуса системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Наряду с этим, не менее важно и показательно именно то, что представленные в [1] материалы выявляют конкретные по содержанию, но общие по смыслу предметы – содержательные сущности такого «встраивания», такой мультипликации. В их качестве выступает вся совокупность *soft-skills*.

Тем самым именно это ключевое положение эксплицирует принципиальное сходство организации всей совокупности профессиональных компетенций как важнейшей категории субъектных детерминант деятельности с аналогичным по рангу, то есть также главным положением метасистемного подхода. Оно состоит в том, что для определенного класса систем имеет место следующая базовая и во многом уникальная особенность их организации [6]. Та метасистема, которая является более общей по отношению к ним и в которую они сами онтологически входят, в то же время сама функционально включается в них, встраивается в их собственное содержание. Наиболее общей и репрезентативной иллюстрацией данной особенности выступает организация психики в целом, поскольку ее важнейшей атрибутивной чертой как раз и является функциональная представленность в ней (как в субъективной реальности) той метасистемы, в которую она сама включена, – объективной реальности. Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая «внешнеположена» ей, оказывается функционально представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме – в форме реальности субъективной. Объективный мир (как метасистема по отношению к психике), а также взаимодействия с ним оказываются функционально «встроенными» в саму систему (психику).

Констатируя данное обстоятельство, необходимо со всей определенностью подчеркнуть и еще одно, также базовое, положение метасистемного подхода. «Встраивание» метасистемы в систему, разумеется, не тождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы [7]. Кардинальное отличие всех этих форм от «исходного бытия» метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер – имеют не материальную, а идеальную природу [8–9]. Имеет место совершенно иной тип, иная форма этой представленности – форма идеальных моделей, «дубликатов», репрезентаций и пр.,

предназначенная для реализации определенных функций – информационных, а потому носящая именно *функциональный* характер.

II

В связи со всем вышеизложенным, однако, формулируется еще одна проблема, связанная уже не с тем, *что* подлежит принципу «встраивания» – мультипликации метасистемы в содержание системы, а с тем, *как* это происходит – на основе каких закономерностей, а также каких конкретных средств и механизмов оно реализуется. Имея общий смысл для всех систем данного класса, эта проблема в ее конкретном воплощении является, как можно видеть, ключевой и для решения вопроса об организации субъектных детерминант деятельности. В известной мере она является даже еще более значимой и уж, во всяком случае, более сложной, нежели предыдущая, поскольку сопряжена с необходимостью выявления более имплицитных аспектов самой метасистемной организации – ее глубинных механизмов. Однако наиболее важно то, что именно это ее конкретное воплощение выступает и как своеобразный ключ и даже своего рода подсказка для ее решения в общем виде; поясним сказанное.

Действительно, как было отмечено выше, сам базовый принцип метасистемной организации – «встраивание» метасистемы в систему – имеет подчеркнуто функциональный, но, конечно, отнюдь не морфологический характер. Речь идет о представительстве первой во второй лишь в определенном аспекте и в определенной *функциональной* роли, но не о субстанциональной и тем более материальной, содержательно-структурной представленности. Однако, именно такой принципиально функциональный характер представленности в общей системе профессиональных компетенций как раз и эксплицируется по отношению к категории soft-skills. В самом деле, как показал специальный анализ данной проблемы, проведенный нами в работе [9], сущность и специфика детерминационного влияния категории soft-skills на деятельность заключается в принципиально опосредствованном характере. Они влияют на нее не прямо непосредственно, а через их воздействие на меру и характер влияния на деятельность второй базовой категории компетенций – hard-skills. Более того, в этих работах было показано и то, как именно и по каким конкретным направлениям осуществляется детерминационное влияние soft-skills на hard-skills. Оно осуществляется посредством определенной совокупности ключевых *функций*, которые реализует soft-skills по отношению к категории hard-skills. Другими словами, именно данное обстоятельство и эксплицирует положение наиболее принципиального плана. Конкретный механизм, посредством которого осуществляется «встраива-

ние» в общую совокупность деятельностных компетенций носит тот же самый характер, который лежит и в основе общего принципа метасистемной организации, – функциональный. Причем эта идентичность состоит не только в их атрибутивном – операционном – сходстве, но и имеет даже этимологический характер, поскольку в обоих случаях для обозначения такой организации используется один и тот же термин – функциональность. Другими словами, общий *функциональный* принцип реализуется посредством более конкретных, но релевантных именно его природе сущностей – совокупности некоторых базовых функций.

III

Конкретизируя и детализируя, а одновременно и обосновывая данное положение, обратимся к тем результатам, которые были получены нами в отмеченной выше работе [9]. Прежде всего основной сформулированный выше вопрос – о средствах и механизмах «встраивания» метасистемы в систему – был подвергнут в них необходимой деятельностной спецификации и сформулирован в следующем виде. Что именно выступает его эмпирико-феноменологическими референтами и деятельностными индикаторами? Какова так сказать «чувственная ткань» и реальное содержание, в том числе и феноменологическое, такого «встраивания»?

Предпринимая попытку ответа на эти вопросы, необходимо подчеркнуть, что ключевое значение для него имеет установление следующей критически значимой закономерности. Категория *soft-skills* в действительности реализует по отношению к категории *hard-skills* совокупность некоторых инвариантных функций, которые, в свою очередь, оказывают определяющее влияние на то, каким образом они сами выступают в качестве базовых детерминант деятельности. В настоящее время можно дифференцировать, как минимум, пять такого рода функций.

Первую функцию в самом общем виде можно обозначить как регулятивную, а ее смысл состоит в том также очень общем факте, согласно которому детерминационное влияние *soft-skills* может проявляться и, как правило, проявляется не только и даже не столько в их непосредственном влиянии, сколько опосредствованно – через их воздействие на компетенции иных типов, в частности на *hard-skills*. Это влияние может состоять как в изменении меры выраженности, так и характера – направленности влияния последних. В плане иллюстрации этой очень общей закономерности можно привести большое число конкретных примеров. Так, скажем, она проявляется в широко известном феномене регуляции когнитивных функций со стороны факторов эмоционального плана (и во-

обще – в классической проблематике соотношения эмоционального и рационального). Конкретной экспликацией этого влияния в деятельности информационного типа как раз и выступает обусловленность – регуляция когниции со стороны одного из soft-skills – эмоционального интеллекта в целом и его компонентов в частности. Другая столь же общая иллюстрация сказанного – это очень существенная регулятивная обусловленность всех деятельностных функций и когнитивных функций, в особенности составляющих содержание деятельности, со стороны еще одного базового soft-skills – «навыков саморегуляции» (самоуправления). Она состоит, в частности, в очень важной и общей способности опосредствованного влияния на оптимизацию или стабилизацию когнитивных функций за счет управления собственным состоянием. Именно на это, как известно, направлены разнообразные тренинги регуляции состояний. Еще более очевидно детерминационное влияние практически на все аспекты деятельности такого soft-skills, каковым выступает тайм-менеджмент, поскольку он сопряжен с организацией деятельности в соответствии с таким базовым и всепронизывающим «измерением» реальности, как время, лежащим в основе темпоральной организации деятельности.

Вторая основная функция может быть обозначена как *генеративно-порождающая*, в более общем плане – как генетическая. Она состоит в том, что вся совокупность soft-skills не только оказывает мощнейшее детерминационное влияние на актуальное проявление тех или иных компетенций, а также практически всех иных сторон организации деятельности, но и выступает столь же сильным стимулом и, более того, конкретными средствами их развития, генезиса. Иными словами, их детерминационное влияние не сводится к уровню ситуационной обусловленности, а имеет надситуативный характер; оно распространяется на сферу генезиса, развития всех иных групп компетенций и основных компонентов структуры деятельности. Так, очень показательным в этом плане является один из важнейших soft-skills, который занимает в их структуре очень специфическое и во многом определяющее место. Он может по-разному обозначаться, но имеет общий смысл – мотивационную направленность, а одновременно и способность к постоянному саморазвитию и совершенствованию посредством систематического обучения и переобучения. Этот soft-skills особо важен и специфичен именно для деятельностей информационного класса, поскольку именно они наиболее динамичны, что требует постоянного соответствия субъекта их быстрым и радикальным трансформациям. Обычно этот soft-skills связывают и с понятием life-long-learning («обучение через всю жизнь»), а в более широком пла-

не и с одной из общих способностей личности – обучаемостью. И именно в этом отношении очень характерно, что в метакогнитивизме эта связь также представлена. Она получила воплощение в исследованиях в целом и в тех метакогнитивных феноменах, которые сопряжены с обучением и обучаемостью [10–11]. Действительно, в метакогнитивизме установлен ряд феноменов, которые специфичны именно процессу обучения: *Ease-of-learning* – EOL (стратегии дифференциации усваиваемого материала по параметру «легкости-трудности» и их выстраивание от первых ко вторым); *Metacognitive reasoning* – установление и приписывание причинности усваиваемым явлениям; *Study Time Allocation* – распределение времени в процессе обучения в ходе освоения того или иного материала и др.; *Region of Proximal Learning* – базовая метакогнитивная стратегия, которая заключается в том, что при ассимиляции нового материала базируется на максимальном числе уже знакомых элементов [12]. В еще более общем плане показательно то, что в структуре метакогнитивизма одно из определяющих мест принадлежит дидактическому направлению [13].

Третья и, по нашему мнению, основная функция может быть обозначена как *компенсаторная*, а ее содержание состоит в следующем. В психологии в целом и в тех ее направлениях, которые сопряжены с исследованиями профессиональной деятельности в особенности, давно и хорошо известен факт, являющийся столь же общим, сколько и фундаментальным по своей значимости. Он состоит в том, что недостаточный уровень развития собственно деятельностных способностей может быть нивелирован или даже полностью компенсирован со стороны так сказать внедеятельностных факторов, которые, в свою очередь, могут являться крайне разнообразными. В еще более общем плане данный феномен представляет собой деятельностное воплощение фундаментального явления компенсации в целом. Однако трудно не видеть того вполне очевидного обстоятельства, что именно он и составляет очень существенную часть всего соотношения *soft-skills* и *hard-skills*. Первые могут оказывать и, как правило, оказывают на вторые не только регулятивное или развивающее воздействие *soft-skills*, но и воздействие именно компенсаторного типа. Более того, сама эта компенсация состоит и во встречающейся нередко замене регуляции деятельности со стороны *hard-skills* на ее регуляцию со стороны *soft-skills*. В результате этого базовыми детерминантами деятельности начинают выступать именно *soft-skills*, а не *hard-skills*.

Отметим также, что данное явление имеет и целый ряд иных также описанных в общей и прикладной психологии экспликаций. Так, оно тесным образом сопряжено с проблемой соотношения общего и социального

интеллекта в управленческой деятельности (впрочем, конечно, не только управленческой). Социальный интеллект оказывает позитивное влияние на управленческую деятельность, фасилитируя реализацию основных деятельностных функций. Однако при недостаточной способности реализации последних, что, в свою очередь, как правило, обусловлено низкой квалификацией субъекта и его способностей, социальный интеллект выступает на первый план и начинает оказывать решающее влияние на организацию деятельности, на динамику карьеры и на формирование адаптационных способностей по отношению к организационному функционированию. Причем степень выраженности этого обратно пропорциональна степени эффективности самого организационного функционирования. Чем в большей мере среди руководителей представлены лица с высоким общим интеллектом, тем эффективнее и социальная организация, и наоборот. Социальный интеллект – это, конечно, очень важное качество руководителя, но оно не может выступать заменой иных аспектов интеллекта, равно как и сопряженного с ним высокого профессионализма субъекта.

Четвертая функция – и это следует отметить специально, – тесно сопряженная с предыдущей, может быть означена как *адаптационная*. Она проявляется в двух основных планах, существенно отличающихся друг от друга, но в равной степени предполагающих необходимость опоры на soft-skills. Первый из них связан с профессионалкой и социальной адаптацией как таковой – с эффективностью приспособления к новым деятельностным и социальным условиям, с процессом вхождения в коллектив и приспособления к нему. По вполне понятным причинам именно soft-skills являются важными и нередко определяющими факторами такой адаптации, прежде всего на ее начальных этапах. Второй аспект адаптационной функции состоит в том, что она лежит также и в основе важнейшей для многих наиболее сложных видов деятельности способности приспособления – адаптации по отношению к перманентным и достаточно быстрым изменениям ее самой. Это – своего рода способность «успевать за деятельностью», адаптироваться к ее трансформациям. В этом плане не приходится подробно аргументировать то явное и предельно характерное обстоятельство, что мера динамичности деятельности и, соответственно, степень необходимости в этой способности особенно велика именно по отношению к важнейшему классу деятельности – информационному, реализующемуся на компьютерной основе [14–15]. В этом плане очень доказательно и то, что прямые аналоги и даже фактически кон-

кретные средства такой адаптируемости представлены в составе самих soft-skills.

Пятая и также весьма специфичная для деятельностей рассматриваемого класса функция, реализуемая soft-skills и приводящая к столь же специфическим феноменологическим проявлениям, может быть обозначена как позиционная, а ее смысл состоит в следующем. Как известно, в организационной психологии, а также в смежных с ней направлениях описан очень общий феномен, который также по-разному обозначается, но имеет сходный смысл. Он состоит в формировании и преднамеренном культивировании таких средств, которые направлены на становление и поддержание профессиональной идентичности, «особости» и уникальности своей профессии со стороны ее представителей, нередко гипертрофированной, но понятной и объяснимой в силу многих причин, в том числе не только профессиональных, но и социальных, экономических, демографических и пр. Как было принято говорить в не столь отдаленном прошлом, это «чувство гордости за профессию». В результате формируются, в частности, своеобразные профессиональные сообщества, которые отличаются «от остальных» по ряду критериев и, что еще более важно, представители которых намеренно культивируют и поддерживают эту свою особость. Именно эта ситуация как раз и является очень показательной для класса информационной деятельности. И в собственной среде ее представителей, и в социуме в целом складывается определенная система представлений об «особости» этого класса; о наличии у его представителей специфического набора личностных качеств; о важности или даже исключительности их миссии в современном обществе. Все это, в частности, отражено в известном слогане: «мы делаем будущее». Однако эта «особость» как раз во многом и обусловлена тем специфическим набором soft-skills, который дифференцируется по отношению к данному классу деятельностей. Следовательно, сам этот набор – фактически личностный портрет IT-специалиста – выполняет очень важную роль или даже миссию: он является средством указания на социальный статус и место данной деятельности в современном разделении труда, средством позиционирования работников этой сферы по отношению к представителям иных профессий. Наконец, он является средством обеспечения их профессиональной идентичности – их «братства». При этом данная фикция очень важна и в собственно мотивационном плане, что особо значимо в связи с тем, что именно мотивация выступает определяющим фактором любой деятельности.

IV

В целях дополнения представленной выше эмпирико-феноменологической картины базовых функций их собственно теоретическим осмыслением, необходимо подчеркнуть еще одно вполне очевидное, а одновременно и значимое обстоятельство. Оно должно рассматриваться в качестве объяснительного средства для экспликации основных механизмов детерминационного влияния *soft-skills* на *hard-skills* и, соответственно, на деятельность. Как известно, одной из аксиом системной методологии в целом является положение о существовании фундаментального феномена «удвоения качеств», согласно которому в составе целостной системы то или иное явление – та или иная часть, наряду с сохранением ее качественной определенности, обретает еще и качественную специфичность. Однако именно это и имеет место по отношению к анализируемым здесь вопросам. Действительно, включаясь в более общий контекст – в более обобщенные образования, в которых локализованы их детерминанты – и испытывая воздействия со стороны *soft-skills*, сами *hard-skills* подвергаются трансформациям. В результате происходит «удвоение качеств». И именно в этом, на наш взгляд, заключается основной принцип взаимодействия двух категорий компетенций, равно как и представленных в них деятельностных структур и образований, процессов и феноменов. *Soft-skills* оказывают свое влияние на деятельность не только и даже по большей части не столько непосредственно, сколько опосредствованно. Действует механизм системных качеств, который и порождает принципиально новое содержание. Оно отсутствует у отдельных частей (*soft-skills* и *hard-skills*) и у их аддитивной совокупности, но присутствует в их интеграции.

Итак, подводя итоги, подчеркнем положение наиболее принципиального плана. Оно состоит в том, что действительно вся совокупность базовых профессиональных компетенций как ключевых субъектных детерминант деятельности организована на основе принципа метасистемности. Кроме того, если в нашей предыдущей работе [1] данное положение было обосновано в его общем виде, то в данной статье выявлены и проинтерпретированы конкретные операционные средства и частично механизмы, на основе которых реализуется этот принцип. Все это дает еще большие основания для того заключения, к которому – правда, повторяем, в общем виде – привел проведенный в работе [1] анализ. Оно состоит в том, что метасистемность организации деятельности в целом и ее субъектных детерминант в особенности является несомненным фактом – реальностью, которая хотя и более сложна для понимания и изучения, но существенно более адекватна. Ее уже никак нельзя игнорировать, а наоборот, именно ее и необходимо сделать предметом приоритетного изучения.

Ссылки

1. Карпов А. В. Метасистемная организация субъектных детерминант профессиональной деятельности. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 2 (60). С. 312–325.
2. Кеннеди Д. Жёсткий менеджмент. М.: Альпина Паблишер, 2014. 257 с.
3. Гольдратт Э., Кокс Д. Цель. Процесс непрерывного совершенствования. 2-е изд. М., 2009. 496 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Стивенс Д. Быть человеком. М., 2020. 180 с.
6. Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Институт психологии РАН, 2004. 602 с.
7. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. М.: РАО, 2017. 640 с.
8. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. М.: РАО, 2015.
9. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности. М.: РАО, 2021. 615 с.
10. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. by V. Yzerbyt. SAGE Publications, 2002. 253 p.
11. Metcalfe J., Shimamura A. P. Metacognition: Knowing about Knowing. Cambridge, MA: MIT Press 1994. 323 p.
12. Perfect T. J., Schwartz B. L. Applied Metacognition. Cambridge, CUP, 2002. 220 p.
13. Pintrich P. R. The Role of Metacognitive Knowledge in Learning, Teaching, and Assessment // Theory into Practice. 2002. Vol. 41, № 4. P. 219–229.
14. Смолл Г., Ворган М. Мозг Онлайн. М.: Колибри, 2011. 352 с.
15. Войскунский А. Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.

The structure of a person's self-attitude in relation to social standards broadcast by the media

S. A. Trifonova¹, O. N. Sakovskaya¹, O. A. Efimova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-506-523

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of the relationship between the features of self-attitude, coping strategies, perception of one's own appearance in early adulthood, taking into account social standards broadcast by the media. It is shown that with high discrepancies in the assessment of the parameters «I am real», «I am ideal», «Media image», there is a high dissatisfaction with their own appearance in both men and women. The peculiarities of self-attitude in men and women with high and low discrepancies in the assessment of the parameters «I am real – Media image» and «Real Me - Ideal Me» are revealed. The gender differences in the specifics of self-attitude and the coping strategies used are analyzed.

Keywords: self-attitude; social standards; coping strategies of behavior; I am real; I am ideal; media image

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Trifonova, Svetlana A. | E-mail: sv-trif@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Sakovskaya, Olga N. | E-mail: orisona@gmail.com
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Efimova, Olga A. | E-mail: olga.efimova.1999@list.ru
Undergraduate

Структура самооотношения личности во взаимосвязи с социальными эталонами, транслируемыми СМИ

С. А. Трифонова¹, О. Н. Саковская¹, О. А. Ефимова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-506-523
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи особенностей самооотношения, копинг-стратегий, восприятия собственной внешности у лиц раннего зрелого возраста с учётом социальных эталонов, транслируемых СМИ. Показано, что при высоких расхождении в оценке параметров «Я-реальное», «Я-идеальное», «Медийный образ» наблюдается высокая неудовлетворённость собственной внешностью как у мужчин, так и у женщин. Выявлены особенности самооотношения у мужчин и женщин при высоких и низких расхождении в оценке параметров «Я реальное – Медийный образ» и «Реальное Я – Идеальное Я». Проанализированы половые различия в специфике самооотношения и используемых копинг-стратегий.

Ключевые слова: самооотношение; социальные эталоны; копинг-стратегии поведения; Я-реальное; Я-идеальное; медийный образ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трифопова, Светлана Алексеевна | E-mail: sv-trif@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Саковская, Ольга Николаевна | E-mail: orisona@gmail.com
Кандидат психологических наук, доцент

Ефимова, Ольга Александровна | E-mail: olga.efimova.1999@list.ru
Студент

Проблема самооотношения не является для психологии новой, однако интерес к ней не ослабевает, т. к. она относится к разряду смыслообразующих (экзистенциальных). Самоотношение – это специфическая активность субъекта в адрес своего «Я», состоящая в определённых внутренних действиях, характеризующихся как эмоциональной спецификой, так и предметным содержанием. СМИ способно оказать существенное влияние

© Трифонова С. А., Саковская О. Н., Ефимова О. А., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

на формирование самооотношения личности за счёт трансляции определённых стереотипов внешности и поведения, оцениваемых некоторыми личностями как эталонный образ, не соответствующий образу реального «Я» [1]. Данное несоответствие способно оказать определённое влияние как на отношение к себе, так и на формирование определённых поведенческих паттернов. Идеал тела, стереотип телесной красоты и телесного здоровья, ценность и место в культуре эротического и сексуального как атрибутов телесной привлекательности являются неотъемлемой частью содержания информационного потока СМИ [2]. Восприятие этой информации может оказывать преобразующее влияние на динамику индивидуального идеала тела, следовательно, и на удовлетворенность собственной внешностью, создавать установку на изменение внешности [3].

Общественно-культурные нормы, сформированные под влиянием СМИ, создают стандарты красоты и отводят особое место привлекательной внешности в качестве ведущего фактора, обеспечивающего социально-психологическую успешность и востребованность человека в обществе [4]. Проблематика данного исследования связана с попыткой рассмотреть специфику отношения к себе, связанного с оценкой эталонного образа медийной личности. В данных условиях становится важным изучение психологических механизмов воздействия СМИ, оценки роли его воздействия, в том числе и на отношение человека к себе. Также важным является изучение стратегий поведения, применяемых человеком в случае негативного изменения в структуре самооотношения.

Многие исследователи сходятся во мнении о том, что самооотношение оказывает влияние на особенности поведения и общения. Представление личности о себе существенно воздействует на форму поведения человека в стрессовой ситуации и выбор копинг-стратегии [5].

В контексте нашего исследования мы рассматриваем значительное расхождение в оценках параметров «Реальное Я – Идеальное Я», а также «Реальное Я – Медийный образ» как специфическую ситуацию угрозы самооотношению личности, которое может выступать источником формирования эмоциональных барьеров, блокирующих восприятие внешних воздействий, приводить к искажению и игнорированию опыта. Исходя из понимания и восприятия нами сильного расхождения в оценках параметров «Реальное Я – Идеальное Я», а также «Реальное Я – Медийный образ» как специфической ситуации угрозы самооотношению личности, представляет интерес изучение данных параметров во взаимосвязи с копинг-стратегиями [6]. Также в рамках нашего исследования нам важно изучить оценки человеком удовлетворённости собственной внешностью как отражение оценки образа физического «Я».

Цель исследования: выявить особенности структуры самооотношения личности во взаимосвязи с социальными эталонами, транслируемыми СМИ. В соответствии с целью была поставлена задача провести эмпирическое

исследование структуры самооотношения, копинг-стратегий и оценки собственной внешности с учётом расхождения в оценках параметров «Реальное Я – Медийный образ», «Реальное Я – Идеальное Я», «Идеальное Я – Медийный образ».

Выборка: в исследовании приняли участие 48 мужчин и женщин в возрасте от 20 до 23 лет (период ранней взрослости), из которых 24 человека – женщины и 24 человека – мужчины. Интерес к данной возрастной группе обусловлен рядом моментов. Данный период является кризисным в жизни человека (кризис ранней взрослости). Особое значение приобретает в этот период чувство одиночества, сопровождающееся чувством ненужности. Характерным для данного периода является размывание представлений о самом себе, кажущаяся невозможность разобраться в себе, своих желаниях и возможностях, неуверенность в выборе профессии. Значимыми становятся темы выбора, личной ответственности, смысла жизни [7].

Методический инструментарий: метод свободных ассоциаций, частотный анализ; опросник образа собственного тела (ООСТ) О. А. Скугаревского и С. В. Сивухи [8]; тест-опросник самооотношения (ОСО) В. В. Столина и С. Р. Пантилеева [9]; методика «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса [10]; математико-статистические методы: метод расхождений в оценках профиля, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции r -Спирмена, метод полярных групп; программа для анализа текста Webscript, Microsoft Excel, STATISTICA 5.5.

Первый этап исследования заключался в составлении оценочных шкал на основе метода свободных ассоциаций. Разработанные шкалы впоследствии использовались при оценке параметров «Реальное Я», «Идеальное Я», «Медийный образ». На основе метода свободных ассоциаций респондентам необходимо было указать любые прилагательные, которые ассоциируются у них с внешностью, статусом, престижем и иными характеристиками представленного на изображении человека. Респондентам предъявлялись фотографии 16 самых популярных и известных медиа-личностей на основании количества их подписчиков (от 240 до 46 млн человек) в одной из социальных сетей. В результате опроса был получен список, в общей сложности включающий в себя 1289 прилагательных. На основе частотного анализа текста, выполненного с помощью приложения Webscript, были обнаружены самые часто встречающиеся прилагательные. На их основе нами была составлена оценочная шкала, состоящая из 32 полярных характеристик. По этой шкале респондентам было необходимо оценить три параметра: «Реальное Я», «Идеальное Я», «Медийный образ». Для определения степени расхождения в оценках параметров «Реальное Я», «Идеальное Я», «Медийный образ» был использован математический метод расчёта расхождения оценок профиля. Наибольшей степенью расхождения обладают параметры «Реальное Я – Медийный образ» и «Реальное Я – Идеальное Я», в то время как в женской, так и мужской выборке расхождения в оценках параметров «Идеальное Я»

и «Медийный образ» не столь значительны. Эти данные указывают на то, что как мужчины, так и женщины примерно одинаково оценивают параметры образа «Идеального Я» и «Медийного образа». Полученные результаты мы можем расценивать как свидетельство того, что стандарты красоты, успеха, личностных качеств, транслируемые СМИ, оказывают влияние на систему репрезентаций личности.

Результаты исследования. Для того чтобы выявить, являются ли полученные расстояния в оценках образов «Реальное Я – Медийный образ», «Реальное Я – Идеальное Я», «Идеальное Я – Медийный образ» статистически значимыми, был использован U-критерий Манна-Уитни. Также мы определили, существуют ли статистически значимые различия между параметрами самоотношения и копинг-стратегий в мужской и женской группе (табл. 1).

Опишем наиболее интересные на наш взгляд результаты исследования.

Для женщин забота о собственной телесной внешности остаётся более значимой проблемой, чем для большинства современных мужчин [11]. Причины данной проблемы можно объяснить с помощью теории линз гендерной поляризации и андроцентризма, согласно которой в обществе существует чёткое разделение людей на два пола, что заставляет каждый из них подчёркивать своё отличие от противоположного [11].

На уровне глобального самоотношения различий в группе мужчин и женщин не выявлено. Однако были выявлены различия по шкале «Ауто-симпатия», что указывают на то, что мужчины более склонны к одобрению себя в целом, для них более характерно доверие к себе, в то время как для девушек более характерны видение в себе по преимуществу недостатков, готовность к самообвинению.

В контексте данного исследования мы рассматриваем сильное расхождение в оценках образа «Реальное Я – Идеальное» и «Реальное Я – Медийный образ» как неблагоприятную для личности ситуацию (состояние), при наличии которой индивид стремится её изменить с помощью определённых стратегий действий (копинг-механизмов). Несмотря на то что для девушек характерно большее расхождение в оценках «Реальное Я – Идеальное Я» и «Реальное Я – Медийный образ» в большинстве случаев, они прибегают к использованию стратегий, ориентированных на поиск решения и направленных как на внутренний ответ, так и на решение внешней проблемы.

В ходе данного исследования нами были установлены взаимосвязи, существующие между параметрами «Реальное Я – Идеальное Я», «Реальное Я – Медийный образ», «Идеальное Я – Медийный образ» и оценкой степени неудовлетворённости собственной внешностью, копинг-стратегиями и структурой самоотношения с учётом фактора пола.

Отношение «Реальное Я – Идеальной Я» отражает степень расхождения между реальным образом себя и представлением о себе как об идеале, каким бы человеку хотелось стать в результате реализации своих возможностей. Для лиц с сильным расхождением между данными параметрами

Различия в исследуемых параметрах в мужской и женской выборке

Оцениваемые параметры	Средние значения		U-критерий Манна-Уитни		Уровень значимости
	М	Ж	U	Z	p
«Реальное Я – Медийный образ»	11,26	13,91	174	-2,34	0,019*
«Реальное Я – Идеальное Я»	10,05	12,76	176	-2,30	0,021*
«Идеальное Я – Медийный образ»	5,86	5,57	263,5	0,50	0,620
Неудовлетворённость собственной внешностью	15,50	27,71	111,5	-3,63	0,000***
Самоотношение	13,92	12,04	224	1,31	0,189
Шкала самоуважения (I)	7,50	6,88	256	0,65	0,513
Шкала аутосимпатии (II)	7,33	4,96	153	2,79	0,005**
Шкала ожидаемого отношения от других (III)	8,13	6,83	204	1,74	0,083
Шкала самоинтересов (IV)	5,08	4,79	284	0,07	0,942
Самоуверенность	4,13	3,83	263,5	0,50	0,615
Отношение других	4,75	4,21	241	0,97	0,330
Самопринятие	3,33	2,58	209	1,65	0,098
Саморуководство	4,42	4,42	274	-0,28	0,776
Самообвинение	4,58	5,79	138	-3,18	0,001**
Самоинтерес	5,29	4,08	194,5	1,95	0,051
Самопонимание	2,54	1,96	200	1,88	0,060
Конфронтационный копинг	11,13	10,17	217	1,47	0,142
Дистанцирование	9,58	10,13	260,5	-0,56	0,575
Самоконтроль	14,46	14,38	283	0,09	0,925
Поиск социальной поддержки	10,83	14,75	72,5	-4,47	0,000***
Принятие ответственности	6,42	8,58	94,5	-4,03	0,000***
Бегство-избегание	12,00	14,92	176,5	-2,30	0,022*
Планирование решения проблемы	11,33	11,79	274	-0,28	0,779
Положительная переоценка	10,50	13,54	159	-2,66	0,008**

* различия на уровне значимости $p < 0,05$

** различия на уровне значимости $p < 0,01$

*** различия на уровне значимости $p < 0,001$

(в целом по выборке) характерна высокая степень неудовлетворённости собственной внешностью, низкий уровень глобального самоотношения, отражающий общее негативное отношение к себе. Для них также характерен низкий уровень самооценки, готовность к самобичеванию и в целом видение в себе по преимуществу недостатков, низкий уровень самоуверенности, самопринятия и самоинтереса, а также ожидание отрицательного отношения со стороны окружающих. Проявляется низкая выраженность конфронтационного копинга по сравнению с лицами, у которых расхождение в оценках между представлениями о себе в настоящем и представлением о себе как об идеале не столь значительно. В условиях быстро меняющегося общества неустойчивость и пластичность как социальной, так и личной идентичности становятся закономерными [12]. С учётом этого мы можем сказать, что те люди, которые «почти» достигли своего идеала, вынуждены в результате новых тенденций и веяний трансформировать одни идеальные представления о себе на другие.

Для мужчин с высокими расхождениями в оценках реального и идеального «Я» характерна неудовлетворённость своей внешностью, ожидание отрицательного отношения со стороны окружающих, низкий уровень самоуверенности. При незначительном расхождении между оценкой образа «Реального Я» и «Идеального Я» характерна большая выраженность копинга «поиск социальной поддержки». Можно предположить, что наличие социальной поддержки позитивно отражается на отношении реального и идеального «Я». В контексте отношений между реальным и идеальным «Я» это может выражаться в признании окружающими достижений, успехов личности («Ты достиг уже очень много!», «Ты почти достиг вершины в своём деле!», «Я вижу, что ты многому научился!») либо за счёт снижения значимости высокой планки личности («Ты хорош в своём деле, зачем гнаться за другими?»), «Эта цель требует столько сил и времени, она того не стоит»).

Для женщин с высокими расхождениями в оценках реального «Я» и идеального «Я» характерна неудовлетворённость собственной внешностью, низкий уровень аутосимпатии. При незначительном расхождении между оценкой образа «Реального Я» и «Идеального Я» характерна большая выраженность конфронтационного копинга.

Можно сказать, что при оценке соответствия реального и идеального «Я» важную роль для мужчин играет одобрительное отношение со стороны окружающих (восприятие отношения других к себе как ощущение позитивного, доброжелательного, невраждебного) и уверенность в себе и своих силах. Для женщин в этом отношении наиболее значимо одобрительное отношение со стороны окружающих, выражающееся в конкретных действиях, и благосклонное отношение к себе (довольство своими внешними данными, способностями, манерой поведения, качествами).

Отношение «Реальное Я – Медийный образ» отражает степень расхождения между представлениями о себе и медийным образом, под которым по-

нимается образ, конструируемый медиа (своеобразный социальный эталон личности, воспринимаемый человеком посредством СМИ) [13].

В ходе исследования было выявлено, что для лиц с сильным расхождением между данными параметрами (в целом по выборке) характерна высокая степень неудовлетворённости собственной внешностью, склонность к самообвинению, ожидание отрицательного отношения со стороны окружающих, низкий уровень глобального самоотношения, аутосимпатии, самопринятия, самоинтереса.

В мужской выборке не было выявлено специфических особенностей при исследовании структуры самоотношения. При сильных расхождениях в оценках «Реального Я» и «Медийного образа» характерна неудовлетворённость собственной внешностью. Для женщин с высокими расхождениями в оценках «Реального Я» и «Медийного образа» характерен низкий уровень аутосимпатии.

Обнаружение связей между диапазоном величины оценки параметра «Реальное Я – Медийный образ» и конфронтационным копингом у женщин может отражать стремление сократить как можно быстрее дистанцию между «Реальным Я» и социальным эталоном (например, сделать пластическую операцию, сменить причёску и т. п.). Обнаружение связей между диапазоном величины оценки параметра «Реальное Я – Медийный образ» и поиском социальной поддержки у мужчин может отражать восприятие данной поддержки как средства доказательства близости между реальными чертами, характеристиками, особенностями, присущими человеку, и данными параметрами, характерными для социального эталона.

В целях установить, является ли разница в величине оценок и социального эталона статистически значимой в отношении особенностей самоотношения, степени удовлетворённости собственной внешностью и используемых копинг-стратегий, нами был использован метод полярных групп. В группе лиц мужского пола были выявлены статистически значимые различия в отношении параметров: неудовлетворённость собственной внешностью, ожидаемое отношение от других и отношение других на уровне конкретных действий, самоинтерес и копинг «поиск социальной поддержки». Неудовлетворённость в группе с сильным расхождением в оценках «Реальное Я – Медийный образ» значимо выше, чем в группе лиц со слабым расхождением. Также в группе лиц с высоким расхождением в оценках данных параметров характерно ожидание негативного отношения к себе со стороны окружающих, в том числе и проявляющейся на уровне конкретных действий, менее выраженный интерес к себе и меньшая, по сравнению с противоположной группой, выраженность копинга «поиск социальной поддержки». Вероятно, несоответствие личности определённому популярному, социально-привлекательному образу, типу личности воспринимается социумом как что-то странное, непонятное, неодобряемое, а потому и воспринимается в негативном ключе, соответственно отношения между личностью и его окружением воспринимается как враждебное, недружелюбное.

У женщин были выявлены статистически значимые различия в отношении параметров: неудовлетворённость собственной внешностью и аутосимпатия. Неудовлетворённость в группе с сильным расхождением в оценках «Реальное Я – Медийный образ» выше, чем в группе лиц со слабым расхождением, для которой характерны более высокие показатели в отношении аутосимпатии. Данные особенности были выявлены в ходе корреляционного анализа.

В мужской выборке не было выявлено специфических особенностей при исследовании структуры самооотношения. Для женщин с высокими расхождениями в оценках «Идеального Я и Медийного образа» характерен низкий уровень самопонимания. Объяснить полученную взаимосвязь нам представляется возможным стремлением человека к уподоблению, поиску объекта поклонения. Индивид живёт в мире напряжённых и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Человеку постоянно нужна опора, дающая возможность отождествлять себя с неким признанным образцом [14].

В отношении копинг-стратегий (в целом по выборке), при незначительном расхождении между оценкой образа «Идеального Я» и «Медийного образа» характерна большая выраженность конфронтационного копинга и «поиска социальной поддержки». Для женщин при незначительном расхождении между оценкой образа «Идеального Я» и «Медийного образа» характерна большая выраженность копингов «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка», а для мужчин – большая выраженность конфронтационного копинга. Охарактеризовать действие копингов «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка» можно как желание получить подтверждение от окружающих о достижении социального эталона. Подобное подтверждение может выражаться, подчеркивании со стороны окружающих наличия у женщины характеристик, присущих социальному эталону («У вас с этой актрисой схожие черты лица»). В совокупности с положительной переоценкой происходит принятие возможности достижения характеристик, присущих социальному эталону («Я и правда чем-то похожа на эту актрису, она такая красивая, значит, и я тоже»).

Таким образом, мы можем заключить, что различия в оценке параметров «Реальное Я – Идеальное Я», «Реальное Я – Медийный образ», «Идеальное Я – Медийный образ» связаны с рядом особенностей самооотношения, предпочитаемых копинг-стратегий и со степенью удовлетворённости собственной внешностью. При высоких расхождениях в оценке всех трёх параметров наблюдается высокая неудовлетворённость собственной внешностью как у мужчин, так и у женщин, но в разной степени. У мужчин выявлены особенности самооотношения только при высоких расхождениях в оценке параметров «Реальное Я – Идеальное Я», проявляющиеся в ожидании отрицательного отношения со стороны окружающих и низком уровне самоуверенности. Женщины склонны к более высоким расхождениям в оценке параметров «Реальное Я – Медийный образ» и «Реальное Я – Идеальное Я» по сравнению с мужчинами. Также для женщин характерен более низкий

уровень аутосимпатии и большая склонность к самобичеванию, проявление копинг-механизмов поиска социальной поддержки, принятия ответственности, бегства-избегания и положительной переоценки. Существенные расхождения в оценках параметра «Реальное Я» – «Медийный образ» связаны с негативным ожиданием отношения на уровне установки и конкретных действий от окружающих, низким самоинтересом и выраженностью «поиска социальной поддержки».

Ссылки

1. Кольшклина Т. Б., Маркова Е. В. Формирование ценностных ориентаций средствами рекламы // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 221–226.
2. Рамси Н., Харкорд Д. Психология внешности: пер. с англ. СПб., 2009. 250 с.
3. Арина Г. А., Мартынов С. Е. Средства массовой информации как фактор возникновения озабоченности собственной внешностью в юношеском возрасте // Культурно-историческая психология. 2009. № 4. С.105–114.
4. Кольшклина Т. Б., Маркова Е. В. Отражение ценностных ориентаций потребителей в рекламной коммуникации // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4 (22). С. 144–150.
5. Стретович М. А. Исследование самооотношения и отношения к своей внешности: магистерская диссертация / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт социальных и политических наук, Департамент психологии, кафедра социальной психологии и психологии управления. Екатеринбург, 2014. 126 с.
6. Эмоциональный стресс: рус. пер. / под ред. Л. Леви; под ред. В. Н. Мясищева. Л: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1970. 326 с. (Труды Международного симпозиума, организованного Шведским центром исследований в области военной медицины 5-6 февраля 1965 г., Стокгольм, Швеция).
7. Чернобровкина С. В. Кризис ранней взрослости: особенности его переживания и преодоления молодыми людьми с различными социально-демографическими характеристиками // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2007. № 2. С. 27–36.
8. Скугаревский О. А., Сивуха С. В. Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал. 2006. № 2 (10). С. 40–48.
9. Глуханюк Н. С. Практикум по психодиагностике: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2005. 216 с.
10. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
11. Клецина И. С. Практикум по гендерной психологии. СПб.: Питер, 2003. 478 с.
12. Иноземцева Е. А. Проблемы социальной трансформации человека в современном обществе // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. -№ 8 (8). С. 117–120.
13. Драчева Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2. С. 134–146.
14. Горюнова Н. В. Механизм психологической идентификации в телевизионной рекламе // Реклама и жизнь. 2000. № 4. С. 27.

Empathy as a method of comprehension of the psychic (the empirical aspect)

A. A. Smirnov¹, E. V. Solovyeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-516-523

Research article
Full text in Russian

The article is a continuation of the theoretical aspect, where an attempt was made to consider empathy through the prism of the structural-level approach of M. S. Rogovin. Currently, it is necessary to study mental phenomena in the understanding of their multidimensionality, non-linearity of construction and development. It was found that empathy has a «splitting effect», described in detail by M. A. Kholodnaya on the example of intellectual abilities, on productive and destructive components.

Keywords: empathy; multidimensionality; structural-level approach; method of comprehension

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smirnov, Alexander A. | E-mail: asmirnov1970@bk.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Solovieva, Elizaveta V. | E-mail: solovyeva.ev205@gmail.com
Undergraduate

Funding: Russian science foundation (project 22-28-00602).

Эмпатия как метод познания психического (эмпирический аспект)

А. А. Смирнов¹, Е. В. Соловьева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-516-523
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья является продолжением теоретического аспекта, где была принята попытка рассмотреть эмпатию через призму структурно-уровневого подхода М. С. Роговина. В настоящее время требуется изучение психических феноменов в понимании их многомерности, нелинейности построения и развития. Было установлено, что эмпатия имеет «эффект расщепления», подробно описанный М. А. Холодной на примере интеллектуальных способностей, на продуктивную и деструктивную составляющие.

Ключевые слова: эмпатия; многомерность; структурно-уровневый подход; метод познания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнов, Александр Александрович | E-mail: asmirnov1970@bk.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Соловьева, Елизавета Валерьевна | E-mail: solovyeva.ev205@gmail.com
Студент

Финансирование: Российский научный фонд, проект № 22-28-00602
<https://rscf.ru/project/22-28-00602/>

Постановка проблемы

В настоящее время требуется изучение психических феноменов в понимании их многомерности, нелинейности построения и развития [1–2]. В период тотальной цифровизации, быстрого изменения общества в связи с непрерывными потоками информации важно понять природу психики человека. Методы познания психики другого отличают личность от искусственного интеллекта. Одним из таких методов является эмпатия как синергетический феномен, возникающий благодаря системному эффекту определенной организации ее структурно-уровневого строения. Статья является продолжением теоретического аспекта, где была пред-

© Смирнов А. А., Соловьева Е. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

принята попытка рассмотрения эмпатии через призму структурно-уровневого подхода М. С. Роговина [3].

Измерение свойств в истории психологии имеет свое начало с теории черт личности. Черта как некий континуум выраженности качеств личности, на чем построены многие известные методики в современной психометрике. В дальнейшем было предпринято объединение черт в факторы и их совокупности. Представление о черте как диспозиции представлено в работах Г. Олпорта, Р. Б. Кеттелла, Г. Айзенка и других. Кластерный и нарративный анализы позволили выделять типы через объединения группы похожих людей (Э. Кречмер, В. Шелдон, К. Г. Юнг и др.) [4].

Как было подчеркнуто в работе (2020) М. А. Холодной «Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия», современные реалии требуют переход от понимания линейности качеств к их многомерному строению. М. А. Холодная пишет: «В действительности любой психический объект – это сложная многомерная система, поэтому его поведение имеет нелинейный характер» [2]. Она подчеркивает важность изучения расщепления свойств психики. Подобные размышления встречаются в работах В. Н. Дружинина (Экспериментальная психология), И. П. Пастухова, К. В. Хорошун, Е. А. Котлярова (Многомерные модели толерантности). А. И. Крупнов (Системно-диспозиционный подход к изучению личности, их многомерно-функциональной природы), О. Б. Барабаш, С. М. Зиньковская, О. М. Пономарева, В. П. Пряедин, А. Э. Пятинин, Н. В. Тучак и другие психологи развивают в своих исследованиях многомерно-функциональный подход к анализу базовых свойств личности и индивидуальности [1].

Целью нашего исследования является доказать многомерность эмпатии на примере «эффекта расщепления».

Процедура и методы исследования

Методики опросного типа построены на утверждениях, каждое из которых должно пройти проверку на индекс дискриминативности пункта теста. Разнообразие вопросов методик, которые отражают разные аспекты свойства, может помочь зафиксировать многомерность эмпатии.

Для того чтобы рассмотреть специфику данного феномена, были выбраны следующие методики:

1. Тест В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатических способностей» [5];
2. Методика М. С. Юркиной «Адаптация студентов к ВУЗу»;
3. Методика К. Роджерса, Р. Даймонд «Диагностика социально-психологической адаптации»;
4. Опросник Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона, Р. Сэнфорд «Шкала фашизма» [6].

Первую выборку составили студенты первого курса факультетов: экономического, юридического и психологического. Общее число испыту-

емых – 281 человек. Процедура исследования заключалась в проведении опроса в первом семестре обучения 2019 года. Вторую выборку составили студенты первого курса факультетов: психологии, информационно-вычислительной техники, прикладной математики и информатики. Общее количество студентов – 125 человек. Процедура исследования заключалась в проведении опроса в первом семестре обучения 2020 года.

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании удалось определить «эффект расщепления» эмпатии. Понятие описано М. А. Холодной, подразумевает, что исследуемое качество предстает в виде «квадрупольной модели», где каждый полюс феномена расщеплен на два субполюса – его продуктивную и деструктивную составляющие [2].

Привычнее представлять, что чем выше показатели выраженности эмпатии, тем более высокой гуманностью, склонностью к альтруизму, сочувствию, толерантностью наделена личность. Например, А. А. Бодалев считает, что эмпатия как механизм переживания чувств другого человека способствует психологическому принятию партнера [7]. Эмпатия рассматривается и как soft-skills, т. е. навыки, которые развивают для профессиональной, социальной адаптивности личности. К. Роджерс говорит об эмпатии как о свойстве фасилитатора, т. е. учителя, наставника, который может направлять и сопровождать обучение и воспитание другого человека [8]. Эти стороны показывают продуктивную составляющую высокого уровня эмпатии в целом.

Проведенные нами исследования показывают, что существует не только продуктивная сторона эмпатии, но и ее деструктивная часть. Нагляднее всего «эффект расщепления» можно наблюдать в изучении эмпатии в взаимосвязи с адаптированностью личности. Мы рассматривали не только социальный компонент адаптированности как приспособление к новым условиям социальной среды, но и социально-психологический компонент как принятие своего психологического статуса в социуме. В дополнение мы использовали метод «обратной гипотезы» и провели исследование на дезадаптацию индивидов.

Согласно исследованиям М. А. Холодной, мы тоже наблюдали, что при разделении выраженности общего показателя эмпатии на уровни качества: низкий, средний и высокий – мы заметили нелинейную закономерность [2]. Обнаружены положительные и отрицательные взаимосвязи между параметрами, многие компоненты подчиняются зависимости типа «обратного оптимума», U-образной кривой.

Нами проведен цикл исследований, направленных на изучение выраженности отдельных параметров эмпатии и компонентов адаптированности. Результатами этих исследований является обнаружение составляющих эмпатии, которые фасилитируют вузовскую адаптированность,

а также являются ингибиторами в общей структуре. Были установлены изменения не только на аналитическом уровне исследования, но и на структурном – сплочение структуры имеет гетерохронный и неравномерный характер: со степенью увеличения уровня эмпатии мы наблюдаем, что почти одинаково организованы низкий и высокий уровни эмпатии, а средний уровень эмпатии показывает в сравнении с ними сильную дезинтеграцию качеств адаптированности.

При детальном рассмотрении эмпатии с антидемократической подверженностью личности (уязвимость к пропаганде фашизма) нами был выявлен «обратный оптимум» эмпатии, т. е. средние значения наиболее предрасположены к антидемократической подверженности личности.

Подобный обратный оптимум среднего значения эмпатии можно объяснить двумя взаимопроникающими сторонами интерпретации результатов: парциальной и интегральной. Парциальная сторона захватывает компонентный уровень. Интегральная сторона как раз говорит о «расщеплении» показателей эмпатии и её многомерной природе в целом.

Первое предположение – это разные виды параметров эмпатии. В. Н. Дружинин пишет о разных типах взаимодействия переменных: фасилитирующем, ингибирующем, нейтральном и перекрестном [4]. В самом конструкте эмпатии существует перекрестное взаимодействие при разных уровнях адаптированности, это наблюдается и в корреляционной матрице (см. табл. 1). Интуитивный, эмоциональный и рациональный каналы в эмпатии снижают вузовскую адаптированность, а проникающая способность и идентификация в эмпатии ее, наоборот, увеличивают. Нами параметры-ингибиторы были названы экстермальными, т. е. направленными на сбор информации во вне, а параметры-фасилитаторы – интермальными, т. е. направленными на изменения себя в ответ. Подобное разделение было и подтверждено шкалой «Локус контроля» (Ожидание внутреннего контроля), где наблюдается тоже разделение на два типа параметров эмпатии.

Причина деструктивного воздействия экстернатальных параметров эмпатии кроется, скорее всего, в том, что процессы сбора информации через эмоции, интуицию и простое восприятие являются более низкоуровневыми процессами, чем поведение при таких интернатальных регулируемых параметрах, как идентификация и проникающая способность. Интернатальные параметры отличаются большим контролем, сознательным регулированием, что свойственно высокоуровневым процессам [5].

Более интегральной, глубокой, на наш взгляд, интерпретацией может служить «эффект расщепления» выраженности на продуктивную и непродуктивную составляющие (подобно описанию многомерности природы интеллекта и креативности М. А. Холодной) [2].

Взаимосвязи факторов исследования

Локус контроля	Канал эмпатии	А	ПрС	ПрД	ЭК	ОВК	Д	УП	ВА-Д	ВА-П	ВА-С
Экстер-нальный	РЭ	-0,11*						0,11*			
	ЭЭ	-0,19**	-0,20**	-0,13*	-0,18**		-0,22***	0,11*		-0,11*	
	ИЭ	-0,19**	-0,15**	-0,14*	-0,14*	-0,12*		0,25***	-0,14*		-0,24***
Интернальный	ПСвЭ	0,29***	0,35***	0,30***	0,32***	0,24***		-0,30***	0,13*	0,25***	0,23***
	И		0,12*			0,16**	0,14*			0,18***	0,10*

Обозначения: А – адаптированность, ПрС – принятие себя, ПрД – принятие других, ЭК – эмоциональный комфорт, ОVK – ожидание внутреннего контроля, Д – доминирование, УП – уход от проблем, ВА-Д – дидактическая адаптированность, ВА-П – профессиональная адаптированность, ВА-С – социальная адаптированность, РЭ – рациональный канал эмпатии, ЭЭ – эмоциональный канал эмпатии, ИЭ – интуитивный канал эмпатии, ПСвЭ – проникающая способность в эмпатии, И – идентификация.

Нами были построены графики средних значений и их доверительных интервалов по компонентам адаптированности как показателя продуктивности деятельности (см. рис. 1). Представлен график интегральной вузовской адаптированности на трех уровнях эмпатии: низком, среднем, высоком. Похожая картина расщепления наблюдается по всем компонентам социальной и социально-психологической адаптаций.

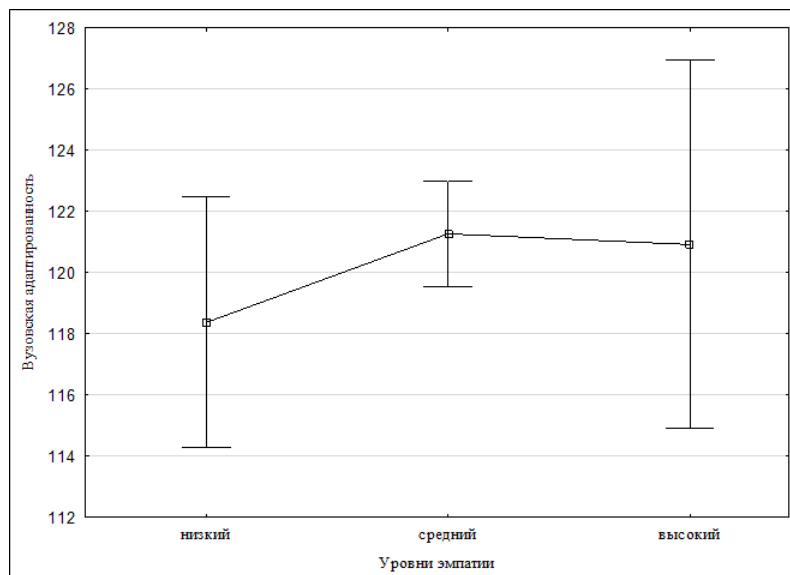

Рис. 1. Расщепление продуктивности эмпатии на разных её уровнях

Выводы

Если рассматривать эмпатию как метод познания психики другого, то именно достижение познания человека в общении «таким, какой он есть на самом деле», понимание его многопланово, будто себя, а также высокое прогнозирование поведения партнера по общению может быть только осуществлено на мета-системном уровне, который включает в себя все нижележащие подструктуры [9, 3].

Высокий уровень эмпатии может обладать конструктивной природой – высокоуровневый эмпат продуктивно адаптивен, способен дифференцировать эмоции партнера и различать негативные воздействия и социально-психологические методы манипулирования. Эмпат может прогнозировать действия собеседника, позитивно регулировать коммуникацию и корректировать взаимодействие с партнером. Все это говорит о высоком эмоциональном интеллекте [10]. Также эмпатия не сводится только к контролю и отслеживанию своих и чужих эмоций, это и понимание хода мыслей партнера, принятие ценностных ориентаций, погружение в семантическое поле собеседника. Продуктивный субполюс высокоуровневого эмпата это еще и высокая респонзивность – способность гибкого реагирования в ответ на поведение другого. Это не просто принятие информации как сбор из вне с помощью каналов эмпатии, но и умелое применение ее на практике.

Деструктивный субполюс высокого уровня эмпатии – это преобладание иррациональных установок. Такой эмпат чаще опирается на интуицию, неосознанные эмоции, бесконтрольные влечения, бессознательные мысли. Он восприимчив к внешним воздействиям, легко поддается внушению со стороны других лиц и может идентифицироваться с авторитарными личностями, которые манипулируют им. Больше выражены экстернальная направленность на общение с другими, сознание больше акцентирует внимание на внешние стимулы (знаки судьбы, мимика партнера, стрессовые состояния окружающих), а не на внутренние проявления (собственное поведение, контроль эмоций, мыслей).

Низкий уровень эмпатии тоже имеет субполюса при расщеплении. Позитивный характер носит эмоционально притупленный, сфокусированный на себе индивид с низкой сензитивностью. Такой человек может игнорировать внешние воздействия, которые могли бы разрушить его гомеостатическое уравнивание и создать стрессовую ситуацию. Он может компенсировать познание социума через другие свойства психики: интеллект, рефлексивность, способность к воспитанию и обучению. Деструктивный субполюс низкой эмпатии отличается низкой способностью отличать поступающую информацию из вне, прогнозировать поведение других. Эта «эмпатийная слепота» может привести к дезадаптации индивида, непониманию, конфликтам.

Многомерность эмпатии можно описать через её фрактальную природу. Фрактал – это множество, обладающее свойством самоподобия. Фракталы описывают нелинейные процессы. Более сложным устройством обладает форма «странного аттрактора», которая описывается как множество неустойчивых траекторий диссипативной динамической системы [11]. Диссипативность заключается в том, что система создает баланс в расщеплении и уравнивает это неравновесие [12]. Аттрактор – это цель, к которой стремится система, но данную точку нельзя достичь. При подобном понимании феноменологии природы многомерности свойств психики можно заключить, что эмпатия развивается в своем расщеплении и многоуровневости, многомерности описываемого множества и что именно цель эмпатической активности формирует систему эмпатии.

Ссылки

1. Сафина Р. Б., Карамова Э. И. Особенности психологической структуры инициативности как системного свойства личности // Вестник Башкир. ун-та. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psiologicheskoy-struktury-initsiativnosti-kak-sistemnogo-svoystva-lichnosti> (дата обращения: 25.07.2021).
2. Холодная М. А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 3 С. 18–31 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/psy/s020595920009342-2-1> (дата обращения: 04.02.2021). DOI: 10.31857/S020595920009342-2
3. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии: Методологические основы. Ярославль: ЯрГУ, 1977, 79 с.
4. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология: учебное пособие. М.: ИН-ФРА-М, 1997. 256 с.
5. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996. 472 с.
6. The Authoritarian Personality / T. Adorno [et al]. New York: Harper, 1950. 990 p.
7. Бодалев А. А. Психология межличностного общения. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. 90 с.
8. Роджерс К. Психология эмоций: сборник. М.: МГУ, 1984. 285 с.
9. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 2, № 5. С. 45–57.
10. Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29–36.
11. Трубецков Д. И., Рабинович М. И. Введение в теорию колебаний и волн, М., 1984. 432 с.
12. Кашапов М. М. Понимание ресурсности в контексте профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 116–130.

Memories on Professor V. S. Filatov and my distribution to Yaroslavl State University

A. L. Zhuravlev¹

¹Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 13k1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-524-542

Biographical-Item
Full text in Russian

The history of acquaintance of A.L. Zhuravlev, a fifth-year student of the Faculty of Psychology of the Leningrad State University, with the founders of the Faculty of Psychology of the Yaroslavl State University (the head of the department, professor V.S. Filatov and dean, associate professor V.V. Novikov) in the autumn of 1971 is described. The events that followed Zhuravlev's consent to go to work at YarSU are given: a trip to Yaroslavl, the work of the commission for the distribution of graduates, preparations for teaching the course "Psychology of Personality". The details of the meeting of the Department of General Psychology of the YarSU, which became the last for professor Filatov, are considered. Zhuravlev shares in detail his impressions of interaction with the professor and a sincere person.

Keywords: history of psychology; Leningrad State University; Yaroslavl State University; Faculty of Psychology; V. S. Filatov

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhuravlev, Anatoly L. | E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru
| Academician of RAS, scientific director

Воспоминания о профессоре В. С. Филатове и моем распределении в Ярославский госуниверситет

А. Л. Журавлев¹

¹Институт психологии РАН, ул. Ярославская, д. 13, к. 1, Москва, 129366, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-524-542
УДК 159.9

Мемуары
Полный текст на русском языке

Описывается история знакомства А. Л. Журавлева, пятикурсника факультета психологии Ленинградского госуниверситета, с создателями факультета психологии Ярославского госуниверситета: заведующим кафедрой, профессором В. С. Филатовым и деканом, доцентом В. В. Новиковым осенью 1971 г. Приводятся события, последовавшие после согласия Журавлева поехать на работу в ЯрГУ: поездка в Ярославль, работа комиссии по распределению выпускников, подготовка к преподаванию курса «Психология личности». Рассматриваются детали проведения заседания кафедры общей психологии ЯрГУ, ставшего последним для профессора Филатова. Журавлев подробно делится впечатлениями от взаимодействия с профессором и душевным человеком.

Ключевые слова: история психологии; Ленинградский госуниверситет; Ярославский госуниверситет; факультет психологии; В. С. Филатов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлев, Анатолий Лактионович	E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru Академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН
--------------------------------	--

Введение

Впервые о Василии Степановиче Филатове я услышал в разговоре с Ю. Г. Трошихиной, преподавателем зоопсихологии и сравнительной психологии факультета психологии ЛГУ и научным руководителем трех моих курсовых работ II–IV курсов. Этот разговор состоялся с ней в здании факультета на ул. Красной, дом 60, примерно в конце сентября 1971 г.

© Журавлев А. Л., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Юлия Георгиевна сообщила мне, что скоро приедут психологи – создатели факультета психологии Ярославского госуниверситета (третьего факультета в стране, после московского и ленинградского). Она также сказала, что они должны будут встретиться с Б. Г. Ананьевым, у которого они собирались просить рекомендации кого-то из наших выпускников для работы по распределению преподавателем нового факультета ЯрГУ. В процессе разговора оказалось, что к ней уже обращался декан этого факультета Виктор Васильевич Новиков с просьбой по возможности подсказать какого-то выпускника, предварительно переговорив с ним, если найдется таковой, согласный поехать преподавать в ЯрГУ. В таком случае ярославцы будут просить Ананьева направить к ним конкретного человека на должность ассистента кафедры общей психологии.

О моем возможном распределении на работу

В этом же разговоре Юлия Георгиевна задала мне несколько вопросов, связанных с моим будущим распределением. Как я помню, они были следующего содержания: было ли у меня место возможной работы, куда я готов был поехать после завершения учебы на факультете? был ли у меня настрой остаться в Ленинграде после выпуска? было ли у меня желание продолжать профессиональную подготовку в аспирантуре факультета ЛГУ? Конечно, все ее вопросы я уже не помню, но перечисленные были точно. В концентрированной форме мои ответы сводились к следующему: «Остаться в Ленинграде я не хочу, но места работы пока у меня нет...».

После этого Трошихина спросила о моем отношении к конкретному предложению: работать в вузе, на новом профильном факультете, в областном красивом древнем городе и недалеко от Москвы. Последнее не понималось и отрицалось мною как достоинство данного места работы, и это было очень искренне с моей стороны, о чем я прямо сказал Юлии Георгиевне. Только позднее я естественным образом вынужден был согласиться с тем значением, которое имела близость от Москвы: короткий путь от Ярославля до столицы для многих, в том числе и для меня, станет дорогой профессионального развития. Тогда бы в это я не поверил! В целом в тот момент я испытывал состояние высокой неопределенности, сомнения и т. п. Конечно, я не мог, не подумав, отказаться от предложения Трошихиной, но психологически не был готов и дать согласие, поэтому мы договорились отложить решение этого вопроса, а сначала встретиться и поговорить с В. С. Филатовым и В. В. Новиковым, причем до их встречи с Б. Г. Ананьевым. Мне было важно увидеть своих будущих «работодателей», как их назвала Трошихина, а я такого слова в то время не знал.

Трудно вспомнить, сколько прошло времени до их приезда на факультет психологии ЛГУ, но его я пытался использовать, чтобы понять и содержание, и качество предложенного мне места работы. А не понимал я очень многое, начиная с того, что такое «ассистент кафедры». Когда же мне

удалось выяснить, что это типа «младшего», «не старшего» преподавателя, и мне назвали фамилии нескольких ассистентов кафедр нашего факультета, то на душе стало теплее... В самых разных проведенных мною беседах все склоняли меня к согласию либо прямо, либо как-то косвенно, по смыслу. Однако все были согласны с тем, чтобы мне увидаться с моими будущими административными руководителями. Ведь речь шла о заведующем кафедрой общей психологии (В. С. Филатове) и декане факультета (В. В. Новикове).

Первая встреча с руководителями факультета психологии ЯрГУ

Наша встреча с ярославцами состоялась в октябре 1971 г., по подсказке времени и места той же Трошихиной, на «пяточке» возле деканата, располагавшегося на 2-м этаже здания, на пересечении разных направлений движения преподавателей, студентов и других сотрудников – это было одно из оживленных мест на факультете.

Разговор действительно проходил в неудобном месте: было шумно, мы стояли на близком расстоянии друг от друга, а чтобы слышать речь, нужно было напрягать слух... Совсем не помню, какое внешнее впечатление они произвели на меня. Скорее всего, я их толком и «не увидел», тем более не рассмотрел, но хорошо запомнил содержание нашего разговора, который вел Виктор Васильевич. Мне показалось, что Василий Степанович был на «вторых» ролях, в беседу он не вступал, не задал мне ни одного вопроса, не подал ни одной реплики, но с большим вниманием слушал и наблюдал. Новиков же, представив себя и Филатова, сказал о нем не только как о заведующем главной кафедрой на новом факультете, но и как об основателе научной психологической школы в Ярославле, о чем я, конечно, ничего не знал. Виктор Васильевич сказал об острой потребности факультета в подготовке и чтении основной дисциплины «Общая психология» для студентов III курса (набор 1970 г.), раздел которой назывался «Психология личности». Новиков подчеркнул, что мне предлагается очень большой объем часов (общие цифры я не запоминал, но они мне и не говорили ни о чем), включавший чтение лекций (2 часа в неделю), проведение семинаров (2 часа в неделю в каждой из 2 учебных групп) и организацию практических занятий по психологии личности (4 часа с каждой группой), и так в течение целого учебного года, а недель в году запланировано 34.

Я никак не мог оценить предложенный объем часов, его трудоемкость и т. п., но меня, как сегодня говорят, «зацепило» то, что было сказано о практических занятиях по психологии личности, которых в таком объеме на третьем курсе нашего факультета не было. Здесь я легко понял, что это (4 часа умножить на 34 недели) очень много, но сразу посчитать не смог. Итоговой цифры я «добился», только вернувшись домой (в общежитие), на 4-ю линию Васильевского острова.

Во время разговора на факультете я задавал Новикову какие-то уточняющие вопросы, содержание которых не могу даже вспомнить, но при этом уверен в том, что они не могли быть существенными, так как предстоящую рабочую ситуацию я представлял плохо, даже неадекватно. Эти вопросы могли лишь свидетельствовать о моей включенности в разговор и заинтересованности в том, о чем говорил Виктор Васильевич.

Хорошо же помню несколько позиций из нашего разговора. Во-первых, ярославцами было подчеркнуто, что они специально обращаются на факультет психологии ЛГУ, на котором студенты получают хорошую методическую подготовку на специализации по кафедре Б. Г. Ананьева (общей психологии), а я специализировался именно на этой кафедре. Во-вторых, Новиков предупредил, что мне будет необходимо выполнить большую подготовительную работу, чтобы «поставить» (я впервые услышал это слово, оно мне чем-то понравилось и позднее я его использовал) такой курс, и что начать его подготовку нужно будет прямо в Ленинграде. Он посоветовал мне купить некоторые последние издания по психологии личности, которых может еще не быть в Ярославле, каким-то образом «достать», получить личностные диагностические методики, собрать учебные программы по данному направлению. О последнем я не имел никакого представления, поэтому у меня не возникало желания этим заниматься. Несколько забегаая вперед, могу откровенно сказать, что этот совет оказался мне очень полезным, хотя я стал ему следовать несколько позднее, к сожалению, не сразу, как говорил Виктор Васильевич. В-третьих, он с некоторой гордостью сказал, что новый факультет, несмотря на его молодость, выполняет крупные хоздоговорные работы по заказам промышленных и других предприятий (организаций), поэтому будет возможность иметь подработку и вести практически значимые исследования. У меня это не вызвало интереса, так как я не считал это важным для принятия моего решения. В-четвертых, Новиков наиболее развернуто говорил о научной содержательности и перспективности моей будущей работы в ЯрГУ, о возможностях научного роста и самореализации на факультете. Только позднее я узнал о том, почему Виктор Васильевич столь подробно описал мне научные возможности своего факультета. В разговоре Новикова и Трошихиной, предшествовавшем нашей встрече с руководителями из ЯрГУ, Юлия Георгиевна дала мне характеристику, в том числе подчеркнула мою мотивированность на выполнение научных исследований и подготовку публикаций (к тому времени у меня их было две).

Все, что говорил на той встрече Новиков, звучало очень убедительно, но воспринималось мною как явное преувеличение возможностей. Конечно, в этом чувствовался его университетский патриотизм, который характеризовал и меня, но по отношению к ЛГУ и его факультету психологии.

Наш разговор завершился тем, что я выразил им согласие поехать на работу в ЯрГУ, и с этим решением они пошли на встречу с Б. Г. Ананьевым.

После разговора я не испытывал ни радости, ни огорчения, однако, хотя и размыто, я почувствовал, что происходит что-то серьезное и важное для меня, что может повлиять на мою последующую жизнь, не только в психологии, но и в целом. У меня возникло легкое чувство тревоги от того, что возросла, причем принципиально, неопределенность моего будущего. Не желая того, я быстро осознал неизбежность предстоящих изменений в моей жизни, которые стали приближаться резко, стремительно... Мне захотелось побыть одному. Взяв в гардеробе свою верхнюю одежду, я решил ни с кем не объединяться для «похода» до Площади труда (остановки общественного транспорта), что практически со мною ранее не бывало. Выйдя во двор, прилегавший к зданию факультета, чтобы направиться к улице Красной, я увидел со спины идущих впереди Новикова и Филатова. Мне было неловко их перегонять, так как я не находил слова, которые при этом мне нужно было бы им сказать, я не допускал также возможности пройтись с ними вместе до площади, как уже со знакомыми людьми, тем более, перегнав, не сказать им ничего. Поэтому я продолжал идти на небольшом расстоянии от них.

Вспоминая, конечно, смотришь на эти ситуации совсем по-другому, чем в октябре 1971 года. У меня, хотя и со спины, была возможность их рассмотреть, и я это делал с любопытством. Оказалось, что Василий Степанович был высокого роста, значительно выше коренастого, «борцовского» вида Виктора Васильевича. На улице Красной дул встречный ветер (обычное дело!), их плащи при этом не были застегнуты на пуговицы, поэтому Филатов регулярно поворачивался назад, ловил полы своего плаща и пытался их поправить. Я неоднократно смог видеть его лицо, которое показалось мне интеллигентным. Несмотря на его большой (по моим студенческим меркам) возраст, он по-прежнему сохранял качества бывшего лидера. Получалось так, что его фигура и походка вызывали у меня больший интерес, и я это осознал несколько позже, пытаясь ответить на вопрос «Почему?». Возможно, объяснялось это тем, что во время нашей встречи у деканата факультета мне больше удалось «познакомиться» с Новиковым, который провел весь наш разговор. Возможно, почему-то еще!?! Но этот четкий образ двух движущихся фигур по улице Красной остался со мной навсегда. Практически всю небольшую дорогу до Площади труда я не только не смог быть в одиночестве, чего мне хотелось сразу после нашей встречи и разговора, но и снова оказался вместе с ними. И это для меня было очень символично! Наблюдая за идущими фигурами Новикова и Филатова, я спрашивал себя: «Хочется ли тебе работать вместе с этими людьми в их городе, университете, на факультете, который они создали?». Ответить на вопрос я не смог не только на той дороге, которая мне запомнилась, но и позднее. Одна-

ко жизнь потом повернулась так, что ответ на этот мучивший меня вопрос совсем не понадобился.

Поездка на факультет психологии ЯрГУ

Через короткое время, скорее всего в том же октябре 1971 года, во время очередной встречи с Ю. Г. Трошихиной, а они были регулярными, она мне с явной грустью сказала, что В. В. Новикова сняли с должности декана факультета психологии ЯрГУ и что произошло это в результате какого-то конфликта в университете с его участием. При этом она посоветовала съездить в Ярославль, самому посмотреть и познакомиться с новым руководством, а уже потом подумать, ехать туда на работу или нет. Она очень сопереживала мне, так как оказалась причастной к нашей договоренности с Филатовым и Новиковым о моем распределении в ЯрГУ.

В районе ноябрьских праздников 1971 г. я заранее планировал совершить традиционную однодневную поездку в Москву: купить самые новые книги по психологии на проспекте Калинина, в «Доме книги», рядом же приобрести новые пластинки фирмы «Мелодия», посмотреть фильм первого экрана в кинотеатре «Октябрь» или «Художественный», посетить выставку в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, вечером побывать на каком-либо спектакле, а после 23 часов 30 минут из Москвы в Ленинград поезда шли каждые 15 минут. Обычно, причем 5 лет живя в Ленинграде, а потом и в Ярославле, я делал такие поездки преимущественно по субботам, но на этот раз решил совместить: последний праздничный день провести в Москве, а первый рабочий день – в Ярославле. Плохо представляя расстояние и тем более расписание поездов между Москвой и Ярославлем, ночь собирался быть в поезде. Оказалось, что поезда до Ярославля шли 4–4,5 часа, поэтому в город я приехал очень ранним утром, быстро нашел факультет психологии ЯрГУ, полностью занимавший красивое 2-этажное здание в центре города (на улице Кирова). Меня удивило то, что продовольственные магазины и учреждения общественного питания начинали работать очень рано, но более всего то, что университет приступал к работе с 8 часов, то есть раньше ЛГУ на целый час.

Войдя в здание факультета, я обратился в деканат на 2-м этаже, где меня с удивлением встретила Татьяна Алексеевна Корнеева, а затем и Владимир Дмитриевич Шадриков, которому я представился в качестве студента V курса факультета психологии ЛГУ, имевшего целью познакомиться с возможным будущим местом работы. Шадриков быстро сориентировался, проявил осведомленность о потенциальном выпускнике, хотя, конечно, не ожидал самого приезда. Он предложил мне посмотреть факультет, прежде всего учебные лаборатории для ведения практических занятий по разным дисциплинам. Учитывая то, что начинался только 2-й учебный год (1971/72) факультета, я был удивлен техническим оснащением лабораторий, которые располагались на первом этаже здания.

Их состояние вызвало у меня положительные впечатления, как-то «подкупило» меня, как и в целом здание факультета, которого, забегая вперед, он лишился быстро, в 1973 году.

Одновременно мне удалось увидеться с несколькими сотрудниками: старшим лаборантом Дмитрием, который, не вставая, сидел во время посещения за столом, с умным интеллигентным лицом и несколько ехидной улыбкой, пробивавшейся сквозь очки и бороду и обращенной в нашу сторону; заведующим учебными лабораториями М. М. Князевым, который передвигался с нами с большой связкой ключей, ловко перебирал их, выбирая нужные. И третий человек, с которым удалось встретиться, был фотограф В. Ф. Шевчук, улыбчивый, интеллигентный, разговорчивый и совсем не походивший, в моем представлении, на фотографа, который в перспективе стал доктором наук, что было закономерным.

Конечно, я спросил Шадрикова о возможности увидеться с профессором В. С. Филатовым, с которым я встречался в Ленинграде, на своем факультете совсем недавно. Владимир Дмитриевич в ответ сказал, что Василий Степанович бывает на факультете редко и сегодня его тоже нет.

Обо всех, без исключения, с кем мы встречались во время «экскурсии» по факультету, Шадриков говорил лестно, даже крайне лестно, подчеркивая всякие заслуги каждого и «преувеличивая» достижения. У меня это вызвало явное недоверие. Вспоминаю об этом с улыбкой, но тогда я не понимал, что вся социальная ситуация в целом не предполагала использование каких-то адекватных оценок сотрудников факультета со стороны декана. Более всего я не согласился с тем, когда Владимир Дмитриевич стал сравнивать наши факультеты, говоря не только о каких-то достоинствах, но и явных преимуществах своего факультета, что у меня вызвало даже легкое раздражение.

Из этого посещения факультета я вынес несколько впечатлений. Во-первых, на факультете уже сложились вполне благоприятные условия для профессиональной подготовки студентов, а состояние учебных лабораторий для практикума по экспериментальной психологии было на хорошем уровне. Во-вторых, я увидел высокую заинтересованность в моем приезде на работу в университет. Об этом можно было судить по тому, как меня встречали, а также по их желанию, чтобы факультет мне понравился. В-третьих, и в свое время у В. В. Новикова, и на этот раз у В. Д. Шадрикова я увидел не просто любовь к факультету, своему делу, а тот выраженный «факультетский патриотизм», о котором я выше упоминал и который у Владимира Дмитриевича проявился в еще большей степени, даже несколько напористой, отталкивавшей при взаимодействии, не оставлявшей в совместном пространстве места для патриотизма другого человека, вызванного каким-то другим факультетом. В-четвертых, меня удивило то, что мы нисколько не говорили о конкретном моем деле, предстоящей

подготовке каких-либо курсов, т. н. нагрузке, о содержании и перспективах моей будущей работы. В тот период я еще не мог четко формулировать свои вопросы обо всем этом, но когда мне приходилось слушать, то содержание я вполне понимал, более того, мог задавать уточняющие вопросы и т. д. Но разговора такого содержания на этой встрече вообще не было.

Основной итог моей поездки в Ярославль мог быть оценен не столько по позитивному, сколько по негативному критерию: у меня не возникло нежелание приезжать на этот факультет на работу, его непринятие в целом или отдельных каких-то составляющих, кроме некоторых высказываний декана в адрес моего факультета ЛГУ. Объективно говоря, я не увидел и того, что меня бы явно привлекло, «загорелось» желание или что-то близкое, похожее. Увидев через какое-то время Ю. Г. Трошихину, которой я был очень благодарен за совет, на ее вопросительный взгляд кратко ответил: «Поеду работать!». Конечно, она хотела услышать о деталях увиденного мною в Ярославле, но я ушел от этого, сказав, что пока мне мало что понятно. И это в полной мере соответствовало действительности!

Заседание комиссии по распределению выпускников

В течение трех месяцев после поездки я занимался другими вопросами, и все, что было связано с Ярославлем, ушло далеко на «задний» план. Но во второй половине февраля уже 1972 года на факультете состоялось заседание комиссии по распределению будущих выпускников нашего курса. Это был второй набор на факультет 1967 года и, соответственно, 2-й выпуск 1972 года. Председателем комиссии был декан факультета Б. Г. Ананьев, а его заместителем – Капитолина Дмитриевна Шафранская, которая готовила на столах небольшой аудитории необходимые документы: список выпускников, показатели их учебы, заявки-приглашения на работу из организаций, учреждений и др. Каждый был в списке не по алфавиту, а в порядке легкости/трудности решения вопроса распределения, причем от простого к сложному. В соответствии с этим списком нас по одному должны были приглашать на заседание этой комиссии. Все мы собирались и ожидали на площадке второго этажа, возле стендов с учебным расписанием занятий. Как только я появился на факультете, мне кто-то из сокурсников сразу сказал, что меня спрашивала Шафранская, попросив подойти к ней, что я и сделал. Капитолина Дмитриевна с грустью в голосе сообщила мне, что из ЯрГУ нет заявки на меня, хотя они точно обещали выслать ее заранее в Министерство высшего и среднего специального образования (не помню какого: РСФСР или СССР). Видимо, что-то не получилось! Она предложила мне подождать, когда через комиссию пройдут все те студенты, на которых были получены соответствующие запросы, чтобы поговорить потом об имевшихся вариантах распределения.

С одной стороны, у меня возникло совсем новое чувство невостремленности, какой-то профессиональной ненужности, а с другой – появившийся

шанс так называемого свободного распределения открывал для меня новые возможности, хотя пока и непонятные. Когда после разговора с Шафранской я вернулся в среду студентов и рассказал им о случившемся, мне стали давать множество разных советов, например: жениться на лениградке и получить постоянную прописку, добиться нового запроса на распределение, спросить о возможностях, имевшихся у нашей комиссии по распределению, никуда не уезжать, а осенью поступать в аспирантуру факультета и многое другое. Сейчас мне удалось вспомнить лишь часть таких «полезных» предложений.

Однако такое состояние неопределенности длилось недолго, жизнь продолжала изменяться резко и всякий раз, как мне казалось, судьбоносно по отношению ко мне. Шафранская, подготовив все документы, пошла в кабинет декана доложить о состоянии дел, чтобы после этого вернуться уже вместе с Б. Г. Ананьевым и приступить к работе. Мы все в напряжении ожидали начала работы комиссии, и в этой ситуации ко мне подошла Капитолина Дмитриевна и рассказала следующее. Когда она сообщила Борису Герасимовичу среди разных вопросов и то, что на Журавлева не получена заявка из Ярославского университета, он, по ее словам, резким движением достал из бокового кармана пиджака раскрытый почтовый конверт, сказав при этом: «Так вот она, эта заявка!». Позднее выяснилось, что он просто не положил полученный документ в общую стопку, хотя и ознакомился с ним. В создавшейся ситуации я, конечно, обрадовался такому повороту событий. На заседание комиссии я был приглашен одним из первых и поставил подпись о своем согласии поехать на работу по распределению в Ярославский госуниверситет.

Во время нашего ожидания завершения работы комиссии по распределению трое наших студентов, включая меня, сгруппировались возле одного из подоконников в узком коридоре – переходе из флигеля дворца к его центральной части, где находились основные аудитории и расписание занятий. В обычные дни здесь студенты не останавливались. Более удобные подоконники – места ожидания – были заняты другими. Неожиданно мимо нас, со стороны деканата, проходил профессор Л. М. Веккер. Увидев стоящих пятикурсников, он остановился, что было естественным в тот день, так как весь факультет, прежде всего его преподаватели, «жили» распределением. У нас состоялся разговор: Лев Маркович спросил о том, кто и куда распределится... Хотя разговор был небольшим по времени, он мне очень запомнился по целому ряду причин. Скажу только о главном. В ответ на его вопрос каждый из нас сообщил о месте распределения на работу. На мои слова о том, что я поеду преподавать в Ярославский госуниверситет, на факультет психологии, он отреагировал живо: «А вот это уже очень интересно!» (стараюсь реконструировать этот разговор близко к тому, как это реально было). Далее Лев Маркович высказал сожаление о том, что он не знает

никого из психологов этого факультета, продолжая рассуждать: «Если же удалось открыть психологический факультет, значит, там должны быть специалисты, но я их просто не знаю». Мой сокурсник, обращаясь к Веккеру, сказал: «Теперь одного из специалистов Вы будете знать!». И вот тут Лев Маркович стал говорить о том, что крайне необходимо, выбрав тему исследования, без всякого перерыва заняться подготовкой кандидатской диссертации, что университет – это благоприятное место для научной работы и т. д. Я попытался включиться в диалог, сказав о том, что поступление в аспирантуру пока не входит в мои ближайшие планы. На это он отреагировал словами, которые не просто мне запомнились, а «врезались» в мою память: «А вот поступать в аспирантуру Вам не будет нужно! Научную работу следует делать на месте: сдавать кандидатский минимум, выполнять исследование и делать все, что потребуется...». Об аспирантуре в тот период я совсем не думал, не понимал, что такое «кандидатский минимум» и т. д., но я был категорически не согласен с Веккером, считая, что серьезное научное исследование требует глубокого погружения, что несовместимо с преподавательской деятельностью. Позднее я понял радикализм своей позиции по этому вопросу, но такое понимание наступило у меня совсем на другом этапе моей жизни.

Скорее всего, именно в этот период я стал думать об опыте распределения студентов первого выпуска (1971-го года) нашего факультета психологии. По инициативе Б. Г. Ананьева в несколько организаций направлялись по два выпускника одновременно или в разные организации, но одного и того же крупного, например сибирского, города. В эту инициативу Борисом Герасимовичем закладывалось несколько смыслов. Во-первых, предполагалось, что процессы социальной и профессиональной адаптации будут протекать несколько легче для распределившихся выпускников. Во-вторых, влияние научных идей школы Ананьева на профессиональную подготовку в других организациях, как минимум, удвоится, а если сработает «групповой эффект», хотя речь шла о диадах, не совсем полноценных группах, то влияние может оказаться и сильнее. В-третьих, а это, как нам говорили, было главным для Ананьева, в будущем могли зародиться «ячейки» научных исследований в области психологии и со временем вырастать в научные центры.

Сама идея была простой и очень заманчивой, но в распределении студентов нашего курса – выпускников 1972 года – она уже не практиковалась. Суровая реальность состояла в том, что организации в регионах Советского Союза не имели возможности сделать заявки на 2-3 выпускников-психологов. Но думать об этом не возбранялось! И я тоже размышлял о возможном «чисто мифическом» напарнике, вместе с которым можно было бы поехать в Ярославль. Интересно было то, что такого сокурсника я просто не нахо-

дил, а его реально и не было, так как все были как-то устроены, хотели чего-то другого, добиваясь именно своего.

Подготовка к работе в ЯрГУ

Только после этого события (распределения) я стал серьезно задумываться над подготовкой к работе преподавателем в вузе и наконец-то обратился к практической реализации совета Новикова, хотя каких-то больших возможностей для этого у меня не было. Первое, что мне удавалось делать, – это регулярно следить за новыми поступлениями научной литературы по психологии, далеко не только по психологии личности, которой издавалось не так и много, и приобретать ее. Несколько раз в неделю после выполнения каких-то дел на факультете я проходил по маршруту, ставшему для меня стандартным: сначала по пути я заходил в какую-нибудь столовую, каждый раз разную, затем в богатый букинистический магазин на улице Герцена, самый известный среди книголюбов, потом – в главный Дом книги на Невском проспекте и только после этого ехал домой. Постепенно у меня собиралась личная библиотека, в будущем оказавшаяся мне полезной и не только в Ярославле.

Второе, чем я стал тоже регулярно заниматься, это всякими способами собирать и приобретать диагностические, прежде всего личностные, методики (опросники, отдельные тесты, комплексные программы обследования и т. п.). Действительно, во 2-й половине 1960-х годов психодиагностика получила интенсивное развитие на факультете психологии ЛГУ, а личностные методики – широкое распространение и в исследованиях, и в практической работе. Наибольшая методическая оснащенность характеризовала работу студентов, специализировавшихся по медицинской психологии на базе Психоневрологического института имени В. М. Бехтерева. Живя в тесном кругу в общежитии, можно было со многими методиками познакомиться и даже при желании приобрести их, чем я активно, к сожалению, лишь короткий период занимался. Все это стало основой моего будущего огромного (по часам) практикума по психологии личности.

И третье: естественно, я должен был посмотреть по своим конспектам содержание того курса, который на 3-м году подготовки нам читал И. М. Палей, и я это сделал; более того, посмотрел конспекты его лекций, которые он читал следующему после нас курсу, но они, по большому счету, различались незначительно, в отличие от лекций Б. Г. Ананьева. В результате я обнаружил, что И. М. Палей давал абсолютно авторские, оригинальные представления о психологии личности, которые радикально отличались от того, что читал студентам о личности А. Н. Леонтьев в МГУ имени М. В. Ломоносова. Именно это меня очень воодушевило: можно делать то, что захочется, или то, что сможешь, – в этом тоже был выход. Содержание курсов по психологии личности, которые читались в московском и ленинградском университетах, мне было изначально неинтересным.

Более всего в этот период я «боялся» спускаемых сверху учебных программ, с которыми я мог бы не справиться, и контроля за их исполнением. Будучи в состоянии полного неведения о том, как разрабатываются курсы лекций, о трудоемкости разработки конкретного курса психологии личности, я стал размышлять над тем, что же я хотел бы. У меня, оказалось, ничего не получалось, я не мог, даже кратко, сформулировать идею этого курса, чтобы обсудить ее, хотя бы с кем-то из сокурсников. Когда я все это осознал, то решил отложить свои «мучения» и заняться дипломной работой. Такое созревание отложенного решения у меня случалось неоднократно...

Начало работы на факультете – первое заседание кафедры

В Ярославль на работу я приехал в начале 20-х чисел августа 1972 года, встретился с проректором по учебной работе университета, секретарем партийной организации (по его инициативе), разместился в комнате на 2 человек в общежитии для преподавателей на проспекте Октября и стал готовиться к поездке со студентами на уборку картофеля в село, недалеко от города. На уборке я проработал со студентами 1-го курса первые 2 недели сентября 1972 года, затем приехал другой преподаватель и сменил меня. Это было неожиданным, так как, выезжая в колхоз (или совхоз), я был готов отработать там месяц, как было положено студентам. На факультете мне объяснили, что это было сделано в связи с предполагавшейся необходимостью мне готовиться к лекциям впервые читаемого курса. Меня это, конечно, удивило и очень обрадовало.

Во второй половине сентября было объявлено первое в начинавшемся учебном году заседание кафедры общей психологии. Этому я был рад прежде всего потому, что наконец-то смогу познакомиться с другим преподавателем из Ленинградского университета, выпускницей аспирантуры факультета философии. Ничего более о ней я не знал, даже фамилии. Я не понимал тогда, причем здесь философия, если речь идет о преподавателе факультета психологии. Признаюсь, что я волновался перед встречей со своими будущими коллегами – преподавателями кафедры... Заседание состоялось в небольшой учебной аудитории первого этажа, участников было настолько мало, что такого «количества» я никак не ожидал, как и того, что никакого другого выпускника ЛГУ, кроме меня, тоже не было. На короткое время до начала работы у меня возникло явное разочарование. Такое чувство было естественным: не понимая, ожидаешь чего-то нереального, а наступает то, что и должно быть в жизни.

Заседание кафедры повел профессор В. С. Филатов, по-прежнему остававшийся ее заведующим. Было объявлено, что это установочное заседание, как я понимал, перед началом учебного года. Василий Степанович обратился к доценту кафедры Ю. К. Корнилову с предложением продолжить ведение этого заседания. Когда речь зашла о моей дисциплине общей психологии для студентов третьего курса, Юрий Константинович пред-

ставил меня профессору Филатову. Он очень оживился, мне показалось, что вспомнил меня по встрече в Ленинграде и в нарушение процедуры ведения заседания позволил себе задать мне вопрос: «А по какому учебнику Вы собираетесь готовить лекции по психологии личности?». Я ответил прямую правду о том, что Б. Г. Ананьев, как декан факультета психологии ЛГУ, не разрешал даже студентам в своих курсовых работах, тем более преподавателям, использовать учебники по психологии. Поэтому при подготовке курса лекций и семинаров по психологии личности я не планировал использовать какие-либо учебники. Было явно заметно, что Василий Степанович был недоволен моим ответом, а чтобы завершить этот диалог, он сказал: «Я Вам помогу!», – хотя чем конкретно, сказано не было.

В целом я удивился тому, что Филатов сделал явную попытку включиться в «мои дела», связанные с подготовкой курса, тем более что работа находилась в самом начальном состоянии. Помню свои переживания: мне не понравилось его «включение», но я старался сдерживаться, так как понимал, что, во-первых, он имел право, а во-вторых, хотел мне помочь.

Этот действительно неожиданный и неуместно возникший диалог вызвал некоторое раздражение у пары человек (не помню, кто они были?!), которые-то и находились на заседании. В этом я увидел проявление какой-то недоброжелательности, причем не столько ко мне, сколько по отношению к профессору Филатову. Не знаю, было ли так на самом деле, но мне показалось, что участники этого заседания уже полностью его «списали в историю» не только как неформального лидера, но и как формального руководителя. К сожалению, это подтвердилось в дальнейшем...

Сразу после заседания кафедры Филатов предложил мне вместе пойти в библиотеку факультета психологии, в которой я бывал в конце августа уже неоднократно. Василий Степанович с какой-то даже гордостью представил меня работнице библиотеки, при этом и мне, и ей неловко было признаваться в том, что мы уже знакомы друг с другом и что я уже всю «перелопатил» библиотечный фонд. Сначала он сказал какие-то общие слова, призывая ее помогать мне нужными книгами, а затем о том, чтобы она позволяла мне, в виде исключения, брать домой учебник С. Л. Рубинштейна 1940 года издания. Он не только понимал, но и прямо говорил об исключении из правил пользования библиотекой, подчеркнуто объясняя это тем, что мне нужно будет разрабатывать очень важный курс по психологии личности. В тот период я не знал, что Рубинштейн был научным руководителем кандидатской диссертации Филатова и в целом Сергей Леонидович выступал для него Учителем в психологической профессии. Помощь мне со стороны Василия Степановича совершалась искренне, как-то по-отечески, поэтому я не признался ему и в том, что книга Рубинштейна была в моей личной библиотеке. Я ее с радостью приобрел в букинистическом магазине Ленинграда, что тогда было редкой возможностью для ленинградских сту-

дентов. Совместное посещение библиотеки с профессором Филатовым осталось в моей памяти одним из наиболее приятных эмоциональных эпизодов. Этот поступок был совершен Василием Степановичем не как функция руководителя по организации учебного процесса, а от души по отношению к новому и только начинающему преподавателю. Мне не показалось также, что это было результатом какого-то ситуативного душевного порыва. Он сделал это спокойно, по-рядовому, без всякого пафоса. Скорее всего, это объяснялось тем, что он был просто душевным человеком.

Завершив разговор с сотрудницей библиотеки, мы также вместе вернулись в аудиторию, где проходило заседание кафедры, а помещения находились в разных концах первого этажа. Пока мы двигались обратно, я напомнил ему о нашей встрече, состоявшейся в октябре 1971 года, на факультете психологии ЛГУ, на улице Красной, в доме 60. Конкретно на это напоминание Василий Степанович не откликнулся так, как мне ожидалось и хотелось бы, а довольно дежурно отреагировал: «Да-да!». Снова забегая вперед, хочу с большим сожалением сказать, что с профессором Филатовым я более ни разу не виделся ни на факультете, ни в каком-либо другом месте.

После завершения описанных событий я спросил у Ю. К. Корнилова о «втором» преподавателе из ЛГУ, отсутствие которого на заседании кафедры я связывал только с организацией уборки картофеля в совхозе. Однако Юрий Константинович рассказал мне о другой причине: выпускница аспирантуры философского факультета ЛГУ завершила кандидатскую диссертацию и готовилась к ее защите, а научным руководителем выступал профессор Б. Д. Парыгин. Корнилов сказал, что эта выпускница (ее фамилия не называлась) планируется для разработки лекций, семинаров и практикума по социальной психологии. Только после такой информации у меня «всё встало на свои места»... Бориса Дмитриевича я знал по книгам как одного из основателей отечественной социальной психологии; несмотря на неуважительное отношение в студенческие годы к социальной психологии, я приобретал его монографии, неоднократно слушал его и других ученых научные доклады на организованных им регулярных конференциях в Ленинграде, слышал о его бывших сложностях на факультете философии ЛГУ, откуда еще до описываемого времени ему пришлось перейти в Педагогический институт имени А. И. Герцена, и многое другое. После услышанного от Юрия Константиновича мой интерес к так называвшемуся «второму» преподавателю резко вырос: если до этого я нетерпеливо ожидал встречи с «родственной душой» из моего ЛГУ, то после рассказа Корнилова я стал воспринимать будущего преподавателя как выпускника другой научной школы в области социальной психологии. Студенты нашего факультета ЛГУ хорошо знали о напряженных отношениях между Е. С. Кузьминым, для нас настоящим социальным психологом, и «философом» Б. Д. Парыгиным, который разрабатывал свою «философскую соци-

альную психологию». Мною предвкушались острые разговоры, споры и т. п. Но по жизни сложилось так, что нам было не до дискуссий по социальной психологии. Благодаря именно нашим с ней отношениям, а речь все время шла о Галине Ивановне Тереховой, без преувеличения, мне удалось выжить, работая в Ярославском университете.

То заседание кафедры было единственным с участием В. С. Филатова, далее все дела вел Ю. К. Корнилов, т. е. уже в сентябре 1972 г. практически я «лишился» и второго своего работодателя из тех двух, в связи с которыми в октябре 1971 года я задавался вопросом на Красной улице: «Хочу ли я с ними работать?». На самом деле в жизни все происходило незапланированно быстро: ведь мои воспоминания коснулись отдельных событий лишь одного года – от конца сентября 1971 до конца сентября 1972 года.

Главная задача, которой мне пришлось активно заниматься, – это разработка, как уже говорилось, курса общей психологии. Мне явно не нравилось название «Психология личности», несмотря на нормативный его характер. Я осознавал это очень четко и отвечал по-своему на вопрос «почему»: личность человека представлялась мне преимущественно социальным или, по крайней мере, социально-психологическим образованием, а мне хотелось думать и рассуждать со студентами о психологических и даже, более того, индивидуальных (по Б. Г. Ананьеву) характеристиках: поло-возрастных, нейродинамических, соматических, психомоторных, темпераментальных и других, то есть в большой степени природно, а не социально обусловленных. В то время это было моим «подростково-профессиональным» убеждением, однако я нашел для себя компромисс – называть свой курс «Психология индивидуальности», что полностью соответствовало научной школе факультета психологии ЛГУ. Приняв такое решение, я вполне успокоился, что было очень важно для меня в тот период.

Однако вскоре из деканата факультета ЯрГУ последовало требование, обращенное ко всем преподавателям, – представить учебные программы лекций, семинаров и практических занятий соответствующих курсов. Ко мне быстро пришло осознание противоречия (или несоответствия), моего внутреннего конфликта: я собирался «давать» студентам психологию индивидуальности, а называться это будет психологией личности. Конечно, бумага бы это «выдержала!» Тогда мне казалось, что любой психолог, увидев содержание моей программы, которая еще не была мною написана, легко поймет, что это не «Психология личности». Что это будет, вопрос оставался неясным, спорным, но для меня было принципиально важно то, что это не будет официально называться психологией личности. И я пошел к декану Шадрикову, чтобы спросить его прямо: «Могу ли я назвать свой курс «Психология индивидуальности»? Я был психологически готов дать развернутое обоснование моего намерения использовать новое, предлагавшееся мною название, а не ожидавшееся по документам. Однако ни-

чего такого не понадобилось, т. к. Владимир Дмитриевич быстро отреагировал и согласился, и принятием моего предложения. По сути, он поддержал не только разработку полностью авторского курса, но и его другое название, непривычное для складывавшихся тогда университетских традиций в Москве и Ленинграде: на третьем году чтения курса «Общая психология» студентам давалась психология личности. Снятие проблем по такому поводу со стороны деканата выступило для меня сильным стимулирующим фактором.

Прощание с профессором Филатовым

В течение следующих 1,5 лет было много всякого, приятного и того, о чем мне тяжело вспоминать, но при этом никак не связанного с профессором В. С. Филатовым, и вот в марте 1974 года на факультет пришло известие о его уходе из жизни. В день похорон я был вместе со всеми факультетскими людьми и совершал все те действия, которые обычно просят выполнять в таких ситуациях молодых людей. Почему-то я этот день очень хорошо запомнил: погода была светлой, даже солнечной и по-мартовски морозной. По совету кого-то из старших, я присутствовал и на прощании, и собственно на похоронах, и на поминании... В другой мир уходил очень крупный человек! Большинство сведений о жизненном и творческом пути я услышал впервые, кстати, как и некоторые другие преподаватели факультета, с которыми мне приходилось обмениваться впечатлениями. Это было тоже характерным, так как жизнь менялась очень быстро!

После похорон Василия Степановича я неожиданно для себя осознал следующее: Филатова как будто никогда и не было на кафедре общей психологии в течение тех полутора лет, которые прошли от последнего заседания с его участием и до его кончины. Неоднократно я задавался простыми вопросами: почему так получалось, если это действительно так? где были его «следы» на той кафедре, которую он создал, возглавлял и проработал несколько лет? в какой же форме они должны были быть? Могли ли как-то иметь отношение к этому его ученики, соратники, последователи? А их было совсем немало, что виделось мне в день прощания с Филатовым... Мне важно было разобраться, не понимая, что это не под силу. И все-таки мне кое-что удалось понять из важного: память о конкретных людях бывает не только «короткой» или «долгой», но и отсроченной, причем сроки могут быть очень разными. Мне, например, понадобилось 50 лет – всего-то ничего для исторического времени, – чтобы осознать не только тот факт, что помню я Филатова, но и то, как я его конкретно помню...

Как чаще всего бывало, крупные персоналии, известные люди оставались яркими представителями своего исторического времени. Так было и с профессором В. С. Филатовым, основная жизнедеятельность которого пришлась на 1930–1960-е годы, по-прежнему недостаточно известные современному психологическому сообществу. За ним в профессии шли мно-

гие его потенциальные последователи... Как мне представлялось в тот период времени, среди них были В. В. Карпов, Ю. К. Корнилов, Г. А. Мурашев, В. В. Новиков, М. М. Рыбакова, А. В. Филиппов, В. Д. Шадриков и другие.

Э. А. Фарапонова о профессоре Филатове

После кончины Филатова мне приходилось не раз участвовать в самых разных разговорах, в которых вспоминали Василия Степановича, но один из них мне хорошо запомнился. Он состоялся у меня с Э. А. Фарапоновой весной (марте – апреле) 1975 года. В то время Эмилия Александровна была ученым секретарем Общества психологов СССР, а я – аспирантом уже очного (с 11 ноября 1974 г.) отделения Института психологии АН СССР. Ее рабочий кабинет как заведующей лабораторией Института общей и педагогической психологии АПН СССР (в профессиональном сообществе его называли «старый» Институт психологии) находился в подвальном помещении здания Института на улице Моховой (Карла Маркса). На этой встрече с Фарапоновой я выполнял функции курьера, передавая ей какие-то документы от О. И. Зотовой, старшего научного сотрудника сектора социальной психологии ИП АН СССР. За время самопредставления ей она спросила о том, какой вуз я заканчивал, как узнал об ИП АНе, почему поступал в аспирантуру не в их Институт, откуда поступал и т. д. Когда же Эмилия Александровна услышала, что я приехал в аспирантуру из Ярославля, то она очень эмоционально отреагировала, даже вскрикнула, что не было характерно для нее, как я позднее узнал. Так реагируют обычно тогда, когда человек в совершенно неожиданном месте встречает своего земляка... Было именно так, хотя при этом ни она, ни я не были ярославцами.

Эмилия Александровна стала быстро говорить о том, что Ярославль – прекрасный город, в котором работали и работают замечательные психологи, и она назвала двух человек: Маргариту Макаровну Рыбакову и Василия Степановича Филатова, совместно с которыми Фарапонова в 1960-е годы принимала участие в организации и проведении целой серии конференций по психологии труда, трудовому обучению и воспитанию – это как раз было по профессиональному профилю работы ее лаборатории и самой Эмилии Александровны. Она очень высоко оценила научный вклад Филатова в формирование этого научного направления, подчеркнув исторические факты создания им соответствующей научно-исследовательской лаборатории на базе Ярославского педагогического института, что было заметным исключением в работе этого Института, привлечения им большой плеяды учеников, организации научно-практических исследований и др. О М. М. Рыбаковой она с удовольствием сказала, что они по-прежнему дружат, встречаются и что ей приятно бывать в Ярославле. Конечно, она знала о кончине Филатова (прошел примерно год!), выразила глубокое соболезнование всем ярославским психологам... Я почувствовал в ее словах искреннее уважение коллеги по профессии и глубокое переживание утраты. Далее

я рассказал ей, что Василий Степанович был первым заведующим кафедрой общей психологии в новом университете (ЯрГУ) – самое первое место моей работы в психологии. Эмилия Александровна сказала мне фразу, которой, к своему стыду, я тогда не придавал должного значения: «Вам, Толя, повезло – успели Вы узнать профессора Филатова!». Во-первых, я не стал ничего отрицать, но на самом деле я все-таки не успел это сделать. Во-вторых, в период разговора с Фарапоновой я был очень «далеко» от «своих» ярославских событий 1972–1974-го годов, хотя прошло всего 4-5 месяцев, а тем более от 1960-х, свидетелем которых была Эмилия Александровна. Мое прошлое активно замещалось, но не вытеснялось полностью под давлением бурно развивавшихся событий в новом Институте психологии и отчасти новой академической науке.

Заключение

Так как данные воспоминания имеют отношение и к профессору Филатову, и к моему распределению на работу в ЯрГУ, я действительно долгое время задавался уместным вопросом: мое восприятие, мои, хотя и очень поверхностные, оценки Василия Степановича как-то повлияли на мой выбор первого места работы, на мое принятие предложения «работодателей» и согласие поехать в совсем незнакомый мне город, университет, на факультет? Приходится признаться, что по жизни я так и не смог ответить на этот вопрос, у меня нет каких-либо оснований это сделать и сейчас.

Бесспорно то, что в моей жизни Василий Степанович был и, естественно, остается, хотя и совсем не познанным мною. Неоднократно «ловил» себя на том, что я по-прежнему, во-первых, переживаю сожаление, что в свое время не успелось мне узнать Василия Степановича в достаточной степени, во-вторых, осознаю, что питаю интерес к содержанию публикаций ярославских психологов, упоминающих либо специально посвященных профессору В. С. Филатову. Читая их с удовольствием, убеждаюсь в том, что в них другой Филатов – большой человек, основатель научной школы, широко известный специалист, крупный организатор, талантливый педагог. Конечно, это он – Филатов, но такого Василия Степановича я лично не знал, о чем можно только сожалеть. Исторически «достался» мне, вошел в сознание, запомнился лишь «мой» Филатов – душевный человек!